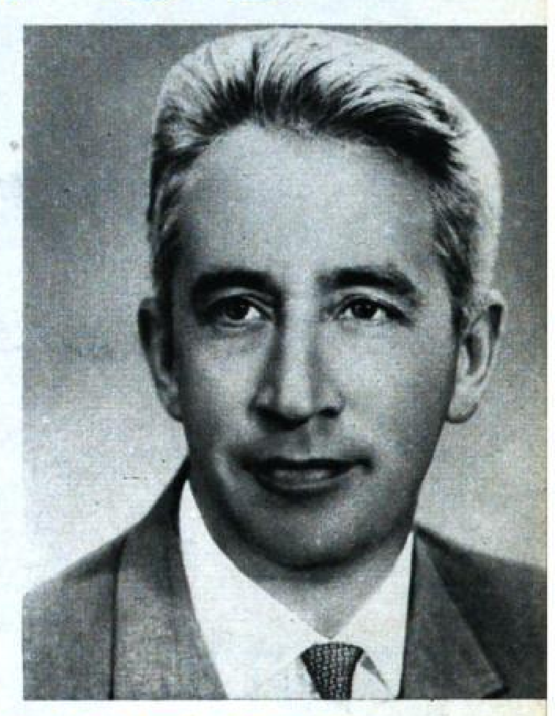
ОГОНЁК
43 ОКТЯБРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СЛАВА!

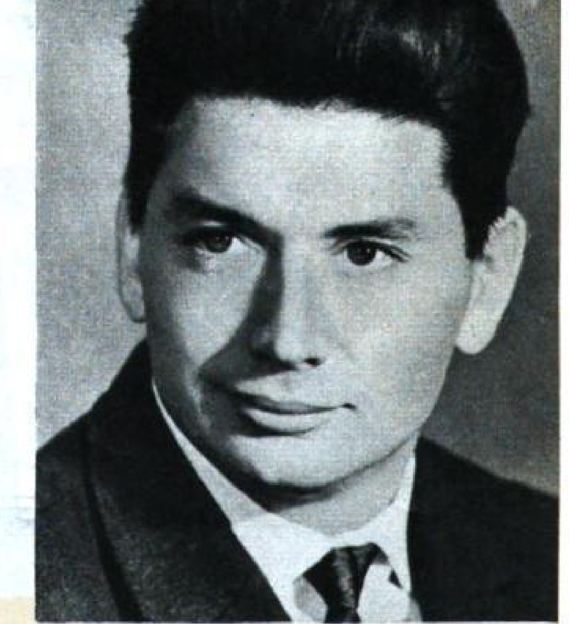
Владимир Михайлович
КОМАРОВ

СЛАВА!

Константин Петрович
ФЕОКТИСТОВ

СЛАВА!

Борис Борисович
ЕГОРОВ

Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 43 (1948)

18 октября 1964

ЗВЕЗДНАЯ ДЕРЖАВА

Борис ПАЛИЙЧУК

В космическом пространстве —
подвиг снова!
Горит «Восхода» новая заря.
Как будто бы с картины Васнецова
Шагнули в космос три богатыря!

И от Москвы до самой дальней
стройки
Отчизна вся ликует потому,
Что богатырской нашей русской
тройки
Не обогнать на свете никому!

Конструкторам, ученым честь и
слава!
И славься, мощь ракетных
кораблей!
И трижды славься, звездная
держава,
Страна чудес, страна богатырей!

Киев.

Монумент в честь покорителей космоса в Москве.
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Л. И. БРЕЖНЕВ,
Первый секретарь ЦК КПСС.

А. Н. КОСЫГИН,
Председатель Совета Министров СССР.

СООБЩЕНИЕ
о Пленуме Центрального Комитета КПСС

14 октября с. г. состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

Пленум ЦК КПСС избрал Первым секретарем ЦК КПСС т. Брежнева Л. И.

В Президиуме Верховного Совета СССР

15 октября с. г. под председательством Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. А. И. Микояна состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР.

Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел вопрос о Председателе Совета Министров СССР.

Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу тов. Хрущева Никиты Сергеевича об освобождении его от обязанностей Председателя Совета Министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья.

Председателем Совета Министров СССР Президиум Верховного Совета СССР назначил тов. **Косыгина** Алексея Николаевича, освободив его от обязанностей первого заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Указы Президиума Верховного Совета СССР об освобождении тов. Хрущева Н. С. от обязанностей Председателя Совета Министров СССР и о назначении тов. Косыгина А. Н. Председателем Совета Министров СССР приняты членами Президиума Верховного Совета СССР единогласно.

Члены Президиума Верховного Совета СССР тепло поздравили тов. Косыгина А. Н. с назначением на пост Председателя Совета Министров СССР.

Тов. Косыгин А. Н. сердечно поблагодарил Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Президиум Верховного Совета СССР за оказанное ему доверие и заверил, что приложит все силы для того, чтобы выполнить возложенные на него обязанности.

Copyrighted material

ОЧЕРК НАПИСАН ДЛЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» СПЕЦИАЛЬНЫМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ «ПРАВДЫ».

В КОСМОСЕ ТРОЕ — ЛЕТЧИК, УЧЕНЫЙ, ВРАЧ

Николай ДЕНИСОВ,
Сергей БОРЗЕНКО

Фото В. Черединцева (ТАСС) и АПН.

Вчера еще мало кому известные люди — Владимир Комаров, Константин Феоктистов и Борис Егоров — сегодня стали героями космоса. Их портреты публикуются на первых страницах всех газет и журналов мира, их имена звучат в передачах крупнейших радиостанций всех материков. Сенсация второй половины нашего века — впервые в космос на борту одного корабля отправился экипаж из трех человек: летчик, ученый, врач! Люди разных профессий, разных возрастов, разной степени космической подготовки соединили свой опыт и знания для решения больших задач науки.

На космодроме накануне старта «Восхода» первооткрыватель космических дорог Юрий Гагарин, улыбаясь, говорил:

— Вот слетают ребята, и все увидят, что космос — это уже не монополия смельчаков-одиночек. Наверное, в недалеком будущем экипажи наших космических кораблей будут все более многочисленными. В их составе станут появляться люди новых и новых профессий. Придет время, и в звездный океан отправится кто-нибудь из журналистов.

А потом, мечтательно сощурив глаза, добавил:

— Хорошо бы послать туда Лермонтова...

— Почему Лермонтова? — удивились мы.

— Потому что поэт видит всегда больше и умеет лучше рассказать об увиденном и пережитом...

Конечно, он, как всегда, скромничал. И в душе Юрия Гагарина и в душах всех знакомых нам космонавтов много поэзии, и каждый из них немножко поэт. Мы помним, как рассказывал Герман Титов о минутах снижения «Востока-2» с орбиты:

— Гляжу прищуренными глазами на кипящий вокруг огонь самых ярчайших расцветок. Красиво и жутковато!..

А с каким восторгом говорила Валентина Терешкова:

— Природа не поскупилась, окутав землю в одежду богатейших расцветок, отороченную го-

Copyrighted material

Фото Дм. Бальтерманца.

лубой каймой. Мне подумалось: «Хорошо бы наряжать наших девушек в шелка такой цветовой гаммы».

Мы вспоминаем все это потому, что увиденное и пережитое в разное время нашими космонавтами теперь одновременно увидел и пережил экипаж «Восхода». И командир корабля летчик-космонавт Владимир Михайлович Комаров и его товарищи — научный сотрудник-космонавт кандидат технических наук Константин Петрович Феоктистов и врач-космонавт Борис Борисович Егоров — каждый по-своему восприняли красоту космоса. И мы еще услышим их впечатления и получим эстетическое наслаждение от описания увиденного в прекрасном звездном океане.

I

Владимира Комарова мы знаем, кажется, сто лет — со времени, как впервые встретились с Юрием Гагариным. Он обмолвился, что первый интерес к небу возбудила в нем сказка поэта-сибиряка Петра Ершова о Коньке-Горбунке, и даже прочел на память:

Горбунок летит, как ветер,
И в почин на первый вечер
Верст сто тысяч отмахал
И нигде не отдыхал.

А случившийся тут Валерий Быковский с присущей ему шутливой иронией заметил:

— Совсем как космический корабль...

Владимир Комаров — красивый, крепко сбитый человек, обаятельный, внушающий уважение одним своим видом. Нам кажется, что с него можно писать портреты любимых героев советской молодежи: Павки Корчагина, Сергея Тюленина, Александра Матросова, Тимура Фрунзе. От каждого из них в его облике есть запоминающиеся черты. Однажды наш друг скульптор — автор вдохновенно выполненных портретов всех наших космонавтов,— любуясь выразительным лицом Комарова, заметил:

— Мужественные черты... Так и просятся в гранит и мрамор...

Ну что же, теперь, кажется, са-

мая пора браться скульптору за дело — увековечить в монументальном искусстве облик героя.

Может, мы и допустили ошибку, начав рассказ о командире «Восхода» с описания его внешнего облика. Но думается нам, что каждый, кто впервые знакомится с этим человеком, не может не заглядеться: до чего же обаятелен этот богатырь.

Но стоит поближе познакомиться с летчиком-космонавтом, и тебя уже поражает не столько внешность, сколько характер этого человека — благородный, выдержанный, целеустремленный.

Характер этот формировался еще в детстве, проведенном в одном из центральных районов Москвы, в семье простого рабочего. Отец его Михаил Яковлевич, которому нынче уже более 60 лет,— человек, что называется, с золотыми руками. Он все умел делать: и починить замок, и отремонтировать керогаз, и смастерить из дерева нехитрые предметы домашнего обихода. Жили Комаровы среди таких же, как и они, трудовых людей. Володя всегда и во всем помогал и отцу и матери Ксении Игнатьевне.

На всю жизнь в память мальчика врезались первые месяцы Великой Отечественной войны: воздушные тревоги, вражеские бомбежки, уход отца в действующую армию — в части противовоздушной обороны, охранявшие небо столицы от налетов гитлеровской авиации. С тревогой и беспокойством вслушивался Володя в невеселые радиопередачи, вчитывался в газеты, сообщавшие об ожесточенных боях на всем фронте. Он приходил в неописуемый восторг, узнавая о подвигах танкистов и артиллеристов, саперов и зенитчиков. Но почему-то больше всех его восхищали летчики: «Вот это да, вот это орлы!»

Дома самым большим его другом была мама: ей он поверял все свои тайны, все свои мальчишеские задумки. И к ней первой пришел, чтобы сказать: «Хочу стать летчиком!..»

Но пройдет еще немало трудных лет — занятия в специальной школе ВВС, тяготы горькой военной поры,— прежде чем он сядет в заветную кабину самолета. Путь в военное авиационное училище был тот же, что и у сотен героев-авиаторов: аэроклуб, кстати сказать, тот самый, 1-й Московский, в котором несколько позже учился летать и Валерий Быковский. А после аэроклуба — военное авиационное училище.

Став летчиком-истребителем и получив лейтенантское звание, Владимир Комаров уехал служить в N-скую часть. Среди однополчан он быстро прослыл человеком, любящим скорость и высоту полета, офицером, живо интересующимся новинками советской и зарубежной авиационной техники. На его глазах все более и более преображалась наша авиация — росли дальность, скорость, высота полета боевых машин. Все это требовало от летчиков солидных технических знаний, широкой инженерной подготовки. Владимир Комаров — человек серьезный, аналитического склада ума — понимал: чтобы идти в ногу с прогрессом авиации, имеющихся у него знаний маловато. И не раз в кругу однополчан, когда заходил разговор о будущем авиации, Владимир Комаров говорил:

— Нет, братцы! Так дело не пойдет. Хороший летчик теперь должен обладать многогранными техническими знаниями.

Раздумья авиатора были отнюдь не бесплодными мечтаниями. Задумано — сделано. Как только представилась возможность, Комаров поступил в Военно-воздушную инженерную академию.

Нелегко было попасть в старинный Петровский дворец, туда, где находится академия. Сюда брали авиаторов, зарекомендовавших себя на практической работе с самой лучшей стороны. И командование, хорошо знавшее устремления Владимира Комарова, высоко оценивавшее способности летчика, направило его в академию для дальнейшего изучения авиационных наук.

Интересная это была пора в жизни Владимира Комарова. В аудиториях академии под руководством опытных педагогов он все глубже и глубже познавал законы, управляющие развитием и совершенствованием современной авиации. Академия была для него великолепной школой — и не только потому, что с каждым годом учебы возрастал «потолок» знаний, расширялся кругозор, обогащалась эрудиция. Здесь оттачивался характер, закалялись воля, упорство, настойчивость. Здесь партийная организация воспитывала в нем качества, необходимые офицеру-коммунисту.

Вот строки из характеристики В. М. Комарова, слушателя Военно-воздушной академии имени Жуковского: «Над текущим учебным материалом работал усидчиво и систематически. Отличается пунктуальностью в выполнении заданий...»

Усидчивость, систематичность, пунктуальность — как пригодятся потом эти качества летчику-космонавту!

Был у Владимира в ту трудную пору его жизни верный друг и помощник, которого не смущало, что жить приходится в маленькой подвальной комнате и что человек, который тебе так дорог, не всегда может пойти с тобой погулять, в кино, потому что он и без того далеко за полночь сидит за столом, тем самым, за которым сидел еще мальчиком и решал арифметические задачи. Сейчас он держит в руках логарифмическую линейку. А она, друг, смотрит на него и думает: «Ну и характер же у тебя, Володя!» Ее не смущают все тяготы такой жизни, не смущают потому, что она крепко любит его — жена, Валентина Яковлевна, уроженка города нефтяников Баку. В семье подрастал сын Евгений, и вот уже рядом с набитым учебниками портфелем отца, слушателя академии, появился портфельчик младшего Комарова — школьника. «Ну, что же,— шутит отец,— будем соревноваться — у кого больше пятерок!»

Прошло уже пять лет, как летчик-истребитель Владимир Комаров получил диплом авиационного инженера и на его форменной офицерской тужурке появился серебристо-белый ромбик — знак окончания высшего военного учебного заведения. Но в академии все еще помнят настойчивого, вдумчивого слушателя. И его бывший преподаватель расскажет вам, как восторженно воспринял слушатель Комаров весть о запуске первого искусственного спутника Земли. И еще вспомнит, как он

На этом снимке будущий командир корабля «Восход» примеряет новый костюм — космический скафандр. Пока еще в качестве дублера Павла Поповича.

Мелодия космической песенки в исполнении Ирочки Комаровой звучит не совсем уверенно. Но папа считает: «Ничего! Все впереди!»

Командир корабля «Восход» В. М. Комаров и бортученый К. П. Феоктистов начали решение космической задачи еще на Земле.

righted material

До выхода на орбиту остаются считанные часы.

Маленький Андрейка Феоктистов освоил свою первую транспортную машину. «Но как знать, штурвал какого аппарата будут сжимать его руки в будущем!» — думают родители.

Много раз придется повернуться в тренировочном колесе, прежде чем полететь в космос.

— Дай, Андрюша, руку! Будем с тобой космонавтами! — сказали школьники, которые пришли навестить семью К. П. Феоктистова.

несколько дней ходил хмурый, озабоченный, что-то обдумывающий — это было сразу же после окончания академии. Теперь они, его учителя и его «однокашники», уже знают, в чем дело. В. Комарова вызвали и сказали, что могут удовлетворить давнишнее желание молодого летчика-инженера: отправить на летную службу. «Вы хотели летать? Можем помочь, если не расхотели...» И при этом назвали такие высоты полета, что Комаров поначалу решил, что с ним шутят. Нет, не шутят, это всерьез. Разговор был долгий, сугубо конфиденциальный. Он ответил: «Согласен!» И, не зная, что будет дальше, чем кончится весь этот разговор, уехал в N-скую часть «для прохождения службы». И вот — вызов в Москву. Снова комиссии, снова придирчивые медики ищут, нет ли хоть малейшего противопоказания, тем более, что лет ему уже немало. И наконец долгожданное: «Годен!» И опять учеба. Теперь рядом с ним молодые, куда моложе его, парни: Гагарин, Быковский, Попович, Николаев, Титов...

Вместе с ними он сначала осваивал и опробывал все эти центрифуги, вибростенды и сурдокамеры, а затем изучал в них «премудрости» и «прелести» космических тренировок, когда человеческая кровь становится тяжелой, как ртуть, а тело в несколько раз увеличивает свой вес. Все шло успешно. Но он не полетел ни на первом, ни на втором, ни на последующих четырех космических кораблях. Владимира Комарова затяжки эти особенно не огорчали: он терпелив и умеет ждать.

Правда, один раз ему довелось испытать предполетное волнение. Это когда он был дублером командира «Востока-4». Мы помним, как вместе с Павлом Поповичем, проводив в космос Андрияна Николаева, он провел предстартовую ночь в домике космонавтов, а наутро, одетый в такой же скафандр, как и Попович, отправился к ракете. Тогда мы разговаривали с Комаровым, он был, как всегда, спокоен, невозмутим, уверенный, что с его партнером ничего не случится и Попович благополучно выйдет на орбиту. Спокоен и горд: как-никак, а уже дублер! Значит, всеми признано, что ты готов, абсолютно, что называется, «по всем статьям» готов к полету.

И вдруг — беда. Да, можно сказать, что для космонавта это беда. И приключилась она с Комаровым уже после того, как Николаев и Попович вернулись на Землю и вся группа космонавтов вновь засела за учебу. Вестником беды оказался врач. После очередной тренировки кардиограмма подала «SOS»: экстрасистолия. Нарушение ритма сердца. Для простого смертного это вообще-то не опасно. А тут поднялась тревога. Что делать? Комарова сняли с тренировок. А сам он чувствует себя отлично. И строгая комиссия говорит: здоров! А кардиограмма в спор вступает: осторожно! Нетрудно догадаться, что пережил в ту пору летчик-космонавт, что пережили его друзья. И вот тут-то сказались те самые черты характера, о которых так сухо писали в служебной характеристике. Человек слабой воли, возможно, быстро переметнулся бы на другую стезю. А Комаров стоял на своем, он силой своей воли пробивал себе дорогу в кабину космического корабля.

...Идет в отпуск. Еще раз требует обследования. Обращается к разуму и опыту крупнейших ученых, ему помогают друзья-космонавты. Несколько авторитетнейших консилиумов, консультаций. И, наконец, медицинская комиссия, решение которой может «перекрыть» все предыдущие.

Какой это был праздник в семье Комаровых, в семье космонавтов, когда ученые-медики сказали: «Да, может летать в космос!»

Владимир Михайлович Комаров еще на Земле показал, что такое сила воли коммуниста.

...Отправляясь в полет, космонавты взяли на борт «Восхода» портреты основоположников научного коммунизма Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина, а также алый бант с простреленного пулями знамени последней баррикады парижских коммунаров. Коммунист Владимир Комаров бережно уложил драгоценные реликвии в бортжурнал «Восхода» и несколько торжественно сказал:

— Ну вот и летим... Отправляемся выполнять поручение партии.

Этим было сказано все.

II

И вот этот день настал! Владимиру Комарову и его товарищам доверили полет, который принципиально отличается от всех предыдущих. Три человека — летчик, ученый, врач — в одном корабле летят в космос. Рядом с Владимиром Комаровым — его товарищи по космосу Константин Феоктистов и Борис Егоров.

...Высокий лоб с серебристой прядкой седоватых волос и внимательные глаза, пристально вглядывающиеся в созвездия, проплывающие в иллюминаторе, — ученый Константин Феоктистов занят инженерными расчетами.

Владимир Комаров сразу проникся уважением к этому человеку. Константину Петровичу Феоктистову 38 лет. Он кандидат технических наук, у него несколько научных работ. Но, конечно, ему было труднее, чем другим космонавтам. Но, как и все остальные, он учился стойко переносить перегрузки центрифуги, разреженность воздуха в барокамере, испытания жарой и холодом. Феоктистов быстро, на правах равного вошел в дружную семью космонавтов.

Вся жизнь Константина Феоктистова — учение и труд. Он родился в Воронеже. И отец его Петр Павлович — член партии, работавший бухгалтером, и мать Мария Федоровна — женщина добрая, душевная — научили его трудолюбию, серьезному отношению к жизни. Он был младшим сыном в семье. Мать любила стихи своих земляков-поэтов Ивана Никитина, Алексея Кольцова, и ей нравилось, когда Костя читал их на память. На его глазах небольшой провинциальный город разрастался в крупный промышленный центр. Строились новые заводы и кварталы красивых жилых домов, открывались новые школы и высшие учебные заведения. Только учись и учись...

Война застала подростка на школьной скамье. Над родным городом нависла угроза фашистского вторжения. Армады вражес-

Copyrighted material

— Не волнуйся, дорогая! Все будет хорошо!— говорит Борис Егоров жене Элеоноре.

Борис-2 и Борис-3.

Врачу-космонавту Борису Борисовичу Егорову скоро предстоит пересадка...

ких бомбовозов разрушали знакомые с детства кварталы.

Война принесла много горя в семью Феоктистовых. Пришло горькое известие: погиб, защищая Родину, старший брат, Борис. Уже давно нет вестей от отца-сапера. И вот настал день, кажется, самый страшный, когда надо уходить с матерью из дома,— немцы уже вышли на окраину города.

Как память о тяжких днях войны хранится у Константина Петровича медаль «За победу над Германией», это награда отважному разведчику Косте. Да, ему было только шестнадцать лет, когда он совершил первый в своей жизни подвиг: по заданию командира подразделения пробрался в Воронеж, только что занятый фашистами. Пробрался, прошел по знакомым улицам, приметил места, где фашисты устанавливают орудия, где больше всего солдат скопилось, и не без приключений (шустрого паренька немец схватил было за шиворот и хотел отвести к командиру, но Костя взмолился: «Дяденька, отпусти!») вернулся к своим. Разведанные оказались ценными, командир похвалил: «Из тебя, парень, выйдет разведчик». А потом его снова послали в разведку. Несколько раз доброволец-разведчик переходил линию фронта, добывая нашему командованию сведения о расположении вражеской артиллерии, гитлеровских танков. В одной из таких разведывательных вылазок он получил пулевое ранение.

На этом и закончилась его «военная карьера».

...Гибель брата была невосполнимой утратой для Кости: сколько в детские годы было переговорено вдвоем, какие только мечты не возникали в задушевных беседах двух братьев! Борис поощрял увлечение Константина техникой и рисовал перед ним заманчивые картины того, как они поедут в Москву и будут учиться в лучшем техническом институте страны.

Но учиться в столице Константину пришлось без поддержки старшего брата. Костя действительно попал в одно из лучших учебных заведений страны — в Высшее техническое училище имени Баумана. Трудное было это время для юноши. Стипендии хватало лишь на самое необходимое. Увлекали точные науки, он много читал, интересовался жизнеописаниями выдающихся русских техников, инженеров и ученых, находя в их биографиях много поучительного для себя. Бывшие его преподаватели отмечают завидное упорство студента Константина Феоктистова, его жажду к знаниям, умение отделить главное от второстепенного, способность глубоко усвоить прослушанную лекцию, самостоятельно сделать правильные выводы из изучаемого материала. Он был дисциплинированным студентом, никогда не делал прогулов, не опаздывал на лекции. Он взял все от высшего учебного заведения, что оно могло ему дать за многие годы учения, ни один день не пропал у него зря.

Константин Феоктистов закончил институт с высокими оценками и, став инженером, некоторое время работал на одном из заводов, а затем пошел в научно-исследовательский институт. Теперь он стал жить в прекрасном мире экспериментов, поисков нового, творческих устремлений.

Молодого инженера зачислили в аспирантуру, одобрили избранную им смелую тему кандидатской диссертации. И вот годы напряженного труда, горы литературы, поиски, чередование сомнений и надежд. Область, в которой работал молодой аспирант, требовала все новых и новых знаний, глубокого проникновения в смежные науки, тоже не стоящие на месте. Приходилось трудиться каждый день, без праздников и выходных.

Константин Петрович Феоктистов стал кандидатом технических наук. Это была первая крупная победа на его научном пути. Одержав ее, он с головой погрузился в практическую деятельность. Это произошло еще до того памятного дня, когда в космос поднялся первый в мире советский искусственный спутник Земли. И Константин Феоктистов вправе гордиться тем, что в такое поистине эпохальное событие вложена и частица его скромного труда.

...Рабочий день начинался ранним утром и кончался вечером. Он приходил домой усталый, и жена Галина Николаевна, кстати сказать, тоже техник по образованию, старалась создать тот уют, который помогает отвлечься от повседневных забот.

Каждый новый полет советского человека в космос был для Константина Петровича Феоктистова и его товарищей по инженерному труду заметной вехой в их жизни, настоящим праздником.

Нам доводилось не раз видеть Константина Петровича Феоктистова на космодроме перед очередным космическим полетом. Вместе с другими энтузиастами отечественной космонавтики он в эти напряженные дни отдавал всего себя любимому делу. Товарищи с уважением называли его человеком одержимым. Что ж, это, наверное, довольно точное определение характера ученого, характера, который закалялся в постоянном преодолении трудностей.

Помнится, однажды — это было, кажется, в дни полета «Востока-5» и «Востока-6», когда Валерий Быковский и Валентина Терешкова уже обвили земной шар не одним десятком витков, — Константин Петрович, обычно всегда сдержанный и немногословный, как-то вдруг чуточку расчувствовавшись, поделился с журналистами своей сокровенной мечтой:

— Хочется побывать в космосе... Надо своими глазами увидеть, как там ведет себя наш корабль...

Он говорил тогда о космическом корабле, как о живом существе, самом ему близком и дорогом. И в этом еще и еще — в который уже раз! — сказался его характер инженера и ученого, одержимого в самом лучшем смысле этого слова благородной и высокой целью. И нынче все, кто близко знает Константина Петровича Феоктистова, кто плечом к плечу, словно солдаты, много лет сражался вместе с ним за то, чтобы проторить человеку дорогу в космос, от всей души радуются осуществлению его мечты.

III

Ракетные двигатели в миллионы лошадиных сил вывели «Восход» в звездный океан. Но, пожалуй, еще более совершенными двигателями

Copyrighted material

в его полете оказались сердца трех космонавтов. Мы говорим это так, потому что один из них, доктор Борис Егоров, как бы между прочим заметил на космодроме:

— Человеческое сердце совершает гигантскую энергетическую работу. За сутки оно делает более ста тысяч сокращений и перекачивает в ткани и органы свыше семи тонн крови...

В полете Борис Егоров — самый молодой член экипажа: он родился в 1937 году. Врач пристально следил за работой сердец своих товарищей по космосу. Да и собственное сердце тоже находилось под его врачебным контролем. Подумать только, наша космическая медицина уже не довольствуется показаниями многочисленных датчиков, прикрепленных к телам космонавтов, теперь она послала в космос своего собственного представителя. Техника техникой, но и она полностью не заменит человеческий мозг, глаза, уши, чутье. И вот кабина космического корабля становится не только научно-технической лабораторией, но и своеобразным врачебным кабинетом, где изучается и частота дыхания космонавтов, и давление крови, и температура тела, и работа вестибулярного аппарата, и психика, и нервная система, и поведение человеческого организма в состоянии невесомости.

Все медики мира радуются за своего коллегу, которому первому из врачей посчастливилось «практиковать» в космосе. Но, пожалуй, больше всех сейчас рад отец Бориса—действительный член Академии медицинских наук СССР, виднейший нейрохирург Борис Григорьевич Егоров. Отец и мать приложили много сил, чтобы сын полюбил медицину, как и они, отдал ей всего себя. Традиции тут соблюдают свято. И, может быть, именно поэтому в семье три Бориса — дед, отец, внук...

Большой праздник нынче и в 1-м Московском медицинском институте, который Борис Егоров окончил в тот «гагаринский» год, когда был совершен первый полет человека в космос. Студенты-комсомольцы уже на видном месте рядом с портретом Юрия Гагарина укрепили портрет первого врача-космонавта Бориса Егорова, а студенты-альпинисты хотят назвать его именем один из пиков Кавказского горного хребта, на который не раз восходил их товарищ и по институту и по спорту.

К космонавтике Борис Егоров приобщился еще во время студенческой практики. Ему довелось быть свидетелем, как первым сурдокамеру обживал Валерий Быковский, слышать, как из нее доносились звучные пушкинские стихи, декламируемые Германом Титовым, как в ней, отгоняя тоску одиночества, пел звонкие украинские песни Павел Попович. Каждый в сурдокамере вел себя по-своему, и будущему врачу-космонавту наблюдения за ними давали богатую пищу для размышлений. Он пришел к выводу, что если человек, даже когда он отделен от окружающего мира, занят работой, то для него не существует одиночества. Вот почему, проходя предполетную тренировку в этой же самой сурдокамере, он трудился над своей кандидатской диссертацией.

После получения диплома врача Борис Егоров твердо решил навсегда соединить свою судьбу с космосом. На его глазах проходили предполетные тренировки Андрияна Николаева и Павла Поповича, Валерия Быковского и Валентины Терешковой. Он тщательно изучал данные и выводы медико-биологических исследований, проведенных в длительных космических полетах. Мечтой его стало самому подняться в космос.

А для этого у него были все данные: молодость, здоровье, физическая закалка, знания, страстное желание добиться поставленной цели. С детства он жил в атмосфере настойчивых поисков нового. Сколько раз отец Борис Григорьевич дерзал, делая сложнейшие операции человеческого мозга. В дом к ним наведывался знаменитый Николай Нилович Бурденко — ученый, дерзновенная смелость которого за хирургическим столом не знала границ. В гостях у них бывали военные врачи, те, кто в годы Великой Отечественной войны вместе с бойцами отправлялись в морские десанты, прыгали на парашютах в тыл врага, оперировали под обстрелом в горящих зданиях и, когда надо, отдавали свою кровь тяжелораненым. Борису Егорову было у кого учиться гражданскому долгу, мужеству, научной смелости.

Если бы мы были художниками и нам довелось бы писать его портрет, мы изобразили бы молодого врача-космонавта в любимой для него обстановке, где-нибудь на вершине горного ледника, опирающимся на альпеншток. Мы бы тщательно выписали его загорелое, светлоглазое лицо, короткую, спортивную прическу. Может быть, мы бы еще выделили на его лице два небольших шрама — следы ран, полученных в детстве от падения и «заштопанных» руками отца. Не знаем, получился ли бы у нас портрет романтика нашего времени, но Борис Егоров — самый настоящий комсомольский романтик, страстно влюбленный в жизнь, в свой труд, в спорт, в оптимистическое искусство, в музыку, красоту природы. А может быть, его следовало бы изобразить в домашней обстановке, рядом с женой Элеонорой — тоже врачом — и трехлетним сыном Борей? Или за письменным столом на фоне стеллажей, заставленных книгами? Чего там только нет, на этих заветных полках! Труды Павлова и Сеченова, Бехтерева и Склифосовского, романы Шолохова и Хемингуэя... И, конечно, книги космонавтов — с автографами и без оных. Но, пожалуй, портрет Бориса Егорова будет неполным, если мы не скажем еще, что он увлекается футболом и болеет за «Спартак»...

* * *

...«Восход» уже приземлился в заданном районе. Три космических богатыря — летчик, ученый и врач — благополучно вернулись на ликующую советскую землю. Провожая их в космос, мы видели, с каким энтузиазмом и верой в успех поднимались они на вершину ракеты, в свой легендарный корабль. Видели мы их и сразу после приземления. Они были усталые, возбужденные, но счастливые тем, что принесли еще одну космическую победу своей любимой Родине.

ПЕСНЯ О ДОМИКЕ КОСМОНАВТОВ

На космодроме Байконур, недалеко от стартовой площадки, среди молодых тополей стоит небольшой деревянный домик — домик космонавтов. Кругом солнце и цветы, бетон и песни.

Из окна одной из маленьких комнат видна космическая ракета, нацеленная в небо. В домике по-домашнему уютно, просто, как в родном доме: кровати с полотенцами на спинках, пуховые подушки, стулья, легкие шторы на окнах, на круглом столике — стопки любимых книг, шахматы.

В бревенчатом домике живут последние сутки перед штурмом Вселенной те, кто идет на подвиг. С портретов на стене улыбаются Юрий Гагарин и Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский и Валентина Терешкова.

Сегодня отсюда, из этого маленького и тихого дома, уехали на стартовую площадку новые герои...

Но где бы ни были покорители Вселенной, в космосе или на Земле, они всегда с трогательной нежностью вспоминают бревенчатый домик, пахнущий смолой, цветы, что окружают его, фонарик, что горит всю ночь.

Родились на космодроме стихи, посвященные Домику космонавтов. Вот они.

ПЕСНЯ КОСМОНАВТОВ

Бревенчатый дом на четыре окошка.
Такой пятистенком зовут на Руси.
К нему, как ручей, из бетона дорожка
От самой ракеты к крыльцу колесит.

Нам по сердцу все: и фонарик над крышей,
И строй тополей, и туман до утра,
И ветер ночной, что гуляет неслышно,
И Главного голос: «Вставайте, пора!»

Мы любим его, светлый домик сосновый,
Как дальних галактик таинственный шум,
Как ласку любимой, как день этот новый,
Что сердце тревожит и радует ум.

Сегодня стартуем, фонарь не гасите.
Он нам на планете родной, как маяк.
Куда б ни занес нас ракетоноситель,
Вернемся к тебе, голубая Земля.

Горит, не погаснет фонарик над домом.
На старте, как стрелы, стоят корабли.
Чудесен наш край, что зовут космодромом.
Отсюда дороги к планетам легли.

И чудится мне, что эту песню поют двое космонавтов — мужчина и женщина. Последние строфы каждого куплета подхватывает хор. Широко и привольно несутся слова: «Отсюда дороги к планетам легли».

Может, действительно, эти стихи взволнуют чью-то отзывчивую композиторскую душу. И возвратятся стихи на космодром, туда, где родились, хорошей песней.

А. РОМАНОВ,
спец. корр. ТАСС на космодроме

ВОТ ОНИ ОБА: ОТЕЦ И СЫН!

Солнечное утро встало над Москвой, и лучи его высеребрили струю огня, взметнувшуюся в небо. Сюда, к обелиску с ракетой, пришел в эти часы пожилой человек, отец командира космического экипажа Михаил Яковлевич Комаров. В руках у него портрет сына, который только что вручили ему здесь. Не успел он развернуть его, как набежали со всех сторон люди. Поздравления, рукопожатия, улыбки. Вот они оба: отец и сын...

Фото Е. Умнова и Д. Ухтомского.

И ВЫ ОБРЕТЕТЕ ЗОРКОСТЬ

М. АЛПАТОВ

В советское время Эрмитаж стал крупнейшим музеем, обнимающим всю историю мирового искусства. Но двести лет назад, когда было положено основание Эрмитажа, это была просто картинная галерея. Она и теперь еще составляет ценнейшее ядро музея. Многие из эрмитажных картин известны читателям «Огонька»: они воспроизводились в нынешнем году на страницах журнала.

В юбилейные дни Эрмитажа ленинградцы имеют одно преимущество: его двухсотлетнюю годовщину они могут отметить прямо в залах музея. А лучший способ отдать свой долг восхищения искусству — это рассматривать его, любоваться им.

Что касается нас, «иногородних», в том числе многих читателей «Огонька», то мы, конечно, не преминем в юбилейные дни припомнить все, что когда-либо увидели и полюбили в Эрмитаже. Мы постараемся пересмотреть воспроизведения эрмитажных картин, чтобы совершить хотя бы мысленно прогулку по его гостеприимным залам.

Старые мастера, мастера классической живописи,— это вчерашний, иногда позавчерашний день искусства; многое из того, что волновало и вдохновляло их, невозвратно отошло в область истории. Мастера Возрождения, которыми открывается картинная галерея Эрмитажа, жили и творили около пятисот лет тому назад.

И все же мы с доверием и любовью обращаемся к ним. Ведь от них «пошло» чуть ли не все в искусстве нового времени. Они положили прочные основы современных воззрений на искусство. Можно оспаривать старых мастеров, отступать от них ради нового, но без них современное искусство не было бы тем, чем оно на самом деле является. И потому мы обращаемся к ним за добрым советом. Особенно когда возникает спор о том, что в искусстве хорошо и что плохо.

Уж если быть совсем откровенным, то нужно признаться, что Эрмитаж нас влечет не только своей почтенной юбилейной датой. В залах этого роскошного царского дворца, волею народа превращенного в дворец искусства, мы вдыхаем живительный воздух. Мы проверяем наши художественные влечения и увлечения, настраиваем, как камертон, наш глаз, упражняем наш вкус высокими и бесспорными образцами. Нужно порадоваться за тех посетителей Эрмитажа, у которых вошло в привычку приходить в его залы, как на дружескую встречу.

Впрочем, здесь человек получает не только одну отраду. Ему предстоит серьезный, порой утомительный труд. И это не только потому, что при осмотре музея приходится отмеривать пешком семьдесят тысяч метров музейной территории. Настоящее искусство требует от человека умственного напряжения и нравственных усилий. В таком музее, как Эрмитаж, перед нами на каждом шагу возникают вопросы, на которые нужно отвечать безотлагательно.

В мире классической живописи современного зрителя останавливает прежде всего ее незнакомый, порою даже непонятный ему предмет. В залах Эрмитажа можно постоянно видеть, как зритель, привлеченный той или другой картиной, останавливается перед ней, пристально всматривается в нее, изучает ее, затем — для того, чтобы разрешить свои недоумения,— переводит взгляд на этикетку под картиной, внимательно читает ее, снова смотрит на картину, словно сверяя прочитанное с увиденным, и, постояв еще немного в нерешительности, отходит от картины, видимо, не вполне довольный тем, что извлек из нее.

И в самом деле, разве не возникает множество вопросов и недоумений перед картинами старых мастеров? Что происходит, например, с этим благообразным старцем, который при виде крылатого вестника испуганно выпускает из руки нож, занесенный над прекрасным юношей? Загадочна и миловидная женщина в розовом платье, которая холеной ножкой попирает отрубленную мужскую голову. Или восточного типа мужчина в чалме, к груди которого припал белокурый юноша. Либо, наконец, многочисленные бесстыдно обнаженные мужчины, женщины, девушки, пухленькие, кудрявые младенцы...

Пытливый зритель может под этими картинами обнаружить если не полное объяснение предмета, то хотя бы имена героев: Авраам, Юдифь, Давид, Венера, Аполлон и т. п. Но что могут сказать эти имена современному человеку, который давно уже вышел из-под власти древних легенд и мифов? Возникают новые вопросы, новые недоумения: а кто был Авраам, Давид, Юдифь и т. п.?

Здесь естественно поставить вопрос: а разве для понимания искусства необходимо знакомство с этими легендами и мифами?

Многие считают, что картины старых мастеров драгоценны своим выполнением — своими красками, формами, приемами мастерства, а не отжившими свой век литературными сюжетами. Действительно, итальянские мастера, Рубенс, Рембрандт, Пуссен не придавали старым легендам того значения, какое придавали им народы на заре своей исторической жизни. Но в них они угадывали глубокие мысли, большие чувства, плоды народной мудрости. Нельзя считать, что сюжет — это ключ к уразумению старой картины, но без сюжета наше понимание ее будет обедненным и искаженным.

Великие мастера были чем-то вроде импровизаторов. Им требовался внешний толчок, чтобы проснулось воображение и рука потянулась к кисти. Классическая живопись — это почти всегда иносказание. Именно благодаря этому она и сохраняет неувядаемую молодость и красоту на протяжении веков. Что бы ни писали художники: ветреную Венеру, благочестивую Мадонну или раскаявшуюся грешницу Магдалину, упоение радостями жизни или сцены человеческих страданий,— все это входит в искусство художественно преображенным. Все это выражает победу человека-творца, его способность преодолеть страдание, подчинить все высоким порывам души.

В живописи великих мастеров нас радует и нас возвышает самая способность их придать всему заданному или задуманному облик внутренней необходимости, прекрасной соразмерности, доставляющей удовлетворение и нашему глазу и нашему сознанию. Каждый штрих и мазок, каждый оттенок краски как бы входят в тот оркестр, каким является картина. Все испытанное или воображаемое получает в картине достоверность свидетельства. В этом — неповторимое очарование искусства, которое не может быть подменено никакими другими формами человеческой деятельности.

Мы только еще поднимаемся по парадной растреллиевской лестнице Эрмитажа. Ступать по ней было когда-то привилегией одной только знати, приглашенной на придворные празднества. Теперь здесь бесконечным потоком движется ленинградский трудовой люд самых различных возрастов и профессий. Мы только еще приближаемся к нашей цели, но уже, как при первых звуках увертюры, нас охватывает волнение. Вот-вот взовьется тяжелый занавес, и нашему взору откроется зрелище того, что уже много веков влечет к себе и волнует человечество. Мы словно приближаемся к перевалу, откуда глазам открывается вид на далекие просторы...

Прежде, чем говорить об отдельных вещах, остановимся на мгновение и окинем мысленным взглядом все, что нам предстоит осмотреть,— три главных пути классической живописи Запада.

Итальянская школа. Она прославила человека — прекрасного, счастливого, деятельного, способного выразить себя в гордой осанке, в красноречивом жесте, в приветливом открытом взгляде. Итальянская живопись — это нечто вроде «бель канто». Мы говорим об итальянских певцах: какое свободное дыхание, какая широкая звуковая шкала! Перед картинами итальянских мастеров тоже хочется воскликнуть: какая дивная пластика, какое радостное ощущение полноты жизни! Посмотрите на тициановского Себастиана: человек идет навстречу буре и полон чувства собственного достоинства.

Нидерланды не остались глухи к тому, что открыла Италия. Рубенс не только следовал итальянцам, но и вступал с ними в соревнование. Но в основном северные школы шли своими путями. Главное в человеке не то, что выходит наружу, а что в нем таится,— его внутренний мир, согретый интимными переживаниями. Через них входит в искусство невзрачная каждодневность, все то, что способно вызвать в человеке сострадание. Сама природа, окружающая человека, становится его неотделимой частью. Блудный сын Рембрандта в жалких лохмотьях отвернулся от нас, но мы переживаем и его унижение и его радость.

Третья — французская школа позднее завладевает симпатией всей Европы. Если требуется несколькими словами определить главное ее призвание, то нужно сказать, что оно — в способности художника ясным сознанием проверить предмет его непосредственного опыта. Обостренное ощущение формы, цвета, красочных отношений сочетается в ней с драгоценным даром подчинять все, схваченное на лету, общим законам, выражать в ясной живописной формуле. Не самозабвенное упоение земной плотью, а торжество над ней.

Все сказанное — это, конечно, не больше чем грубая, приблизительная схема, оправданная необходимостью ухватиться за Ариаднину нить, чтобы не заблудиться в лабиринте зрительных впечатлений, ожидающих нас в залах Эрмитажа. В действительности все было гораздо сложнее и более запутанно.

Наряду с главными путями существовали боковые тропинки. Все они следовали общему историческому развитию Западной Европы.

Все школы пережили нечто вроде Возрождения, когда новый мир только открывался взору. Все прошли через годы реакции и вместе с тем обогащали свой опыт, углубляли основания, заложенные Возрождением. Все подошли к новым рубежам в начале XIX века после Французской буржуазной революции.

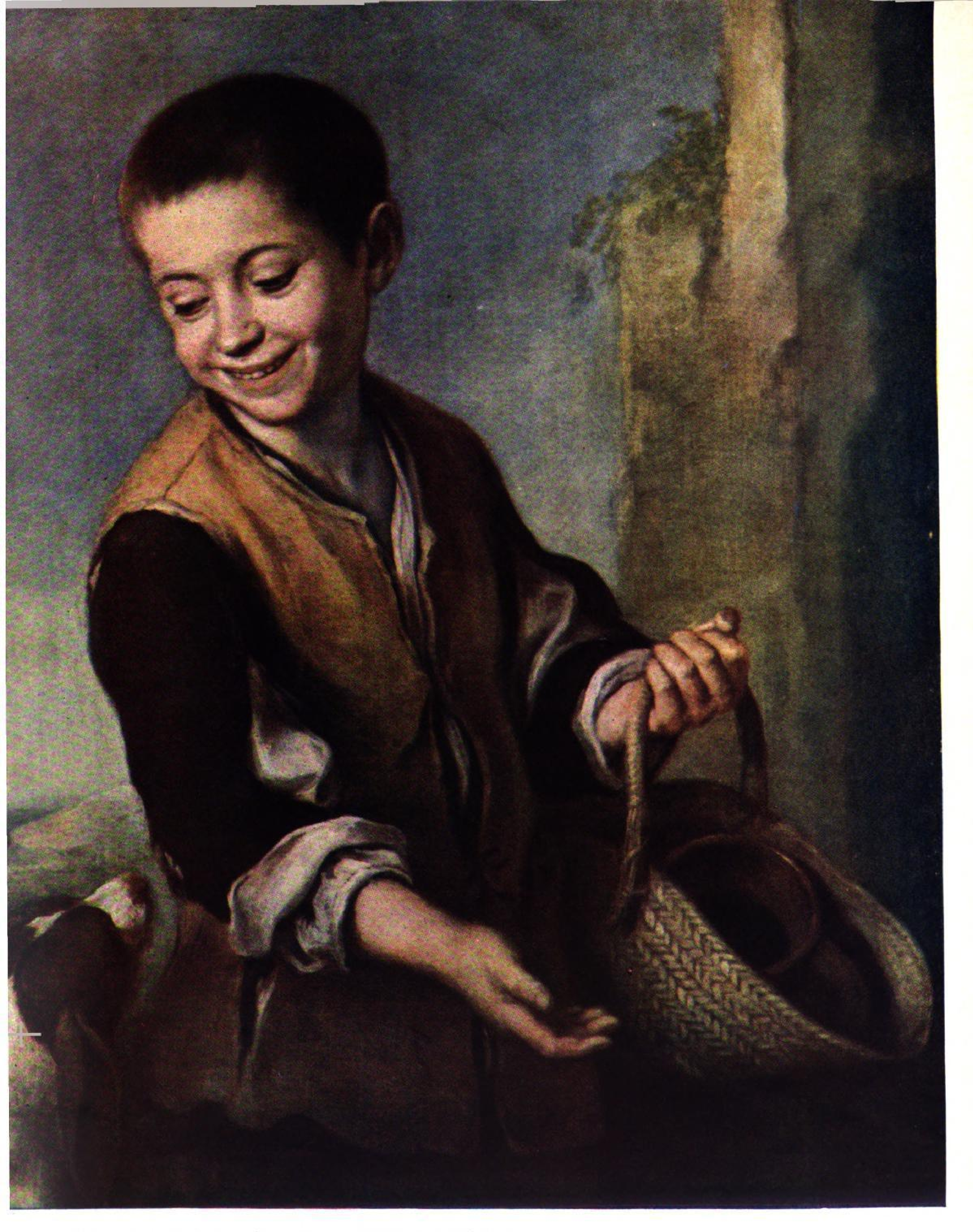
Copyrighted material

Леонардо да Винчи. 1452—1519.

МАДОННА БЕНУА. 1478.

Copyrighted material

Бартоломе Эстебан Мурильо. 1618—1682. МАЛЬЧИК С СОБАКОЙ. 1650.

Copyrighted material

Были плодотворные взаимодействия между отдельными школами. И в пределах каждой школы шла борьба направлений. В этой борьбе находил выражение непримиримый антагонизм между народными идеалами и притязаниями социальных верхов. В классической живописи постоянно происходили изменения: открытие нового и забвение старого, взлеты и падения, достижения и утраты. Ничего не случалось в общественной жизни Европы, на что не откликалось бы искусство. Впрочем, это не значит, что живопись ограничивалась изображением исторических событий и героев. Она приоткрывала завесу над грядущим, вдохновляла людей, вела их вперед...

Уже в наши дни картинная галерея Эрмитажа обогатилась коллекцией картин XIX — начала XX века. Здесь много превосходных работ, особенно в залах импрессионистов. Но все же этот раздел картинной галереи как бы составляет особый музей. Недаром и размещен он наверху, в стороне от главных залов. Больше того, старых мастеров и мастеров новейшего времени трудно охватить одним взглядом. Если мерою классической живописи судить мастеров XIX и особенно начала XX века, то они покажутся дикарями, варварами, пренебрегающими элементарнейшими законами живописной грамоты. И, наоборот, после импрессионистов — с их чуткостью к непосредственным впечатлениям, с их открытыми сверкающими красками — трудно вернуться к старым мастерам: самые дивные их картины покажутся слишком «придуманными», слишком сдержанными по цвету, даже черными. Как в темном помещении: потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть к нему и различать в нем предметы и их цветовые оттенки.

Историю совершают живые люди, историю искусства творят великие мастера. Им первый долг нашей признательности за все то, что нас ожидает в Эрмитаже.

О многих старых мастерах, как Пьеро делла Франческа, Брейгель, Вермеер и другие, мы вспоминаем в Эрмитаже только по отсветам, которые падают от их творчества на работы современников. Многие великие мастера, как Симоне Мартини, Джорджоне, Рафаэль, Веронезе, Тинторетто, Караваджо, Сурбаран, Веласкес, Шарден и другие, представлены в Эрмитаже только одной или двумя картинами. Мы должны быть благодарны возможности хотя бы в узкую щелку заглянуть в их творческий мир и почуять прелесть их живописного почерка.

Картинная галерея Эрмитажа нам особенно драгоценна тем, что многие великие мастера в ней представлены так всесторонне. Мы имеем возможность почти на ощупь воспринять личность каждого из них. Вот он, могучий, щедрый, роскошный, сладостно прекрасный «князь живописи», великий Тициан. Поэт плоти и земных радостей. Поэт трагедии — не унижающей, но поднимающей человека. Мы видим ослепительное, сверкающее, неутомимое дарование Рубенса во всей его многогранности. Огромные парадные холсты, вышедшие из мастерской художника и предназначенные для княжеских чертогов, эскизы декораций, которые в праздничные дни должны были украшать улицы Антверпена. Здесь Рубенс — упоительно-изобретательный рассказчик античных мифов. Там он продолжатель Брейгеля и певец родной природы. А перед миловидным личиком пленившей его девушки он может быть простым и задушевным. Зал, отведенный Рембрандту,— это, в сущности, небольшой музей во славу великого голландца. Судьба художника, как и судьба его творчества, является нам во всей исторической неотвратимости. Начиная с ранних беспечно-маскарадных картин, как «Флора» и «Даная», и кончая той порой, когда спадают маски с человека и глазам художника открывается красота немощных, но мудрых старцев и растроганных любовью сердец.

Пуссен и Клод Лоррен расположены неподалеку друг от друга, как представители великого столетия. Пуссен — размеренный, глубокомысленный художник-мыслитель, гениальный тяжелодум, искатель героического в человеке, мудрый ценитель гармонии природы. И рядом с ним — Клод Лоррен, такой же уравновешенный, но более восторженный и простодушный, чистосердечный, как малое дитя, доверчиво-ласковый, чуткий к всепроницающему, трепетному свету.

Среди созданий великих мастеров, да и не только их одних,— множество таких, которые принято называть шедеврами. В Эрмитаже их имеется изрядное количество. Шедевры — это произведения, где мастер не только проявляет весь опыт своего мастерства, но как бы превосходит самого себя и достигает высшей черты совершенства. Перед шедевром можно поверить тому, что художник полагался не только на собственные силы, что за его спиной стояла прекрасная Муза и водила его рукой.

Шедевры Эрмитажа широко известны; они признаны и в нашей стране и за рубежом. И если их репутации что-то еще грозит, так это разве лишь тот хрестоматийный блеск, который от бесконечных повторений способен ослабить истинное очарование шедевра. В нашей мысленной прогулке по Эрмитажу не будем по примеру известного путеводителя Бедекера выделять двумя или тремя звездочками шедевры с тем, чтобы исторгать этими сигналами у доверчивого зрителя соответствующие возгласы восторга. В искусстве истинное признание рождается само собой, непроизвольно, как плод внутренней убежденности зрителя. Только оно прочно и плодотворно.

Но вот несколько шедевров Эрмитажа, относительно достоинств которых вряд ли возможны большие расхождения.

Маленькая Мадонна из «Благовещенья» Симоне Мартини, «Аннунциата», как ее именуют итальянцы. Краски вперемежку с золотом, подобие старинной парчи. Стыдливый жест рук, закрывающих плащ. Грация силуэта. Эта маленькая Мадонна сиенского мастера едва ли не более поэтична, чем многие его известные крупные работы.

«Мадонна Констабиле» Рафаэля. Крошечная драгоценность в благородной оправе старинной рамы. Такой чистоты и прозрачности образа сам художник и позднее не всегда достигал. Ему было тогда всего восемнадцать лет, примерно как Пушкину, когда он писал лицейские стихи.

«Мадонна Литта» — тоже шедевр. Едва ли не более обаятельный, чем бесспорное произведение молодого Леонардо да Винчи — его эрмитажная «Мадонна с цветком». Споры об авторстве не должны отвлекать внимания от ее художественных достоинств, до сих пор еще недооцененных.

«Юдифь» Джорджоне — это тоже шедевр. И хотя ее малиновая одежда сильно выгорела, что искажает общее впечатление, но в этой воительнице бесконечно много прелести, лицо ее дышит нравственной чистотой.

Тициан представлен несколькими шедеврами, среди которых особенно захватывает Себастиан. И не только своей красотой и благородством, а еще и тем, что в самой лепке его выступающего из мглы тела, в его торжестве над вспышками пожара на небе мы угадываем живописное выражение трагедийности человеческого существования.

«Петр и Павел» Греко — удивительная картина, как, впрочем, и все создания этого гениального художника-чудака. Своевольное отступление от привычных пропорций, складки одежды — словно она из жести. Но все приобретает небывалую выпуклость. Рядом с этой картиной многие другие выглядят бескрылыми, вялыми, черными.

Две картины Сурбарана — два шедевра. «Лаврентий» — грандиозный холст, могучий, как звучание органа. Покоряющая убежденность художника. Гранитная сила коренастой фигуры. Одухотворенность тяжелой ткани. «Отрочество Мадонны». Простая, невзрачная девочка, и вместе с тем вовсе не девочка. До всего можно коснуться рукой, но все — драгоценнейшая святыня.

«Лютнистка» Караваджо — любимая картина мастера. Ничего, кроме живой материи, но она так воспринята глазом художника, что волнует, как разгаданная тайна. Почти фотографическая точность деталей: на огурце приметны капельки росы. Это предел, за ним искусство перестает быть искусством, но гений Караваджо остановил его вовремя.

Картины Рембрандта — почти все шедевры. Портреты Франса Гальса — тоже. «Персей и Андромеда» Рубенса, его «Камеристка», «Танкред и Эрминия» Пуссена, его же «Пейзаж с Полифемом», «Савояр» Ватто, «Натюрморт с атрибутами искусства» Шардена и его же «Молитва перед обедом» и еще много, много других картин — все это шедевры.

Каждая заслуживает того, чтобы перед ней остановиться. Каждая в состоянии дать нам больше, чем десяток рядовых картин. Перед шедеврами можно позабыть, что нас от них отделяет несколько сот лет. Великий мастер говорит с нами, как наш современник. Можно подумать, что он переболел всеми нашими волнениями, вышел из них победителем, опередил нас, и теперь в состоянии поделиться с нами своим драгоценным опытом.

Между тем нам трудно заставить себя ограничиться одним или двумя шедеврами. Ненасытная жажда новизны толкает нас к верхоглядству, и мы торопливо проходим по залам музея, мимо картин. Они мелькают перед нами, как кинокадры. Мы запоминаем имена, даты, утомляем наше внимание, гордимся осведомленностью и не смущаемся тем, что мало ценим в живописи старых мастеров то, что и есть в нем самое ценное,— искусство.

Посещать Эрмитаж рекомендуется не только для отдыха, не только для целенаправленного изучения его богатств. Никому не возбраняется побродить по Эрмитажу и без всякого наперед намеченного плана. Просто так, как мы ходим по лесам и полям,— без ружья и рыболовных принадлежностей.

И тогда среди рядовых и скромных картин можно сделать — и непременно сделаешь! — множество самых неожиданных, примечательных открытий. Может быть, это будут открытия давно известных Америк. Однако будем считать несущественным, что кто-то до нас уже приметил картины, которые мы открыли для себя. Важно то, что они в добрый час попали в поле нашего зрения, пробудив в нас лучшие чувства. Открытия в музеях — это не совсем то, что открытия в архивах старинных документов, и совсем не то, что открытия в химических лабораториях или в обсерваториях. Это — обретение такого состояния, когда наши глаза становятся зоркими: непримеченный или затерянный холст обретает тот изначальный смысл, который он имел, когда его создавал художник. Как скромный лесной цветок в Иванову ночь, он загорается чудесным цветом.

В раннеитальянских залах наше внимание может остановить Мадонна провинциального мастера Антонио да Фиренце, словно выкованная из драгоценного металла; или другая, более нежная Мадонна в лазурном плаще ученика Джентиле да Фабриано; либо две очаровательно скромных работы Филиппино Липпи. Особенно много подобных открытий нас ждет среди картин так называемых малых голландцев. Во французских залах два «неведомых шедевра» — это портрет молодого человека Перроно с взволнованным стендалевским взглядом и «Выигранный поцелуй» Фрагонара — не надо путать его с прославленным «Поцелуй украдкой» — небрежный набросок, меткий, как выстрел.

При непредвзятом разглядывании картин Эрмитажа нас ожидают драгоценные находки даже в самых известных и общепризнанных холстах, иногда где-нибудь в укромном уголке или на втором плане. Мы обнаружим даже в большой холодной, парадной картине маленькую интимную картину — поэтический пейзаж, способный составить содержание особого холста, или второстепенную фигуру, где художнику удалось полнее выразить себя, чем в главных фигурах.

Проходя по залам Эрмитажа, мы обретаем как бы второе зрение — способность видеть и понимать не только искусство, но и окружающую нас действительность. Оторвите на мгновение свой взор от полотен, развешанных по стенам, и взгляните на картины, открывающиеся сквозь эрмитажные окна. Красавица Нева величаво катит свои воды, между тем как на бледном небе сверкает петропавловская игла. Из других залов открывается вид на простор Дворцовой площади, на два полукруглых крыла, дивно сомкнутых аркой Росси. Вы будете поражены этими видами, будто красота Ленинграда открылась вам впервые! Между тем этой удвоенной зоркостью вы обязаны не чему другому, как именно картинам Эрмитажной галереи...

Copyrighted material

СТРАНА ПО

Мих. ДОМОГАЦКИХ

Фото автора.

Я пишу этот очерк о встречах со страной, названия которой еще нет на географической карте. Оно появится, вероятно, в конце октября, когда английская колония Северная Родезия, длительное время именовавшаяся протекторатом, станет новым независимым государством Африки — Замбией.

Мне хочется рассказать о Замбии не только из-за того, что страна эта действительно интересная, с трудной судьбой и большим будущим. Но прежде всего потому, что меня просили об этом люди, с которыми я встречался и которые с таким необыкновенным интересом расспрашивали меня о моей Родине.

ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ...

В Замбию я летел без визы. В моем паспорте стоял штамп официальных английских властей с припиской: «Ответа на запрос о визе не поступило».

— Что меня ожидает в Лусаке? — спросил я.

Чиновник британской паспортной службы пожал плечами.

— Может быть, получите визу на месте, может быть, вас вернут ближайшим самолетом обратно.

Мой друг, венгерский журналист, пошутил:

— Рискните. Всем известно, что «Правда» путешествует без виз.

...Мы летим над африканской саванной. Дымится туманом река, как будто полосой горит лес. Кажется, что миллионы и миллионы тонн меди, хранящиеся в недрах Замбии, придают красный цвет ее земле.

В самолете — медные короли, владельцы табачных плантаций и фабрик. Даже по внешнему виду заметно, что это богатые, состоятельные люди. У всех в руках газеты, издающиеся специально для бизнесменов.

Мой сосед читает финансовую газету. Мне даже удивительно, как можно с таким упоением читать длинные колонки цифр. Но он весь внимание. Лишь на минуту задержался на международной информации и отбросил газету.

Потом, потянувшись, лениво спрашивает:

— Летите в Родезию?

— Да.

— Инженер?

— Журналист.

На лице брезгливое выражение.

— Знал я одного журналиста. Швед. Поганую книжку написал.

— Какую?

— Называется «Запретная зона».

Я знал эту книжку Пера Вестберга — резкий обличительный документ против расистов.

— Чем же она плоха? — спросил я.

— Видите ли, он описал нас, белых, как дикарей, линчевателей африканской свободы. Он даже и меня упоминает, правда, под другой фамилией. Но я-то понял, о ком он пишет.

Широкое лицо краснеет. Брови сурово сдвигаются над переносицей. Темные родимые пятна становятся еще более заметными на покрасневших щеках.

— Я должен сказать, что журналисты — народ необъективный. Вот тот швед,— опять брезгливая гримаса на лице, будто во рту хинин,— представил нас в самом худшем виде, а негров — ангелами. А ведь это мы принесли сюда цивилизацию. Мы открыли земные богатства. Вы думаете, это было легко? Нет, нет, нет! — Энергичный жест рукой.

Он замолкает, и я успеваю спросить:

— Вы из Южной Родезии?

— Да. Но здесь у меня акции. Надо кое-что обсудить, пока не поздно.

Я понимаю, о чем идет речь. Скоро Замбия станет независимой, и мистер Грей, как зовут моего соседа, беспокоится за свои капиталы.

— Знаете, сколько мы вложили в эту страну? Миллиарды фунтов стерлингов! Если бы не мы, то эти негры так и остались бы дикими. Когда мой отец приехал в Родезию, у него не было ни гроша. Он всего достиг своими руками.

Мистер Грей горячился. И мое замечание вконец вывело его из себя.

— А ведь те, как вы говорите, негры, так и остались нищими. Не так ли?

— Какого черта! — выкрикнул мой сосед. Даже было не похоже на англичанина.— Разве они способны к чему-нибудь! Вы там, в Европе, ничего не понимаете. Вы идеалисты.

— А вы разве не из Европы?

— Я родился здесь, в Родезии, и никакая сила меня не заставит уйти отсюда.

Мне хотелось понять этого человека, который даже перед незнакомым не считал нужным скрывать своих чувств.

— Почему же вы не хотите признать за африканцами их прав быть свободными? — спросил я.

— У вас была когда-нибудь ферма? — задал он вопрос.

— Нет.

— А у меня есть. Очень большая. И я знаю, что разница между животным и африканцем только в том, что последний может говорить.

— Кажется, об этом как раз и писал тот самый швед, о котором вы говорили,— заметил я.— Значит, он написал правильно?

Мистер Грей вынул большой клетчатый платок, вытер вспотевшее от волнения лицо и равнодушным, спокойным голосом произнес:

— Вот таких, как тот швед, я бы гноил в тюрьмах вместе с его подопечными.

Бросив сердитый взгляд в мою сторону, мистер Грей вновь взял свою газету и уткнулся в колонки цифр.

Уже перед самой посадкой он, видимо, остыв немного, спросил:

— А вы тоже швед?

— Нет, почему же. Я из Советского Союза.

Рука с газетой дрогнула, нижняя челюсть опустилась.

— Не может быть!

— Почему?

Он хотел что-то сказать, но потом повторил снова:

— Не может быть! Вы коммунист?

— Конечно.

Мне показалось, что мистер Грей хотел отодвинуться, но мешали подлокотники кресла.

— И вы, конечно, напишете, что видели настоящего расиста? — А потом без всякой связи с предыдущим вопросом, на который он даже не дождался ответа, произнес: — Вот это встреча!

Поздно вечером в моем номере в гостинице «Лусака» раздался телефонный звонок.

— Это говорит мистер Грей.— Голос был веселый и добродушный.— Я с трудом нашел вас. Приглашаю вас на ужин в гостинице «Амбасадор».

— Спасибо, я поужинал.

— Тогда я приеду к вам в гости. Надеюсь, не откажетесь принять. Мне хочется продолжить наш разговор.

Через четверть часа мистер Грей вошел в гостиницу, одетый как для приема.

Помешивая ложечкой кофе, он деловито говорил:

— Я не понимаю, почему вы, я имею в виду красных, так защищаете негров. Допустим — я верю, что этого не будет! — мы уйдем отсюда. Ведь все шахты, заводы, земля — все пойдет прахом. У них нет специалистов, нет техников, нет знаний.

— А чем вы помогли им? Почему они неграмотны, а ваши дети, наверное, учатся в колледжах?

— Ну что вы сравниваете? — Мистер Грей напускал на себя вид добродушного человека, разъясняющего элементарные вещи, которые понятны сами собой.

Да, передо мной был расист. И теперь я знал, что об этом надо написать.

Много десятилетий назад в Африку устремились английские колонизаторы. Они увидели, какие несметные сокровища таят ее недра, как чудовищно может разбогатеть Англия за счет Африки. Они шли в глубь континента, истребляя коренное население, продавая его в рабство, заставляя работать на себя за жалкие гроши. Так возникла и империя небезызвестного Сесиля Родса, по имени которого стала называться Родезией огромная территория, к северу от Бечуаналенда и к западу от Мозамбика.

Когда-то здесь было обширное государство Мотабеле, которым управлял король Лобенгула. За сто фунтов стерлингов ренты в месяц, тысячу ружей и канонерскую лодку Сесиль Родс приобрел у него права на добычу полезных ископаемых.

Король поставил отпечатки пальцев на каком-то документе и очень скоро убедился, что от его прежних владений остался только жалкий клочок бумаги.

Позже, изгнанный из родных мест, он говорил: «Я никогда не понимал, что такое ложь, пока мне не пришлось иметь дело с белыми».

Сесиль Родс не испытывал угрызений совести. Он гордился своими делами. «Я считаю,— писал он,— что мы первая раса на земле, и чем шире мы населим мир, тем лучше будет для человечества... Если есть бог, то я думаю, что он только радуется тому, что я стараюсь окрасить как можно больше частей карты Африки в цвет Британской империи».

Благодарная Британия ставила ему памятники, называла его именем стриты и авеню, чтила его, как великого человека.

Мистер Грей — один из его наследников.

Но времена меняются. Уже во многих странах Африки исчезли с площадей статуи Родса, переименованы авеню и стриты.

Скоро дойдет очередь и до Родс-стрит, на которой стоит гостиница «Лусака».

Певец британского колониализма Редиард Киплинг писал, обращаясь к «сильным мира сего»:

Несите бремя белых,—
И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите
За тридевять морей.
На службу к покоренным
Угрюмым племенам,
На службу к полудетям,
А может быть, чертям.

«Тяжелое бремя» выпало на долю Англии — освободить африканцев от принадлежащей им земли, заставить их работать на белых хозяев, перевозить гигантские богатства из Африки на туманные острова, создавать свое благополучие на крови, нищете и угнетении народа африканского континента.

И то, что колонизаторам приходится с тяжелой душой покидать Африку,— это не их добрая воля, а закономерный ход истории. Дети Африки выросли. И они освобождают свои страны от потомков английских завоевателей.

...И БУДУЩИМ

Когда берешь в руки газету в Северной или Южной Родезии, то сразу видишь главную новость: состояние рынка. Что, где и сколько стоит. По утрам белые поселенцы тщательно изучают колонки цифр.

В полдень, когда «господа» разъезжаются на ланч, радио вновь передает две важные новости: погоду — это интересует владельцев табачных и чайных плантаций — и цены на медь.

Замбия — сказочно богатая страна. Она выплавляет около шестисот тысяч тонн меди — од-

Copyrighted material

Граждане нового африканского государства.

цепят какую-нибудь болезнь. Нас они не считают за людей. Ни один белый не говорил со мной так вот, как мы говорим сейчас.

— Но я советский человек, а для нас все люди равны. И то, что вы бедно живете,— это вина как раз не ваша, а тех, кто не считает вас за людей.

— Да-да,— рассеянно произнес Мтого.— О вас мы слышали только плохое. Ну, я пойду, а то могут быть неприятности. Для меня, конечно.

И он бочком выскользнул из комнаты.

...Сразу за железной дорогой, идущей параллельно Каирской улице, начинается пустынная местность. Лишь вдалеке виднеются серые крыши домов. К ним ведет узкая, утоптанная тропинка, по сторонам которой — глубокие промоины. Тропинка спускается вниз, упираясь в ручей, разлившийся по низине. По большим камням, набросанным чьими-то заботливыми руками, переходим на другой берег.

— Видите,— говорит один из моих спутников, Ачиенг,— к нам нет асфальтированных дорог, нет здесь и электрического света. Все это осталось там.— И он показывает в сторону Лусаки, откуда мы пришли.

Мы подходим к первым домам локации, у которых уже стоит большая толпа. Слышится негромкий говор, вспыхивают красными точками огоньки сигарет.

Темно. На небе чужие, незнакомые звезды. Только низко-низко над горизонтом в северной части неба виднеется ковш Большой Медведицы.

— Друзья,— говорит Ачиенг,— к нам в локацию пришел гость —

ИМЕНИ ЗАМБИЯ

ну пятую часть мирового производства. А кроме того, все больших размеров достигает добыча кобальта, свинца, цинка, серебра. И всем этим владеют фактически две компании, представляющие собой государство в государстве: «Родезиан селекшн траст» и «Англо-америкэн корпорейшн оф Саут Африка». У последней есть своя полиция, свои суды, банки, свой флаг. Ей принадлежат рудники, заводы, земли и люди, которые на них работают.

Около ста тысяч человек — в основном англичане — владеют в Замбии всеми главными богатствами. Их интересует все, что касается прибылей. Для них специально сообщается температура воздуха и температура на биржах Лондона и Нью-Йорка. Они планируют сейчас, как оставить все неизменным после провозглашения Замбии независимой.

— Пусть они будут свободными,— сказал мне один из руководителей компании «Америкэн метал клаймакс», имея в виду население страны,— но нас оставят в покое. Мы люди бизнеса, и нам некогда заниматься игрой в политику.

Но политику все-таки определяют они, люди бизнеса. Их тревожит, что парламент Северной Родезии поставил вопрос об увеличении налогов на частный капитал, что раздаются голоса о национализации богатств страны. Как будут развиваться события в Замбии в дальнейшем, сказать пока трудно. Однако одно ясно, что демократические силы хотят решительных перемен. Правительству доктора Кеннета Каунды после независимости придется столкнуться с большими трудностями экономического характера. Те, кто держит экономику в своих руках, вряд ли легко уступят свои права. Они постараются создать всяческие беспорядки в стране, чтобы осложнить работу нового правительства. Впрочем, это уже пытаются делать и сейчас. В августе Северная Родезия была потрясена сильным выступлением религиозной секты Лумпа, объявившей «священную войну» правительству Каунды. В северные районы страны против семидесяти пяти тысяч мятежников, которыми руководила фанатичка Алиса Леншина, были брошены правительственные войска, участвовавшие в тяжелых боях. Число убитых достигло семисот человек, прежде чем сопротивление было сломлено.

О трудностях, которые встанут перед страной, мне много говорили в Замбии. Но я хочу рассказать об одной встрече.

Однажды вечером около гостиницы меня остановили двое африканцев.

— Это правда, что вы из Советской России?

— Правда.

Парни переглянулись.

— Вы знаете Мтого?

Мтого — официант в ресторане. Его я как-то пригласил к себе в номер, и он, боязливо оглядываясь, как бы кто не заметил из белых хозяев гостиницы, проскользнул в приоткрытую дверь. Мтого рассказал, что живет в африканской локации, откуда в столицу можно попасть, если имеешь справку, что ты там работаешь.

— Сейчас,— сказал он,— становится легче, скоро независимость, но все-таки трудно.

— А нельзя ли мне побывать в локации? — спросил я.

Мтого оторопел.

— Белые туда никогда не заглядывают. Они боятся, что под-

Лусака. Огромные здания «большого бизнеса».

У порога одной из хижин в локации.

советский человек. Он расскажет нам о Советской России, и мы ему расскажем о себе.

Потом обращаясь ко мне:

— Вы извините нас за то, что мы бедные, но у наших людей добрые и хорошие сердца.

Мы входим в маленький домик — две комнаты метров по десять. Первое, что бросается в глаза,— большое число деревянных топчанов.

— Живем мы тесно. В этом доме — семнадцать человек вместе с детьми. Четыре семьи. На сегодня мы попросили приютить в других домах женщин и детей, чтобы собраться побеседовать.

Посреди комнаты стоит железное ведро, наполненное горящими углями,— ночи прохладные, а дома не отапливаются. На стене висит фонарь «летучая мышь» со стеклом, начищенным, видно, к нашей встрече. На маленьком столике еще один светильник, сделанный из отрезка трубы, какие мы делали во время войны из артиллерийских гильз. Пламя колеблется, бросает неверные тени, выхватывает серьезные лица взрослых и пытливые личики ребятишек, пробравшихся с улицы.

Ачиенг — молодой парень, окончил коммерческое училище, служащий табачной компании «Ротманс», занимается молодежным движением. Он один из немногих грамотных в локации. Поэтому взял на себя роль переводчика с языка шона на английский и наоборот. А в основном тут живут рабочие цементного завода, табачных и пищевых фабрик. Знакомимся и рассаживаемся на топчанах, тесно прижавшись друг к другу.

Поворошив угли в ведре, Ачиенг просит рассказать о Москве. Я достаю большой альбом «Москва» и начинаю импровизированную лекцию.

Снят со стены фонарь, и все склоняются над альбомом. Я говорю о Кремле, об университете, о районах нового жилищного строительства, рассказываю, как живут наши люди.

Постепенно разговор перевожу на их жизнь, расспрашиваю, о чем они думают.

Объясняет Нгене:

— Пока живем плохо. Вот вы сказали, что у вас рабочие владеют заводами, управляют ими. Нами управляют англичане и американцы. Все у них в руках. Африканцы живут вот в таких локациях.

— Это еще не самая худшая,— добавляет Ачиенг.

— Да, не самая худшая, хотя тоже огорожена проволокой и выход отсюда ограничен. Я много поездил по Африке, все искал, где жизнь легче, но так и не нашел. Теперь мы думаем о независимости: что она нам принесет.

— И что же вы думаете о будущем? — спрашиваю я.

Нгене сжимает ладонью щеки. И, подумав, говорит:

— Не хочется, чтобы все осталось по-старому.

— Наша страна очень богата,— вступает Ачиенг,— но пока она не принадлежит нам, африканцам. Народ наш многое понимает. Даже больше, чем многие белые колонизаторы. Мы понимаем, что так дальше жить нельзя, а они считают, что можно дать нам конфету независимости, а остальное оставить у себя. Мы стали взрослыми, и нас конфета не устраивает. Мы хотим быть хозяевами своей жизни. Кончилось время, когда африканцев вывозили в трюмах кораблей, чтобы сделать рабами в Америке. А теперь кончается время, когда нас угнетали. Когда в Организации Объединенных Наций говорилось о ликвидации колониализма, мы поняли, что на нашей стороне большая сила. Многих наших людей упрятали в тюрьмы, однако думать можно и там. И мы много думаем. Думаем, как нам сделать Замбию независимой полностью. Это будет трудно, но мы постараемся это сделать.

Потом эти слова Ачиенг перевел на шона, и их горячо поддержали.

Джумо принесла несколько кружек с кипятком и тарелку лепешек, бананы.

— Пожалуйста, попробуйте,— сказала она.— Извините, что у нас нет сахара.

— Сахар для нас — роскошь,— сказал Ачиенг.— Даже дети его получают редко.

Было уже поздно. В открытое окно дома заглядывали крупные звезды. В кронах густого дерева, растущего по соседству, трещала какая-то птица. Тихо, лишь шелестели переворачиваемые страницы альбома.

Молчание нарушил Нгене, пошептавшись о чем-то с товарищами.

— Оставайтесь ночевать у нас,— сказал он.— Тут, правда, все бедно, но это не наша вина.

Мы улеглись в двух комнатах — не знаю, сколько человек, не меньше двадцати. На топчанах, на полу, подстелив кто что мог, расположились мои друзья. Джордж, самый молодой из всех, спал, положив голову на порог дома. Ка-

Геворг ЭМИН

ДОЖДЬ В СТАРОМ ЕРЕВАНЕ

Оранжевое солнце, как паук,
высасывало соки из земли,
и Ереван, как каменный котел,
был воздухом
расплавленным
наполнен.
Струя фонтана гасла, как свеча,
и тени лезли пóд ноги деревьям
и там лежали, высунув язык,
как сонные собаки.
Проходили
по улице прохожие неспешно,
обмениваясь походя словами:
— Привет вам!
— Как живете?
— Ничего!
А ваши как?
— Да ничего, спасибо!
И снова растворялись в духоте.
И местный гений
брел по тротуару,
вовсю ругая критика,
и нищий,
как барельеф, лепился у стены.
Шла девушка —
она была похожа
на вянущий цветок.
И был на воблу
похож старик на пыльной мостовой.
Тащилась конка
по горячим рельсам,
и люди, от жары изнемогая,
ворчали по любому пустяку:
— Хотя бы ветер, что ли!
— Нет, не нужно!
— Куда вы прете?
Хам!
— От хама слышу!
А в это время туча набежала,
потом еще,
и вот уже две тучи
столкнулись
и ударили друг друга,
и молния соединила их.
И грянул ливень
под аплодисменты
окрестных листьев,
и жара поникла,
и дерево, заглядывая в лужу,
причесываться стало под дождем.
А ливень лил.
Он создавал скульптуру
из тел девичьих
и промокших платьев.
И люди торопились, чтоб укрыться
в подъездах магазинов и кино.
Там, в тесноте, прижатые друг к другу,
они уже смущенно улыбались,
хоть до того и не были знакомы,
они легко вступали в разговор.
Поэт кого-то слушал терпеливо,
а в голове его рождались строки,
и все вокруг казалось обновленным,
и все возможным было
в этот миг.
Весь мир казался заново рожденным,
печали все остались за спиною.
Но это продолжалось лишь минуты,
и дождь прошел —
как не было его.
Опять старик
на воблу стал похожим,
и девушка нахмурилась,
и нищий
приклеился к стене,
и снова вспомнил
поэт о кредиторах — вдохновенье
покинуло его...
И снова солнце.
Горячий город.
Скука.
Пыль.
Жара.

Перевел с армянского
Ю. Левитанский.

* * *

Мне сдавалось, что персик я ем,
Между тем
Это персиковое дерево
Захотело продлить свой род
И взлелеяло спелый плод
Для того, чтоб сорвал я теперь его;
Чтобы — зубы в мякоть и жадным ртом
Терпкий сок торопливо глотать,
А косточку в землю покрепче втоптать
(Не то поскользнешься потом),—
Чтоб новому дéревцу зазеленеть и расцвесть...
...А я полагал, будто персик хотелось
мне съесть!

* * *

Не стыдно ли?
Зовешь себя поэтом,
Картины пишешь,

Copyrighted material

Музыку творишь...
Но чем ты человечество даришь?
Еще посмотрим, есть ли ценность в этом
Ты погрузился в нотную тетрадь,
Увлекся ладом
Или звукорядом...
А ведь с тобой бок о бок плачет мать,
Но ты скользишь по ней бездушным взглядом.

Перевела В. Потапова.

ПОЭТ МИКАЭЛ НАЛБАНДЯН

Умел он слышать соловья за посвистом зимы.
Он тонок был и нежен был не менее, чем мы.

Но для страны его пришла тяжелая пора,
и понял он, что острый меч сейчас важней
пера.

И лиры трепетной его порой касался меч —
и лопалась тогда струна и обрывалась речь...

Поющий песни о весне, что́ мастерство твое!
Попробуй кровь свою отдать за торжество ее!

Перевел Ю. Левитанский.

ВИДЕНИЕ

Кудрявый мальчик, не найдя могилы,
которую мы ищем столько лет,
заснул и видит: солнце осветило
на Арарате скорбную строку —
слова надгробья: «Егише Чаренц,
поэт, рожденный в городе Маку».

Перевела В. Звягинцева.

АХ, ЭТОТ МАСИ́С*...

Ах, этот Маси́с...
Он наши сердца размягчает,
а сам он... камень;

он наши сердца согревает,
а сам... под снегами;

из чуждых краев, из далеких стран
на землю родную зовет армян,
а сам... в сиротстве чужбины;

изгнанникам провозглашает он
завет единенья, а сам... разделен
на две вершины.

Не уходит, подобный большой любви,
и ближе не станет — зови не зови,—
над долиной вдали снежной тучей навис...

Ах, этот Маси́с...

Перевела М. Петровых.

---

* Армянское название горы Арарат.

Бальзаминова — Л. Шагалова

Сваха — Л. Смирнова.

Белотелова — Н. Мордюкова.

Бальзаминов — Г. Вицин.

Матрена — Е. Савинова.

ЗВЕЗДЫ ИГРАЮТ Островского

Мы увидели их впервые на экране в образах героев «Молодой гвардии». Нонна Мордюкова, Людмила Шагалова, Тамара Носова, Инна Макарова... Это был дебют — первые кинокадры, первые роли. Но их запомнили.

Шли годы. Актрисы много снимались, много сыграли ролей. И все же, когда речь заходит об их творчестве, и они сами, и те, кто анализирует его, в первую очередь вспоминают молодогвардейцев.

Когда упоминают имя Лидии Смирновой, встает перед глазами героиня музыкальной комедии «Моя любовь», а дальше уже следует длинный список ее лирических героинь. Произносим имя Надежды Румянцевой и тут же улыбаемся, вспоминая «Неподдающиеся» и — уже без улыбки — «Королеву бензоколонки».

Татьяна Конюхова, Людмила Гурченко, Жанна Прохоренко, Е. Савинова... Звезды!..

Когда Константин Воинов задумал снимать комедию А. Н. Островского «Женитьба Бальзаминова», он пригласил этих актрис, дал им прочесть сценарий и предложил выбрать роли.

Выбор был неожидан и удивителен. Кажется, ну что общего между волевыми, цельными, гордыми натурами героинь Мордюковой и этой толстой невежественной дурой, сладострастной обжорой Белотеловой, словно сошедшей с картин Кустодиева? Чем, казалось бы, могла пленить Инну Макарову Анфиса, о которой даже сам драматург говорит в комментариях, что «ни хороша, ни дурна, ни худа, ни толста»! Как отважилась Шагалова, белокурые героини которой всегда так обаятельны, лукавы, так хороши собой, предстать старой маразматичкой-развалиной — мамашей Бальзаминова?!

Актрисы не боялись показаться некрасивыми зрителю. Не заботились о том, как будут выглядеть на экране их руки, ноги, талия, шея, фигура... Они искали острокомедийную, зачастую гротесковую выразительность для лепки смешных, сатирических образов. И Островский — интересные многоплановые характеры его комедии, великолепная русская речь драматурга — раскрывал совершенно новые грани актерского таланта.

Мы были на съемке. Вместо привычного табло: «Тише! Идет съемка!» — мы увидели другое: «Тише! Идет репетиция!»

Воинов работал с Шагаловой и Савиновой. Работал, десятки раз возвращаясь к одной и той же фразе, чтобы добиться точного и объемного ее звучания. Время шло. Ходики в доме Бальзаминова пускались на наших глазах уже в третий круг. В кривоватом зеркале пузатого комода отражались люди в белых халатах — гримеры, устало притулившиеся среди бальзаминовского скарба. А Матрена все пыталась разгадать мудреные сны своей хозяйки... Наконец прозвучала заветная и долгожданная команда: «Мотор!»

И, глядя на то, с каким беззаветным увлечением, с самоотверженной отдачей, отказавшись от больших, привычных ролей, работали здесь актеры даже над маленькими эпизодами, вспомнилось другое, основное название комедии: «За чем пойдешь, то и найдешь».

Н. ВЕРШИНИНА
Фото В. Бондаревской.

Анфиса — И. Макарова.

Раиса — Н. Румянцева.

Устинька — Л. Гурченко

Капочка — Ж. Прохоренко.

Чебаков — Р. Быков.

жется, только он один и спал. А мы тихо переговаривались: то спрашивали меня, то я задавал вопросы.

Голубой рассвет заглянул в нашу тесную обитель, когда Джумо, перешагнув через спящего Джорджа, позвала нас завтракать. Чуть поеживаясь от прохлады, мы пошли за ней следом. На небольшой зеленой площадке, будто ковер на желто-красной земле, лежали обрубки деревьев, низкие скамеечки, камни. Собралось человек пятьдесят, вроде на торжественный прием. На расстеленных одеялах стояла незамысловатая пища: кукурузные лепешки, каша из кукурузы и большим куском сваренное на пару тесто, заменяющее хлеб. Только передо мной положили вилку и нож. Но я, как и все мои друзья, по их обычаю стал есть руками.

За долгие годы путешествий немало видел я приемов и званых обедов. Пожалуй, нигде не было такой сердечности и теплоты, как здесь, в африканской локации, которую колонизаторы окружили колючей проволокой.

Не было разницы в цвете кожи между нами. Я сидел среди людей труда, для которых советский человек — будь здесь любой из моих соотечественников — был представителем нового мира, где уважают человека за его дела, за его труд.

Солнце еще не поднялось, когда все работающие на заводах и фабриках покидали локацию. Мы прощались как настоящие друзья.

— Расскажите о нашей жизни советским людям,— говорил Нгене.— Передайте привет вашим рабочим, скажите: мы очень рады, что они поддерживают нас в борьбе.

Потом, не выпуская моей руки, добавил:

— А что касается нашего будущего, то мы верим, что в конце концов наш народ станет счастливым.

...Жаркое солнце выкатилось из-за горизонта, облив лучами саванну, среди которой и расположена локация. Вдали дымились заводские трубы, по железной дороге спешили к морским портам составы, увозя из этой страны ее богатства.

У железнодорожного переезда мы расстались с Ачиенгом, уговорившись встретиться в день провозглашения независимости.

Лусака — Найроби. Сентябрь.

Copyrighted material

СБЫЛОСЬ!

С. ВЕСЕЛОВ,
заместитель председателя
Среднеазиатского бюро
ЦК КПСС

День 17 мая 1918 года был обычным рабочим днем молодой Советской республики, только что вырвавшейся из огня империалистической войны. Полученную передышку необходимо было максимально использовать для укрепления социалистического строя, для развертывания экономического строительства.

В этот день Владимир Ильич Ленин подписал декрет Совнаркома об организации оросительных работ в Туркестане. Декрет предусматривал:

«...Утвердить план работ по увеличению обеспечения русской текстильной промышленности хлопком, заключающийся: а) в орошении 500 тысяч десятин Голодной степи, Ходженского уезда, Самаркандской области и в обеспечении головными сооружениями ирригационной системы, охватывающей площадь в 40 тыс десятин Дальверзинской степи, расположенной против Голодной степи, по другую сторону реки Сыр-Дарьи; б) в орошении 10 тысяч десятин Уч-Курганской степи Ферганской области и в урегулировании там же туземного водопользования на площади в 20 тысяч десятин; в) в устройстве водохранилища... на реке Зеравшане для освобождения путем регулирования речного стока реки Зеравшан около 100 тысяч десятин под культуру хлопчатника; г) в окончании постройки ирригационных систем в долине реки Чу на площади 94 тысячи десятин».

Каждая копейка у рабоче-крестьянской казны была в ту пору на учете. И, несмотря на это, Совнарком считал необходимым отпустить на орошение пустынь Средней Азии 50 миллионов рублей. Более того, декрет в одном из пунктов уточнял:

«Отпустить из общеассигнуемой суммы 26.770.000 руб., причитающихся на первую треть (май, июнь, июль), в срочном порядке».

В срочном же порядке, тотчас после подписания этого ленинского документа, в Москве были сформированы «оросительные эшелоны». В Туркестан направлялись специалисты-ирригаторы с оборудованием и машинами для поисковых и проектных работ. Фронт преградил им дорогу в Самаре, но одному эшелону все же удалось прорваться в Ташкент.

Почему Ленин придавал такое большое значение ирригации! Ответ на этот вопрос можно найти в одном из его более поздних писем: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму».

Сегодня, когда три Советские Социалистические Республики — Узбекская, Туркменская, Таджикская — и компартии этих республик отмечают свое сорокалетие, мы еще и еще раз убеждаемся в торжестве ленинских идей.

Возьмем в руки карту и пройдем по следам ленинского декрета. Не будем вдаваться в подробности, назовем только главные цифры и факты последнего десятилетия нашей жизни.

...Голодная степь. Она осваивается силами двух братских республик — Узбекистана и Таджикистана. В мире нет другого такого примера, когда бы в таких широких масштабах шло комплексное преобразование пустынь. Применяя новейшие достижения науки и техники, коллектив «Голодностепьстроя» на площади свыше 100 тысяч гектаров создал плодородные оазисы с мощной ирригационной и мелиоративной сетью.

Давно превзойдены намеченные декретом масштабы освоения земель в Дальверзинской и Уч-Курганской степях, в долинах Чу и Зеравшана. Только за последние десять лет посевы хлопчатника расширены на полмиллиона гектаров. Произведено 47 миллионов тонн хлопка-сырца — половина всего хлопка, выращенного в стране за годы Советской власти.

Проекты орошения, созданные на заре революции, выполнены, но ленинский декрет остается в силе. Вовлекаются в хозяйственный оборот все новые районы целинных земель. Начато освоение Каршинской степи — новой хлопковой жемчужины Средней Азии. Строится Аму-Бухарский машинный канал, который поднимет воды Аму-Дарьи на помощь Зеравшану. Создаются новые совхозы в зоне 800-километрового Каракумского канала. Республики Советского Востока становятся не только хлопковой базой страны. Здесь резко возрастает производство зерна, особенно риса. А поливная кукуруза открывает возможности для широкого откорма скота и существенного увеличения производства мяса.

Ирригация идет рука об руку с энергетикой. Кайраккумская ГЭС «Дружба народов», построенная на Сыр-Дарье, решила две важные задачи. Водохранилище, образованное плотиной гидроузла, обеспечивает влагой десятки тысяч гектаров земель в Узбекистане и Таджикистане. А сама ГЭС, включенная в единую среднеазиатскую энергосистему, дает свет Ташкенту и Самарканду, Ленинабаду и Душанбе, приводит в движение насосы, подающие воду на новые массивы, освоенные в предгорных районах.

Гигантская Нурекская ГЭС, сооружаемая в Таджикистане, обеспечит энергией мощные машинно-насосные станции, которые поднимут воды Аму на Каршинский массив в Узбекской ССР.

Бурное развитие электрификации братских республик, открытие уникальных месторождений газа, нефти и других источников сырья поставили в повестку дня вопрос о таком же стремительном развитии химии. Вот перечень новостроек одного только юбилейного года. Сажевый завод в Туркмении. Цех карбамида на Чирчикском электрохимическом комбинате. Производство серной кислоты на Алтын-топканском горнометаллургическом, Ферганский и Вахшский азотнотуковые, Навоинский химический, Чарджоуский суперфосфатный — новые химические предприятия растут, как грибы. Так и должно быть в век большой химии, которая открывает дорогу интенсификации сельского хозяйства.

Химия проложила путь на поля хлопкоуборочным комбайнам. Более миллиона тонн белого золота соберут нынче механизаторы братских республик. Эта цифра радует вдвойне. Она означает, что сотни тысяч людей будут освобождены благодаря машине от нелегкого труда — ручного сбора хлопка.

Оглядываясь на пройденный путь, мы можем смело сказать, что ленинская мечта о пересоздании и возрождении края на базе орошения сбылась. Навсегда кануло в прошлое понятие об отсталости среднеазиатских республик. Ныне это район развитой индустрии и сельского хозяйства, процветающей науки и культуры. В своем развитии братские республики догнали и перегнали многие капиталистические страны. Они стали призывным маяком для всех народов Востока, показывающим, как надо строить жизнь по-новому, на коммунистической основе.

Прошлое похоронено окончательно и бесповоротно. И не только в экономике. Всюду — в науке, культуре, искусстве, быту — мы видим перемены, которые коснулись самых глубин народной жизни, мы встречаем нового человека, созданного новой жизнью.

Об этом человеке читатель может узнать, совершив вместе с «Огоньком» путешествие по трем республикам-юбилярам.

Вл. КРУПИН
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

СЛАВЛ

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Путешественники бывают разные.

Одни готовятся к дальней дороге продуманно и кропотливо: еще дома, сидя над картой, они намечают себе маршрут, заранее зная, где и что им хотелось бы увидеть. К намеченной

Copyrighted material

Таджиддин Имамалиев и Джурабой Мумииов. Оба проходчики, оба депутаты Кайраккумского горсовета, оба Герои Социалистического Труда.

Ю ОТЦОВСКИЕ РУКИ...

цели они следуют неуклонно, не смущаясь неожиданностями, не отвлекаясь от главного, но и не забывая про мелочи, которые порой столь характерны и любопытны. Такие совершают открытия и наносят их на географическую карту.

Другие садятся в первый попавшийся поезд и, выйдя через день-другой на станции с каким-нибудь незамысловатым названием, двигаются дальше на чем придется: автобусом, или на попутных, или просто пешком. Они не преследуют определенных целей, им интересно все: незнакомые города, новые люди, природа. Они тоже открывают Землю, но открывают ее для себя.

Какой путь лучше? Мы заспорили об этом еще в редакции, готовясь в путешествие по Таджикистану. Цель нашей поездки — рассказ о республике, которой исполняется сорок лет. Но рассказать об этом тоже можно по-разному.

Можно побывать везде понемногу и рассказать обо всем понемногу. О строительстве Нурекской ГЭС, этого энергетического гиганта, который смело назовешь символом сегодняшнего и завтрашнего Таджикистана; о проектировании электрохимического комбината с его многочисленными цехами, которые выдадут нам целую гамму продуктов большой химии — от пластмасс и сырья для тканей до мыла и минеральных удобрений; о Колхозабаде — симпатичном поселке в Вахшской долине, долине тонковолокнисто-

Copyrighted material

го хлопка. Между прочим, «Колхозабад» в переводе значит «колхоз-город» (не правда ли, удобный повод поразмышлять об агрогородах, о стирании граней между городом и кишлаком?).

Можно прилететь в Душанбе и остаться здесь, чтобы совершить путешествие только по столице республики. Это был бы рассказ о том, как пыльный и грязный кишлак, где в 1924 году было всего 42 саманных домишка, превратился в большой современный город с Академией наук, университетом и таким количеством парков и зелени, которому может позавидовать любая столица.

А можно, не мудрствуя лукаво, проехать Таджикистан из конца в конец без определенного плана и намерений и добросовестно изложить на бумаге все, что увидишь, услышишь и узнаешь в дороге. Нецелеустремленно? Пожалуй. Но разве менее интересными станут от этого встречи в пути? Разве менее значительными станут люди, с которыми ты знакомишься в самолете, чайхане, просто на улице, и их характеры, их судьбы, которые составляют целое — судьбу и характер народа?

Мы решили начать путешествие с Памира. А там — куда дорога приведет.

Вот что из этого вышло...

ПОДНОЖИЕ СОЛНЦА

Хорог на карте генеральной кружком отмечен особым. Городу это полагается, поскольку он является центром Горно-Бадахшанской автономной области, где живут горные, или припамирские, таджики.

Мы выходим из гостиницы на главную улицу, осененную высоченными тополями, и останавливаемся как вкопанные: девушка умопомрачительной красоты идет нам навстречу. Алое атласное платье ее, словно факел, полыхает на ветру. Но дело не в одежде. Из-за темных, цвета вороненой стали, кос глядят светло-серые глаза, похожие на две крупные прозрачные жемчужины.

Еще девушка — еще краше: та же смоль волос, но глаза пронзительно синие и глубокие, как небо над головой.

С невольной робостью и восхищением мы смотрим, как шествуют мимо памирские красавицы. Школьницы, мадонны с младенцами или почтенные старухи— все они высокие, гордые и прекрасные, как эти горы.

— Хорошо ли доехали? — чей-то гортанный голос приводит нас в себя.

Смуглый коренастый мужчина в берете протягивает руку. Это Абдулла Ташев, кинооператор. Документалист. Узнав, что мы только что с самолета, зовет нас на съемку.

И вот «газик» кинохроники въезжает в абрикосовую рощу. Это достопримечательность Хорога — госплодопитомник. Его директор научный сотрудник Шакар Мирзобаитов угощает нас золотистыми плодами.

Каждый год питомник отправляет другим хозяйствам Памира до десяти тысяч саженцев урюка, сливы, яблони, персика, шелковицы. Вроде бы и немного. Но ведь каждое выращенное дерево — это многолетний бой с природой. Каждый клочок земли, отвоеванный у здешних скал,— это тоже битва. Но когда эта битва выиграна, природа сдается на милость победителя. Она начинает служить ему верой и правдой. И тогда происходят удивительные вещи.

Сотрудники Памирского ботанического сада приметили, что многие растения ведут себя в горах по-иному, чем внизу. Дуб дает желуди уже на четвертом году жизни. Быстрее созревает вишня, а ягоды ее становятся и больше и сахаристее. Картофель наращивает клубни до килограмма.

Почему? В чем секрет этих превращений? Разве условия в горах лучше, чем в долинах? Ведь на Памире и земля похуже и климат посуровее. Единственно, чего вдоволь,— так это солнца. Недаром одно из старинных названий Памира — «Подножие Солнца».

Итак, чистый, прозрачный воздух, обилие солнечного света... Но хорошо ли это? Альпинисты на Памире, например, стараются поменьше купаться в солнечных лучах. Горный воздух пропускает очень много ультрафиолетовых лучей, и ожог кожи можно заработать моментально. А растения? Ботаники утверждают, что и они не выдерживают избытка света. Все живое должно было бы погибнуть на Памире, если бы не... солнце. Исследования самых последних лет показали, что видимый свет — длинные волны солнечного спектра — нейтрализует действие ультрафиолета. Больше того. Если в самую яркую пору дня облучить растение ультрафиолетом, защищенное солнечным светом, оно не только не погибнет, но станет интенсивнее расти и развиваться. Происходят и внешние изменения: листья толстеют и краснеют или приобретают голубой оттенок, корни сильно ветвятся, а репка лука, например, становится ярко-синей.

Но главное, растет урожайность, растет, не признавая принятых наукой и практикой пределов.

— Тысячу центнеров картофеля с гектара можно собирать на Памире,— сказал Мирзобаитов.— Не верите? Вот вам адрес человека, который кормит картошкой весь Хорог!..

Мы едем в Шугнан. Здесь расположено поле, на котором трудится рядовой колхозник Худоназар Мирзонаботов. Поле небольшое, нет и двух гектаров. Но именно эти-то два гектара и кормят целый город. Вот уже четверть века каждый год Худоназар снимает со своего поля по 120—150 тонн клубней.

Время позднее. Наш новый друг спешит сегодня домой и зовет нас в гости. Вечерняя дорога располагает к размышлениям. О чем? Не знаю, о чем думают мои спутники, а я — об удивительной силе Солнца, об открытии, которое сделано не где-нибудь, а на Памире, в стороне, казалось бы, от столбовых трактов науки. А ведь может статься, что закономерности, вскрытые учеными здесь, послужат человеку повсеместно. В теплицах за Полярным кругом, на гидропонике — всюду, где зажгутся лампы «памирского света»...

БЕСЕДА С ИСТОРИКОМ, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

У Мирзонаботовых семейный праздник. Их сын Гульмирзо вместе с друзьями отмечает свой первый трудовой день. Он только что окончил в Душанбе экономический факультет университета и назначен заместителем начальника областного статуправления. По хозяйству хлопочет сестра Гульмирзо, Олучамо, студентка естественного факультета университета, одна из памирских красавиц. Готовится хорогское фирменное блюдо — жареный картофель. Олучамо показывает нам, прежде чем пустить в дело, клубень чудовищных размеров, фунта этак на три, не меньше. Вот они, отцовские труды!

Отцовские труды... Мы пользуемся их плодами, как воздухом, которым дышим, не думая об этом и вспоминая лишь в трудную минуту или по случаю какой-либо даты. Мы принимаем то, что создано отцовскими руками, как должное, забывая подчас, чего это стоило и как все делалось.

Халил Батуров, один из друзей Гульмирзо, заговорил об этом, когда ему поручили произнести первый тост. Халил — историк, работает в Душанбе, в обществе «Знание». Он подгадал свою командировку с лекциями в Хорог специально к маленькому торжеству в жизни товарища. Он сказал:

— Друг мой Гульмирзо! Прости мне, что первую пиалу я поднимаю не за тебя, хотя именинник сегодня ты. Мы приехали сюда потому, что твоя радость — наша радость. Но самая большая радость сегодня не у нас. Самый большой праздник у твоего отца, уважаемого Худоназара, в доме которого мы собрались. Он главный виновник сегодняшнего торжества. Он вывел тебя в люди. Он, твой дядя, заменил тебе родного отца, который погиб, защищая отчизну, когда ты лежал в колыбели. Я хочу, чтобы ты был достоин обоих. Я славлю отцовские руки — с них начинается все. И я провозглашаю тост: за отцов!

Когда общий разговор за столом поутих, я подсел к Батурову. Как и всякий уважающий себя лектор, он был до отказа начинен всяческими сведениями и из истории и из жизни, которую он благодаря разъездам может наблюдать вплотную. Поначалу Халил немного меня ошарашил:

— Знаете, я не люблю читать лекций. Почему? Я люблю живой разговор с людьми. Я не люблю читать от сих и до сих. Мне кажется, это не очень интересно слушателям. Что интересно? Вытащить какой-нибудь любопытный документ, старую газету и просто взять прочитать людям. Некоторые вещи захватывают, как стихи, и почти не требуют комментариев.

Батуров рассказывал о своей будничной работе, называл источники, документы, подсказывал, где, что именно в таком вот роде почитать и уточнить. А я живо представил себе, как он читает лекции, вернее, как ведет свой небольшой, но важный разговор с людьми.

...Вот Вахшская долина. Аудитория колхозного клуба, в основном молодежь. За окном, в саду, наливаются волшебным соком гранаты. Глухо рокочет самолет, прокладывая дорогу на хлопковые поля голубым комбайнам,— идут авиахимработы. Куда ни глянешь — хлопок. Малахитовые поля протянулись на сотни километров. Кажется, всегда так было. Так отрадно для глаз!

— Но было не так,— говорит лектор.— Вернее, ничего не было. Лежала под ногами земля, ржавая, прокаленная солнцем, сухая, как пепел, соленая, как рубаха от пота.

И были бои за эту землю. С Энвер-пашой, с басмачами. Со всеми, кто хотел помешать становлению Советского Таджикистана. Но пришел день, и Революционный комитет республики обратился к покидавшим Таджикистан отпускникам 1902 года рождения, бойцам 13-го стрелкового корпуса, с такими словами:

«Ваш боевой путь был тяжел, но он не прошел даром. Вы оставляете оживающие кишлаки, возделанные поля, окрепшее население... Теперь, когда Вы возвратитесь к себе на родину, передайте рабочим и крестьянам СССР, что здесь, на дальнем Юге, крепнет новый член Вашей семьи Советских Социалистических Республик, новый союзник в победе, освобожденный Вами таджикский народ».

И были бои посложнее. За умы, за идеи, за веру в победу. Не сломив народ силой, противники новой жизни не унимались. Они сеяли зерна сомнения, рассчитывая получить ядовитые всходы. Они рядились в тогу доброжелательных скептиков и ясновидящих прорицателей. Но и самые дальновидные из них садились в галошу истории. Когда большевики вознамерились открыть новый Египет в Вахшской долине, скептики ответили издевательским смехом. Они обещали вахшскому хлопку смерть от морозов, но на всякий случай науськивали басмачей и требовали в Лиге наций восстановить в правах эмира бухарского. Американский инженер Людвэлл Гордон произнес на заседании таджикского Совнаркома историческую речь:

— Вы мечтатели. Вы талантливые фантазеры. Я работал на труднейших ирригационных системах. Фирмы Соединенных Штатов ценят меня как практика с трезвым умом. Я видел золотоискателей Калифорнии. Я знаю изобретателя примуса. Я беседовал с Гербертом Уэллсом. Я привык ценить смелые мысли и смелые планы. Но то, что задумано вами на Вахше,— это не тема для серьезного разговора. Я утверждаю, что человечество не знает подобных работ в подобных условиях и за такое время. Простите, но мне это кажется неосуществимым. Невозможно за несколько месяцев превратить джунгли в хлопковые плантации...

Джунглей больше нет. Есть крупный хлопковый район в Вахшской долине. Сады, виноградники, агрогородки...

— Так и должно быть! Ведь ради этого все и затевалось в Октябре,— словно угадав мои мысли, говорит Халил.— И все-таки мы забывчивы. Я по себе сужу. Родился я, можно сказать, на дне моря, в кишлаке Костакоз. На заре моего детства наши места назывались пустыней Кайрак-Кум. Это значит: «наждачные пески». Можете представить себе, что это были за места, ведь названия у

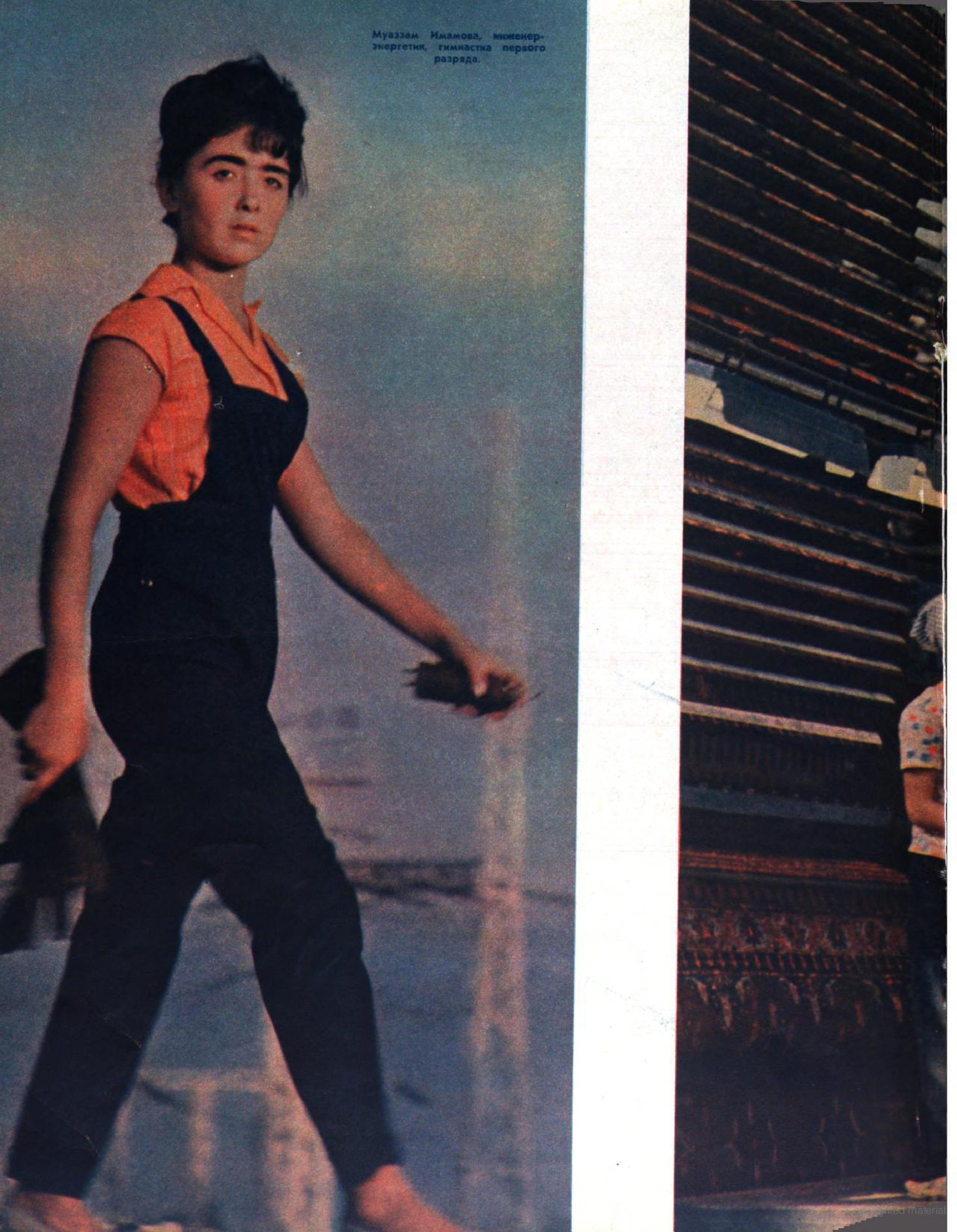
Copyrighted material

Дом отдыха Кайрак-Кум — первая ласточка в зоне здоровья, которая создается на берегу Таджикского моря.

Название Кайрак-Кумской гидроэлектростанции символично: ГЭС «Дружба народов».

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Copyrighted material

Муаззам Имамова, инженер-энергетик, гимнастка первого разряда.

Мухтаррам Халикова и Людмила Рудакова работают на Кайрак-Кумском ковровом комбинате. Они ударницы коммунистического труда.

Сараджон — памирская красавица.

На берегу рукотворного моря.

нас зря не даются. А теперь там Таджикское море. Половина нашего кишлака под водой. И я — убей меня бог! — не могу вспомнить, а как же все-таки выглядела пустыня Кайраккум. Есть море. И я в нем купаюсь, ни о чем не задумываясь. Побывайте там обязательно!

И мы решили лететь на север республики. До отправления самолета оставалось еще полдня, когда нам повстречался на улице один из друзей Гульмирзо — Бекназар. Накануне вечером он почти не участвовал в общей беседе. Мы толком и не познакомились. Но он все же подошел к нам и неожиданно предложил:

— Я еду домой. Это двадцать километров отсюда по тракту Хорог — Ош. Кишлак Манем. Будьте моими гостями.

ПУТЬ В НАУКУ

Полчаса езды на попутной полуторке прошли в молчании. Бекназар давно не был дома — он жадно смотрел на родные горы. Уже поспели хлеба. Словно слитки червонного золота, разбросаны по зеленому бархату предгорий ржаные поля. Чуть повыше их — ровный строй молодых деревьев: горнозащитная лесополоса. Еще выше — голые скалы, черные, серые, коричневые. Машина остановилась прямо посередине дороги.

— Извините, но дальше придется пройти пешком. Кишлак на той стороне Гунта.

Мы с опаской переходим висячий, трясучий и не вызывающий никакого доверия мост. И опять длится молчание. Горцы очень сдержанны и молчаливы. Бекназар — горный таджик, и потому за полдня, что мы провели вместе, он вряд ли сказал больше ста слов. Потому и рассказ мой о пути, которым пришел в науку Бекназар Имамназаров, будет предельно краток.

Крохотный домик из камня — это начальная школа в Манеме. От дому до школы — сотня-другая шагов. В перемену можно обернуться туда и обратно, схватить дома кусок лепешки или сорвать с дерева пару урючин.

Здание школы-семилетки в кишлаке Богев тоже сделано из камня. Но посолиднее. И идти сюда подальше: шесть километров туда и шесть километров обратно. И так каждый день.

Десятилетка в Хороге. Двадцать километров от дома. Попутные машины ходят без расписания, а зимой и вовсе стоят. Мать стала видеть сына только по субботам и воскресеньям, а потом и того реже.

Почему Бекназар захотел стать математиком? Потому что математика — самая интересная наука.

Республика открывала перед юношей, окончившим школу с медалью, широкую дорогу. Сам министр вызывал его и предлагал поехать в Россию. В Саратов, в автодорожный.

— Будешь инженером. Нам нужны хорошие дорожники. Ты с Памира и сам это знаешь.

— Я хочу быть математиком, — сказал Бекназар и ушел.

Уговаривали, доказывали. Республика посылала учиться и других ребят. Проезд за государственный счет. Денежное пособие на устройство.

— Хочу быть математиком, — твердил Бекназар и отнес документы в Таджикский университет.

Только раз в год виделся Имамназаров с родными — во время летних каникул.

Однажды он прощался с Манемом особенно долго. Постоял около могучего орехового дерева. Потрогал рукой теплый камень у поворота возле ущелья Танг-Борчев. Посмотрел, как старая яблоня тяжко роняет свои плоды в серые волны Гунта.

Дорога предстояла дальняя, в Ленинград. Университет посылал туда своего ассистента Имамназарова на стажировку.

Через год он вернулся в Душанбе, но ненадолго. Профессор Красносельский предложил ему учиться дальше:

— Вы будете первым кандидатом физико-математических наук среди горных таджиков.

Так он попал в Воронеж, в аспирантуру. Сейчас он занимается дифференциальными уравнениями и через два года думает защитить диссертацию. Ему исполнится тогда двадцать семь лет.

Вот и все о Бекназаре Имамназарове.

МОРЕ КАК МОРЕ

Скажем честно: до Костакоза, куда нас приглашал лектор Батуров, мы не добрались: не захотелось уезжать из Кайраккума. Как не повидать старого знакомого, одного из строителей ГЭС «Дружба народов», ныне ее директора Героя Социалистического Труда И. А. Зорина? Но не он, а город, название которого будет напоминать потомкам о подвиге их отцов, задержал нас. Не отпустило море, шумящее возле городских стен.

Море есть море. Со всеми вытекающими из него обстоятельствами. Таджикское море невелико, оно занимает всего несколько сот квадратных километров, но здесь, на месте бывших песков, есть все, что «по штату» положено морю: белые паруса яхт и рыбацкие сети, пляжи, полные отдыхающих, и новенький санаторий возле бухты Мирной; есть даже свои кайраккумские ихтиандры — подводные пловцы.

Именно здесь, на берегах нового моря, мы увидели тех людей, чья биография составляет биографию страны.

Каждый из них мог бы стать героем отдельного очерка. И инженер-энергетик Муаззам Имамова. И директор коврового комбината Али Ахунов. И добывающие в недрах таджикского «Урала» руду Муминов и Имамалиев, проходчики, Герои Социалистического Труда. Но о них еще напишут: все они молоды, и у них все впереди.

А мы посидим напоследок на берегу.

Море есть море. И оно всегда разное. Здесь — тоже. Ленивое и блестящее, как ртуть, в тихую погоду, оно отдает бирюзой на рассвете, багровеет в закатную пору и наливается грозным свинцом, когда налетает штормовой ветер, поднимая четырехметровые волны. Море как море. И только шум насосов, подающих воду в оросительные каналы, напоминает о том, что это море не обычное, а рукотворное...

В бумагах Ю. Н. Тынянова — автора таких широко известных исторических романов и повестей, как «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара», «Пушкин», «Подпоручик Киже», — сохранились материалы еще одного литературного замысла. Это «тематический план» сценария «Обезьяна и колокол» и глава одноименной повести. Они относятся к началу 30-х годов, когда писатель готовил сценарий для Ленфильма. Возможно, что в архивах Ленфильма сохранился и самый сценарий, который был завершен и передан на кинофабрику.

Краткий «тематический план», фактически сжатое либретто, записные книжки с многочисленными материалами и выписками и начало повести дают возможность судить о замысле «Обезьяны и колокола» в целом. В это время Ю. Н. Тынянов много и успешно работал в кинематографии. Поставленные по его сценариям картины — «Шинель» (по повести Гоголя), «С.В.Д.» — о восстании декабристов, «Поручик Киже» — имели заслуженный успех у зрителей и вошли в историю советского кино. Это были годы расцвета советского киноискусства. «Броненосец «Потемкин» С. Эйзенштейна, фильмы В. Пудовкина, Ф. Эрмлера, Г. Козинцева и Л. Трауберга завоевали советскому кино мировое признание.

Близкое родство с этим новым киноискусством сказалось и в художественной манере Тынянова-беллетриста. В его романах и повестях осуществлен принцип киномонтажа: развитие сюжета дается не во внешней последовательности событий, а путем чередования отдельных эпизодов, сцен, показанных как бы «крупным планом», лирических отступлений, «обыгрывания» деталей. Подобные художественные приемы особенно характерны для тогда еще «немого» кино. Это объясняет, почему у Ю. Н. Тынянова работа прозаика шла в тесном содружестве с работой в кино и одна и та же тема могла им разрабатываться в сценарии и в прозаическом произведении.

И в сценарии и в повести «Обезьяна и колокол» главная тема — судьба искусства, борьба с религиозным фанатизмом и суеверием. В основу сценария положена история гонений со стороны боярских верхов и церковных иерархов на народное скоморошье искусство в середине XVII века. Преследования скоморохов закончились, как известно, сожжением за Москвой-рекой «гудебных сосудов», то есть музыкальных инструментов, и изгнанием из Москвы всех скоморохов.

Сюжет сценария следующий. В свите английского посланника прибыла в Москву и дрессированная обезьяна. Москва, впервые увидевшая обезьяну, изумлена и длиннобородым англичанином и его «слугой» в ливрее. Обезьяну никто за зверя не принял. Приезд английского посланника совпал с гонениями на скоморохов. В это же время происходят смотрины и выбор царской невесты, ставленницы важных бояр, — дело большой политической важности. Невеста не выдерживает испытания, и в ее «порче» обвиняют скоморошье искусство и колокол, зазвонивший в неурочное время и перепугавший невесту.

Оказалось, что обезьяна случайно забрела в церковь и зазвонила в колокол. Она взята под стражу и принята за дьявола. Обезьяна судится вместе со скоморохами, и, так как она на суде показывает большое искусство в прыжках и акробатике, ее признают в конце концов скоморохом, «шпынем-лютером». Обезьяна изгоняется из Москвы вместе со скоморохами, учеными козами, медведями. Вместе с ними в изгнание идет и опальный колокол, который также судили и приговорили к наказанию плетьми, отъятию уха и языка. Однако вскоре властям, мирским и духовным, стало скучно без искусства, и патриарх и бояре устраивают на Патриаршем дворе «игры», тайком приглашая изгнанных скоморохов.

Таков сюжет сценария и, видимо, повести. Писатель много работал, собирая для них материалы, особенно заинтересовавшись процессами над животными, которые были широко распространены в средние века в Европе, имели место и на Руси. Происходили суды над быками, свиньями, мышами, даже гусеницами, обвиняемыми в различных преступлениях и нанесении ущерба людям. На судах обвинителями произносились речи, выступали адвокаты «подсудимых», велось следствие, животные подвергались пыткам, и их мычание и вой протоколировались как сознание в преступлении. Подобными выписками и цитатами из судебных постановлений заполнены подготовительные блокноты писателя. Не менее тщательно собирал материалы Ю. Н. Тынянов и о скоморохах, о Руси XVII века, выписывая названия музыкальных инструментов, прибаутки, описания «игрищ».

Результатом этой большой работы был не только сценарий, но и повесть, начало которой сохранилось в бумагах писателя. Она по художественной манере примыкает к таким повестям, как «Восковая персона» и «Подпоручик Киже», сближаясь с ними по своему глубокому и зоркому проникновению в эпоху, точной, остро иронической выписанности деталей. В первой главе создан великолепный типический «портрет» английского купца XVII века, напоминающий портреты работы великих фламандских живописцев. Джильс Ли показан как холодный, расчетливый делец, и добродетельный, несколько ханжеский пуританин, и даже поэт, автор религиозной поэмы «Окончательная победа Христа на небесах и также на земле над смертью и по смерти...».

Биография Джильса Ли должна была предшествовать его приезду в Московию в качестве королевского посла вместе со своей ученой обезьяной, а дальше действие повести, вероятно, совпадало с тем сюжетным развитием, которое намечено было в сценарии.

Н. СТЕПАНОВ

ОБЕЗЬЯНА И КОЛОКОЛ

Юрий ТЫНЯНОВ

(К 70-летию со дня рождения)

Copyrighted material

ОБЕЗЬЯНА и КОЛОКОЛ

Джильс Ли написал свое третье сочинение, приумножил средства святого Якова в два раза, расширил торговлю, стал торговать не только мехами, но и драгоценными камнями и другими колониальными товарами.

Он был направлен королевским послом в Московию.

Первое его сочинение было в 1680 стихов длиною, называлось: «Окончательная победа Христа на небесах и также (atque) и на земле над смертью и по смерти и над уязвленным и прободенным посредством копья духом зла». Он начал писать его стихами, в состоянии восторга, на утро той ночи, когда он вполне познал свою невесту, а ныне жену, и вошел к ней. Невеста, а тогда уже, наутро, жена, села играть на виржинэле, и ее пальцы не шли ни вправо, ни влево, а все дрожали и просыпались мелкой трелью: три-ли-цим-др, и она при этом дышала тяжело и приятно,— и он в соседней комнате вдруг восторгнулся и написал первые пятьдесят стихов «Окончательной победы над прободенным духом зла». Он был тогда очень доволен собою, у него была рыжая круглая борода, которую он нарочно не брил, подражая старикам, но подравнивал ножницами, розовая тонкая кожа, вполне толстое лицо, он был хорош собою. Виржинэл был красный, вместительный, и на крышке золотом были расписаны несколько сцен: как под широкими золотыми лопухами веселятся и согласно воспевают псалмы ангелы, а сбоку было выведено большое судно, плывущее под парусами неизвестно куда. Послушав растерянный звук своей супруги, он написал тогда первые стихи своей «Окончательной победы» (по латыни, с рифмами):

Прими мою песнь, владыко небес!
Как Господь, углубляющийся
в мрачный лес
И при этом прославляя своего
отца —
Духа зла пронзает копьем до
конца.

И первая песнь кончалась так:

И о том, как окончательно
поруганный враг,
После этого, клубясь и рыгая,
отпадает в овраг...
Будь проклята всякая нечистота
и немедленно сгинь
При одном воспоминании
о святом копье! Аминь.

Второе сочинение свое он написал через пять лет, тоже по латыни, но не стихами, а прозой: «Рассуждение о земле Ханаанской и имеющей окончательно воссиять победе Христа над землями обеих Индий».

За это время он: породил трех детей — Финеаса, Ричарда и младшего — Якова, стал казначеем церкви св. Якова, вошел в близкие сношения с мейстером богомольных книг короля и репетмейстером короля. Он стал поставлять двору товары и вступил членом в компанию; купил новый дом; держался, однако, в стороне от споров. С репетмейстером короля, который заведывал увеселениями, молился в одной церкви — святого Иакова, а мейстеру богомольных книг продавал драгоценные камни, которые тот перепродавал далее.

Мало-помалу он приучился любить предметы более важные, чем забавные, и преимущественно истинные, а не странные.

В земле Ханаанской было млеко, т. е. молоко, и, значит, оттуда шел скот и мед, т. е. главным образом воск. Теперь он собирал по субботам свою семью: жену, Финеаса, Ричарда и младшего Якова — и они исполняли хором псалмы Давида, а жена им играла на виржинэле хоралы. И нарисованные на виржинэле неизвестные люди с длинными лицами — напоминали Джильсу Ли индейцев, т. е. жителей Индии, которых он никогда не видал, но не были похожи на московитов, которых он тоже никогда не видел. Московиты, как рассказывал его приятель, были бородаты, как эдомиты, и покрывались звериными шкурами, т. е. даром пропадали дорогие и весьма ходкие меха, как-то: лисьи, куньи, бобровые и другие.

Торгуя скотом, он развел за городом огород, поставил там хлев, и скоты, в особенности свиньи, по утрам воспевали: многоголосным хором; скот милует господь. Свиньи розовели и наливались, зрели под солнцем. Они обращали свои зады к солнцу, отрывались от пищи, которую жевали, ворчали — и таким образом славили господа! Кроме того, он торговал воском. И одно стало у него цепляться за другое: например, меха — торговал куньими, лисьими, беличьими мехами, ему привозили из Московии и из других стран; дорогие меха он купил раз, а более не покупал, потому что не шли; но вот ему полюбились смехотворные, забавные, странные и редкие товары. Заказал привезти индийского льва, ему привезли одного щенка, он его выпоил, посадил в клетку — и потом продал за очень большие деньги репетмейстеру для королевского смеха. Потом, поиграв с этим львом, его, как слышно, послали в подарок каким-то державам. Так он не отказывался и от смехотворных зверей. Жена у него стала стареть, разленилась и все меньше играла на виржинэле, у нее не было прежнего усердия. В это время он составил свое первое завещание. Он желал, чтоб все его дела не только не пропали, но и разрослись после его смерти и чтоб его дети их продолжали. Он хотел, чтобы Финеас был свиноводом и домоседом, чтобы Ричард торговал драгоценными камнями и мехами и для того ездил в обе Индии, а младшего Якова он определил в Этон, чтоб он со временем изучил всяческое стихосложение, богословие и, может быть, впоследствии стал мейстером богомольных книг у короля или епископом. Потому что Ли не мог забыть своей первой поэмы «Окончательная победа Христа на небесах и также (atque) и на земле над смертью и по смерти и над уязвленным и прободенным посредством копья духом зла». Иногда, в своем загородном доме он любовался на всеобщее созревание свиней, видел эти розовые тела, и, если кругом не было кого-нибудь из своих, он цитировал:

И о том, как окончательно
поруганный враг,
После этого, клубясь и рыгая,
отпадает в овраг... —

и вздыхал. И младший Яков должен был по завещанию стать мейстером богомольных книг или епископом того места, где его отец в свое время родился для временного блаженства и вечных заблуждений. Не хватало еще одного сына — для смехотворных товаров. Ли не любил бросать дела, смехотворные товары была новая статья, он много заработал на индийском льве! Тогда как все его приятели по церкви св. Иакова смеялись над ним, пока лев не прибыл, и даже по окончательном прибытии льва, оказавшегося невзрачным и притом безволосым щенком!

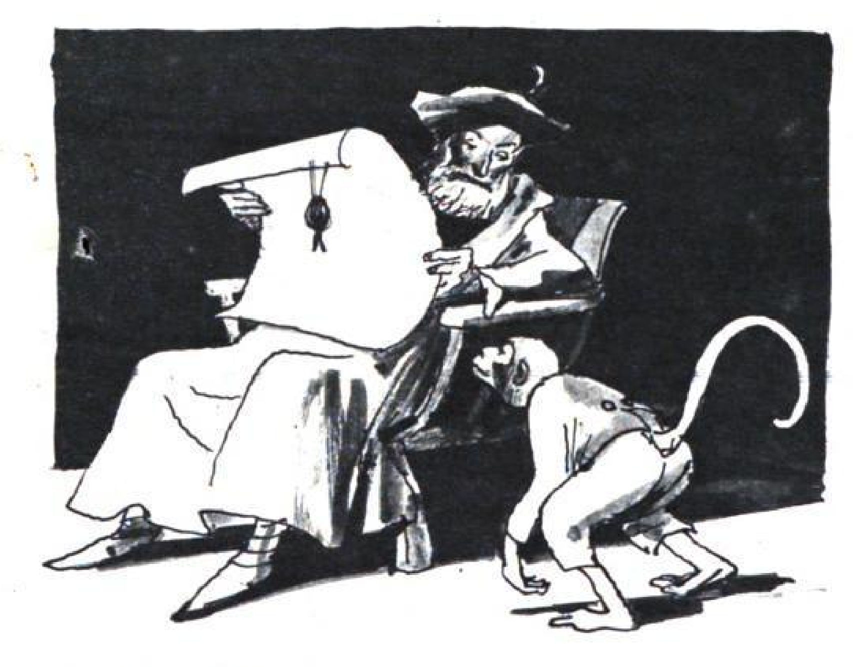

Рисунок Ю. Черепанова.

Но не наводящий страха и притом лишенный волос, он со временем, вспоенный молоком, столь сильно возрос, что стал наводить ужас своим рычаньем и, как сказано, был продан за немалые деньги!

Не было сына для смехотворных забавных и редких товаров, для разных забавных скотов, зверей, зверюшек, ароматов, кореньев. И Джильс Ли со всею решимостью приступил. Супруга еще играла на виржинэле, но — увы! — что это была за игра! Трл-дрл; трл-дрл,— и тут впервые Ли подумал, что всему есть предел — он задумался о пределах. Он начал писать латинскими стихами поэму «О пределах временного блаженства и вечного заблуждения, поэма Джильса Ли», но и латинские стихи были позабыты. Он давно не упражнялся! Финеас же прилежал свиноводству, Яков же, имеющий быть мейстером богомольных книг, был прожорлив. Потонул корабль, везший меха, закупленные для сэра Джильса Ли в Холмогорах, в Северной Московии,— он был утоплен, вероятно, голландскими купцами, которые ненавидели английские прибыли, а также, может быть, не без помощи русских купцов, злодействовавших из корысти, вероломных и лукавых, и потонул с кораблем и сын Ричард, которого отец отпустил в первый раз в плаванье под присмотром начальника, бывалого человека и друга.

Мрак напал на сэра Ли.

В таком трудном и мучительном расположении духа, что даже не спал ночей, он стал сомневаться в благодати. У соседей не случалось таких несчастий, все были здоровы. Они не кидали свой взгляд столь далеко, им не нужно было непременно плыть в Московию или же в Индию, они и дома обходились. Но в чем же другом была гордость, в чем было превосходство,— и немалые, хоть неверные выгоды; и низкие поклоны — как не в сих предприятиях.

Жить на свете не стоило после этого. Его дружба с репетмейстером и с мейстером богомольных книг, его богатство, свиньи, утренний воздух загородного дома, звуки виржинэла и затаенный талант к стихосложению — что в сем!

Плыл корабль — и нет его, был сын и потонул! Всеконечно он теперь вкушает райские приятности и допущен в бестелесном виде общаться с такими существами, о которых здесь даже и понятия не имеют. Но то в **бестелесном!**

Он вычеркнул в завещании имя Ричарда и переписал все набело. И вот тогда, когда он заколебался, прибыла к нему обезьяна — редкий зверь, и он назвал ее Джобом. Обезьяна стала жить у него в доме.

Печатается по автографу, хранящемуся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ, Москва). Подготовлено к печати Н. Степановым.

Copyrighted material

ИЗ РАССКАЗОВ СОВЕТСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ

И. ЛЕБЕДЕВ

ГИБЕЛЬ «УДАВА»

Я не знал, какого он роста, брюнет или блондин, русский, белорус или немец, есть ли у него какие-нибудь особые приметы...

Никто из партизан и подпольщиков, с которыми я был связан, не видел его в лицо. А если кто и видел — сказать уж ничего не мог: Удав никогда не оставлял живых свидетелей.

Даже отлично осведомленные офицеры нашей группы абвера[1], которым и в голову не приходило, что бок о бок с ними под видом кадрового обер-фельдфебеля Зигфрида Крауха работает советский разведчик, и поэтому всецело доверявшие мне, знали об Удаве лишь понаслышке.

Сначала я думал, что Удав — просто очередная выдумка гестапо, рассчитанная на то, чтобы запугать партизан и патриотов-подпольщиков, спутать их планы, посеять среди них недоверие.

Но нет! Страшные следы провокатора — проваленные явки, трупы подпольщиков, раскачивавшиеся на виселицах в городах и местечках, партизанские разведчики отдельных отрядов, завлеченные в хитро расставленные сети и уничтоженные до последнего человека,— все эти страшные и вполне реальные следы говорили сами за себя.

И приказ, полученный мною из Москвы, был строг и ясен: во что бы то ни стало захватить Удава, а при невозможности взять живьем — уничтожить...

* * *

...Сереньким зимним днем сорок третьего года в лесу под Ляховичами я встретился с Глушевым...

Начальник группы абвера оберст Мюллер, разумеется, не подозревал, посылая меня в местечко, что, кроме выполнения его инструкций, я загляну еще и на дубок[2].

Признаться, я был удивлен, застав в лесу вместо обычного донесения почтаря — связного, который обслуживал этот дубок,— самого командира партизанского отряда.

Глушев был мрачен. Поздоровавшись со мной, он долго молча курил, пряча цигарку в рукав своего потрепанного, прожженного во многих местах белого маскировочного халата. Такая уж у него манера: покурить, помолчать, прежде чем сказать нечто важное.

Я не торопил его. Шофер Шуберт, с которым я ездил в Ляховичи, немец-антифашист, давно уж знал, кто я такой, и во всем помогал мне. Сейчас он ждал на опушке леса, копался в машине, делая вид, что неисправен мотор. Близился вечер, сгущались серые зимние сумерки, и трудно было ожидать, что кто-нибудь из гитлеровцев решится ехать в такое время лесной дорогой.

— Вчера сбежал Харитонов,— сказал наконец Глушев.

Откровенно говоря, я был подготовлен к этой неприятной новости. Накануне утром на дороге неподалеку от Бреста офицеры абвера подобрали полуживого, обмороженного человека, который назвал себя партизаном.

Живой партизан да еще дезертир — явление настолько редкое и необычное, что весь брестский абвер сбежался посмотреть, когда его под усиленным конвоем вели на допрос к Мюллеру. Я не присутствовал на допросе, но сидел в приемной и, когда в кабинет Мюллера входил или выходил кто-нибудь из офицеров, урывками слышал, как перебежчик с готовностью отвечал на все вопросы, которые Мюллер задавал через переводчика, как со слезой в голосе доказывал, что попал в отряд по глупости и неведению, и умолял сохранить ему жизнь.

Когда дезертира увели, Мюллер вызвал меня к себе.

— Вот что, Краух,— сказал он.— Надо будет подготовить поблизости приличное помещение для одного ответственного лица.

И, видимо, не в силах сдержать радость, добавил:

— Из гестапо уже дважды звонили. Требуют нашего партизана к себе. Но я и сам найду для него подходящее употребление... Это удача, Краух! Большая удача!

Словом, о перебежчике я уже знал и собирался предупредить об этом Глушева. Но мне почему-то и в голову не приходило, что предатель оказался именно из его отряда. Из отряда, через который я передавал добытые в абвере сведения на Большую землю...

— Этот мерзавец знает что-нибудь о твоих связях?— спросил я. Глушев покачал головой.

— Нет, об этом-то он не знает. Об этом, кроме меня, никто не знает. Даже Ян, почтарь этого дубка, и тот понятия не имеет, кто ты такой. Так что можешь быть спокоен... Но Харитонов бывал на наших базах. Знает, где находится лагерь...

Я понимал, что это значит. Конечно, гитлеровцы не упустят случая попытаться уничтожить отряд Глушева, причинившего им столько бед, расплатиться за взорванные поезда и разбитые гарнизоны. А заодно и получить крупную награду, назначенную за голову партизанского командира, слава которого гремела по всей Западной Белоруссии. Иными словами, Глушеву опасно оставаться на месте. Надо уводить отряд...

А для моего дела это означало, что я на некоторое время останусь без связи. А что такое разведчик без связи? Да еще в такие горячие дни, когда гитлеровцы полным ходом ведут подготовку к наступлению под Курском, к операции «Цитадель» и абвер десятками и сотнями готовит и засылает своих агентов через линию фронта?..

Видно, Глушев думал о том же.

— Уходить нам нельзя!— проговорил он.

— Знаешь что?— сказал я.— Если немцы двинутся на твой лагерь, я успею предупредить. Оставайся пока на месте, но держись начеку! Депеши буду оставлять на запасном дубке, возле старой цигельни... Знаешь это место?

— Знаю.

— Теперь присылай туда ежедневно.

В лесу было уже совсем темно, но я все-таки разглядел, как Глушев впервые за весь наш разговор улыбнулся.

— Ладно! Ты не очень там беспокойся! Не дадимся, чтоб прихлопнули, как котят... И, главное, сам будь осторожен...

Неподалеку дважды взревел и затих мотор: меня торопил Шуберт.

Глушев пожал мне руку, закинул за спину автомат, взял палки и, прошуршав лыжами, исчез в мглистом сумраке ночи.

* * *

Я согласился, чтоб Глушев оставался на месте, не только из-за связи, хотя, разумеется, это было немаловажной причиной, ради которой стоило рискнуть.

У меня не выходили из головы слова Мюллера: «Это удача, Краух! Большая удача!»

Если б речь шла просто о карательной экспедиции против отряда Глушева, Мюллер не стал бы задерживать у себя Харитонова, а мигом поручил бы его попечению гестапо. И для него, Мюллера, не было бы в этом никакой удачи... И еще одно соображение: Мюллер не мог не понимать, что после бегства предателя Глушев не будет сидеть сложа руки, а примет меры для обеспечения безопасности отряда. Может быть, даже уйдет в другие леса.

Ведь месторасположение отряда Глушева немцы уже не раз обнаруживали и с воздуха и через свою агентуру. Но все попытки застать партизан врасплох, окружить, уничтожить неизменно терпели крах.

Нет, тут крылось нечто совсем другое. Чутьем разведчика я чувствовал: что-то затеял старый абверовский волк, личный друг самого адмирала Канариса.

Но что? Это мне предстояло во что бы то ни стало узнать.

Два дня прошло без особых происшествий, если не считать того, что Мюллер приказал отвести Харитонова в лагерь, в котором готовились шпионы и диверсанты для переброски в тыл советских войск. В лагере предателю по приказу Мюллера отвели отдельный домик, стоявший на отлете от казарм. И это подтверждало мои догадки.

Утром третьего дня Мюллер вызвал меня к себе.

— Прибыл офицер СД Гутхейл,— сказал он.— Он будет допрашивать Харитонова. Вам, Краух, надлежит проводить его в лагерь и помочь, если потребуется.

Не успел Мюллер отдать распоряжение, как в кабинет без стука вошел коренастый немец в штатском.

[1] Абвер — гитлеровская военная разведка.
[2] Дубок — на языке партизан и разведчиков тайное место для передачи донесений.

Copyrighted material

— Все ли готово?— хмуро спросил он, небрежно пожимая руку начальнику абвера.— Можем ли мы немедленно выехать, герр оберст?

— Вас будет сопровождать обер-фельдфебель Краух,— кивнул Мюллер в мою сторону.— Он знает русский, может служить переводчиком и окажет все необходимые услуги... Положитесь на него.

— Данке зер!— даже не взглянув на меня, пробурчал Гутхейл.— Пошли!

Мы сели в поджидавший нас «оппель». Я — за руль, Гутхейл — рядом со мной. Всю дорогу немец молчал, изредка потирая виски рукой, затянутой в светло-желтую, на меху перчатку, и щуря небольшие, глубоко запрятанные под лоб глаза.

Лишь в лагере, когда мы предъявили документы охране и миновали ворота, он сказал:

— Мне переводчика не надо. Будете ждать в машине.

— Может быть, лучше допрашивать в форме?— спросил я.— Пленные с большим уважением относятся к военным...

— Я и без формы сумею внушить уважение к себе.

— Не потребуются ли вам чернила и бумага?

Гутхейл усмехнулся.

— Записывать я ничего не собираюсь. Сведения нужны только мне... Ждите!

Последние слова Гутхейла заставили меня призадуматься. Почему сведения нужны только ему одному? Ведь не занимается же он в самом-то деле составлением истории партизанского движения в Белоруссии? Не из любви же к чистому искусству явился он в лагерь абвера?

Его слова не давали мне покоя и все последующие дни, в которые я сопровождал Гутхейла в лагерь допрашивать Харитонова. Гутхейл ездил к нему с немецкой аккуратностью: утром на три часа и еще на три — после обеда. Затем я доставлял Гутхейла в штаб, к Мюллеру, который немедленно уводил его к себе.

Из осторожности я не делал попыток завязать разговор. Ждал, не обронит ли Гутхейл слово. Но Гутхейл молчал. Зато, чтобы расположить его к себе, не потерять возможности следить за подготовкой дела, которое затевалось им и Мюллером, я всячески старался угодить Гутхейлу: добывал для него кур, гусей, сало, яйца, сливочное масло, даже рыбу. Притащил в машину роскошную доху — укрывать ноги. Доставил ему на квартиру патефон и пластинки с сентиментальными немецкими песенками, которые, как выяснилось, Гутхейл очень любил.

Старания мои не пропали даром. Однажды, когда я явился к Мюллеру за очередными инструкциями, он сказал:

— Я и штурмбанфюрер Гутхейл довольны вашей работой, Краух. В случае удачи операции можете рассчитывать на награду... Может быть, даже получите офицерское звание...

У меня чесался язык спросить: «Какой операции?»

Но я вовремя удержался. Вместо этого я с видом добросовестного служаки выкинул вперед ладонь, вытаращил глаза и гаркнул:

— Хайль Гитлер!

А потом потише, с чувством прибавил:

— Благодарю вас, эксцеленц!

Мюллер, считавший себя отцом своих подчиненных и очень любивший всякие изъявления благодарности, притворно-протестующим жестом поднял руку:

— Каждому свое, каждому по заслугам, Краух. Вы знаете мой принцип. А сейчас хочу дать вам совет: вам следовало бы раздобыть побольше спиртного. Гутхейл пьет, как верблюд!

Совету начальства я неуклонно последовал. С тех пор под сиденьем моей машины всегда имелась дежурная фляга с самогоном, к которой Гутхейл прикладывался всякий раз перед тем, как войти в домик Харитонова, и после того, как покидал его.

«Заботы» о Гутхейле, посещения его квартиры позволили мне установить одну важную деталь: время от времени штурмбанфюрер куда-то отлучался по ночам. Я точно знал, что он не ходит в офицерское казино и в прочие увеселительные учреждения: там у меня были свои люди. Куда же он ходит? Выяснить это мне помог Курт.

Курт — брестский подпольщик, немец по национальности, пользовался доверием фашистских властей города и, как фольксдейч, работал вольнонаемным шофером в одном из военных учреждений гитлеровцев. Через Курта и его товарищей по подполью я поддерживал связь с отрядом Глушева в тех случаях, когда не мог сам явиться на дубок или послать туда Шуберта. Именно Курт на свидании в одном из солдатских кабачков сообщил мне, что Гутхейл, как всегда в штатской одежде, посещает один из домов на окраине Бреста.

— Установили, кто живет в этом доме?

Курт флегматично сдул с кружки пену и отхлебнул пива.

— Представьте себе, до сих пор нам казалось — хороший человек! Зовут его Василь Петрушевич... Мы и раньше собирали о нем сведения...

— Это еще зачем?

— В его доме...— понизив голос, ответил Курт.— В его доме явочная квартира группы Стаха. Той, что действует под Кобрином. Мы хотели установить связь. Я вам рассказывал...

— Может быть, группа Стаха создана гестапо в провокационных целях?

Курт пожал плечами.

— Об этом пока трудно судить... Мы располагаем данными, что они пустили под откос пару эшелонов под Березой и Ивацевичами. Да еще взорвали несколько машин на шоссе Брест—Минск. Такие дела гестапо вряд ли одобрит!

Я задумался. Курт прав. Нам к тому времени уже хорошо был известен один из подлых приемов гестапо — создавать лжепартизанские группы, которые устанавливали связь с настоящими партизанами и подпольщиками и приводили их к гибели. Но мы знали и другое: действия таких групп никогда не выходили за рамки обыкновенного грабежа местного населения. В крайнем случае для пущей достоверности, с одобрения гестапо, лжепартизаны приканчивали какого-нибудь неблагонадежного сельского полицая. Но крушения поездов, взрывы машин — это уж слишком...

Кругом нас за столиками, развалясь, сидели немецкие солдаты из расквартированных в городе гитлеровских частей. Они накачивались пивом и шнапсом и старались отвлечься от мрачных мыслей: впереди перед ними грозно и неумолимо маячили Восточный фронт, партизанские выстрелы на лесных дорогах, взрывы мин, заложенных подпольщиками в городах...

И никто из тех, кто пил, горланил пьяные песни, обнимал веселых, размалеванных девиц по соседству с нашим столиком, не подозревал, что рядом ведут разговор два советских разведчика.

— А может быть, сам этот ваш Гутхейл — провокатор?— медленно проговорил Курт.— Может, он втерся в доверие к Стаху? И не трогает его только потому, что сначала хочет проглотить дичь покрупнее — отряд Глушева?

В моем мозгу будто молния сверкнула, озарив все сделанные наблюдения ярким светом. Таинственные допросы Харитонова, посещения квартиры Петрушевича — все встало на свои места. Во всем чувствовался его почерк... Я даже не поверил удаче!

— Вот что, Курт,— сказал я, стараясь говорить как можно спокойнее.— Мне скоро понадобится ваша помощь. Сможете ли вы отлучиться на сутки из города?

— Пожалуй, смогу... У меня есть предлог: в Барановичах живут мои родственники.

— А если я предложу вам сыграть роль немецкого солдата? Возьметесь?

— В том театре, в котором мы с вами играем,— усмехнулся Курт,— ни от каких ролей отказываться не принято. Сделаю все, что потребует дело!

Я поманил пальцем официанта, расплатился и вышел, оставив Курта допивать пиво.

* * *

Кажется, все сделано, все предусмотрено. Осечки быть не должно. И все-таки тянущее за душу ощущение, которое всегда появляется у разведчика перед решительным шагом, не оставляло меня... А вдруг упущена какая-нибудь мелочь, которая станет роковой? Вдруг вмешается случай — один из тех, что всегда незримо нависают над нашим братом? Цена любой упущенной мелочи, любого непредвиденного случая — жизнь...

А Гутхейл не спешил. По-прежнему все шло по заведенному им с самого начала порядку. Каждый день я возил его в лагерь к Харитонову. Каждый день отвозил обратно. Каждый день, сидя за рулем в машине, я мысленно спрашивал: скоро ли?.. Но Гутхейл молчал, и по его лицу ничего невозможно было определить...

Наконец, после очередного допроса Харитонова, когда мы вернулись из лагеря и наш «оппель» остановился у штаба, Гутхейл протянул мне сложенную вчетверо бумагу.

— Обеспечьте перечисленное в этом списке. Две машины держите наготове. Они могут потребоваться каждую минуту. Все!

Я понял: это означало, что подготовка к операции закончена. Теперь все зависело от нас.

В тот же день я отправился к Мюллеру доложить о приказании, полученном от Гутхейла. Не мог же я действовать в обход прямого начальства! Мюллер подтвердил, что мне предстоит сопровождать Гутхейла.

— Остальные инструкции он передаст вам лично,— сказал в заключение Мюллер.— Не забудьте захватить с собой водки. А еще лучше спирта.

Выйдя от Мюллера, я прежде всего разыскал Шуберта.

— Вот что, Отто,— сказал я ему,— отправляйся в город и немедленно передай Курту этот сверток. Скажи ему, чтоб он сейчас же явился сюда. Ты тоже будь готов и никуда не отлучайся.

В свертке, который я передал Курту, лежали солдатская униформа и удостоверение личности.

Уже начало темнеть, когда я выполнил распоряжения Гутхейла. Кроме продовольствия и снаряжения, перечисленных в списке, я раздобыл бутылку польской «монопольки» и флягу спирта, в которую сунул изрядную дозу снотворного.

Не успел я закончить все приготовления, меня вызвали в штаб к Мюллеру.

Мюллер был не один. В глубоком кресле, стоявшем около его письменного стола, закинув ногу на ногу, развалился Гутхейл.

Щелкнув каблуками и взяв под козырек, я по всем правилам доложил о прибытии.

Мюллер жестом приказал мне сесть.

— Прошу, герр штурмбанфюрер!— сказал он, обращаясь к Гутхейлу.

Гутхейл посмотрел на меня в упор.

— Вам надлежит, Краух...— медленно проговорил он.— Вам надлежит в девятнадцать ноль-ноль отправить Харитонова под охраной в район Ляховичей. В десяти километрах от Ляховичей по направлению к Будше надо свернуть с дороги влево и ждать. Ехать быстро: срок прибытия — четыре ноль-ноль. Мы выедем следом в двадцать ноль-ноль и вскоре будем на месте. Прикажите соблюдать тишину и быть наготове: не исключена встреча с партизанами. Вам ясны инструкции, Краух?

— Так точно, герр штурмбанфюрер!

— Есть ли у вас вопросы?

— Только один: сколько человек охраны прикажете взять с собой?

— По крайней мере отделение автоматчиков,— вставил молчавший до этого Мюллер.— Опасный район!

Я замер: стоит сейчас Гутхейлу подтвердить распоряжение Мюллера — и весь мой план полетит вверх ногами. Придется менять его на ходу и вместо задуманного совершить одно из двух: либо ограничиться предупреждением Глушева о грозящей ему опасности — но это вовсе не означает, что немец не успеет сделать своего черного дела,— либо убить Гутхейла и бежать к партизанам. Но имею ли я право даже ради такого дела оставить свой пост в самом логове врага, в абвере?!

Что выбрать? Вот он, непредвиденный случай...

К счастью, как я и ожидал, Гутхейл отрицательно покачал головой.

— Много людей могут привлечь внимание,— сказал он.— А от партизан отделение автоматчиков все равно не спасет. С Харитоновым, кроме шофера, пошлете одного автоматчика. А мы с вами поедем вдвоем. Ясно? Можете идти, Краух. В двадцать ноль-ноль машина должна быть у штаба...

До отъезда оставалось еще целых три часа, и я сразу же отправился в лагерь, в котором меня уже поджидали Шуберт и Курт.

Copyrighted material

Я коротко проинструктировал их:

— Нужно гнать что есть мочи! Вы должны прибыть на место раньше меня и Гутхейла по крайней мере часа на полтора! Дальше действовать так: Харитонова связать и оставить под охраной Шуберта. А Курту отправиться на маяк, к Глушеву. Пусть приходит с подкреплением...

Ровно в двадцать ноль-ноль, как было приказано, я подъехал на машине к штабу. Сквозь двойные стекла окон во двор доносился нестройный шум голосов: Мюллер устроил Гутхейлу торжественные проводы.

Я не стал торопить Гутхейла: это было не в моих интересах. Но не прошло и пятнадцати минут, как он показался на пороге.

На этот раз Гутхейл был одет под крестьянина — полушубок, валенки, шапка-ушанка.

«Так вот ты как выглядишь там, среди наших!»— подумал я.

Гутхейл был сильно «на взводе», от него несло, как от винной бочки, но на ногах он стоял твердо.

Следом за ним из штаба вышел Мюллер. Он распрощался с Гутхейлом и передал мне проездные документы. Я поднес их к лампочке на щитке автомобиля и чуть не ахнул от изумления: за подписью самого командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Буша всем военным и гражданским чинам предписывалось беспрепятственно пропускать нас и оказывать всяческое содействие. Я сунул документы в сумку, и мы тронулись в путь.

Первое время Гутхейл по обыкновению молчал. Мы миновали Брест и, предъявив документы охране, которая почтительно нас пропустила, выехали на дорогу, ведущую к Ляховичам.

Тут Гутхейл впервые раскрыл рот.

— Водки!—коротко потребовал.

«Ага!— пронеслось у меня в голове.— Трусишь! Хочешь водкой душу из пяток выгнать!»

Я нащупал под сиденьем бутылку польской «монопольки» и сунул ему в руки. Спирту со снотворным время еще не пришло. Прямо из горлышка Гутхейл залпом отхлебнул половину бутылки и, чавкая, закусил колбасой.

Через час он допил остальное и снова потребовал:

— Водки!

— Может быть, хватит, герр штурмбанфюрер? — почтительно заметил я.— Мы в опасном районе. Кругом партизаны!..

— Молчать! Не ваше дело!..

— Слушаюсь!

Я остановил машину и на сей раз достал из-под сиденья флягу.

— Здесь чистый спирт!— предупредил я.

— Воды!— буркнул он в ответ.

Я налил кружку. Гутхейл вынул из кармана небольшой алюминиевый стаканчик, нацедил спирту, одним махом опрокинул в рот и запил водой.

— Едем!—скомандовал он сдавленным голосом.

Поднялся ветер. Закурились сугробы по обочинам. Замельтешили снежинки в ярких лучах автомобильных фар. Машина пошла тяжелее, то и дело буксуя в заносах...

Видимо, примешанное к спирту снотворное начало действовать: Гутхейл расслаб, привалился к дверце, стал посапывать носом.

Делая вид, что всецело поглощен дорогой, я не обращал на него никакого внимания.

Вдруг Гутхейл слегка встрепенулся.

— Мне нравится, что вы всегда молчите, ни о чем не спрашиваете!— сонно произнес он на чистейшем русском языке.— Это хорошо!.. Сколько сейчас времени? Ого! Уже три... Надо торопиться... Достаньте из моего кармана пилюли!

Я нащупал у него в кармане маленькую коробочку. На крышке была наклеена яркая этикетка с надписью по-английски.

— Вытащите две пилюли!.. Так... Теперь воды!

Гутхейл положил пилюли на язык и медленно проглотил.

Через несколько минут он снова был бодр.

«Уж не испортят ли мне всю музыку эти чертовы пилюли!— с беспокойством подумал я.— Придется дать ему еще спирта!»

Но Гутхейл меня опередил.

— Хотите выпить?— спросил он.

— Не пью, герр штурмбанфюрер!

— Ну и ладно!

Гутхейл опрокинул стаканчик.

— Так ты боишься партизан?— продолжал он, переходя на «ты».— А я вот их не боюсь!.. Ты знаешь, кто я?

— Еще бы не знать: штурмбанфюрер Гутхейл?

— Ха!.— заплетающимся языком воскликнул Гутхейл.— Ничего ты не знаешь, Краух!.. Меня все русские боятся! Я... Я...

Видно, рефлекс, выработанный его профессией, не дал ему произнести вертевшееся на языке слово.

— Где мы?— неожиданно пробормотал он.

— Проехали Ляховичи.

— Погасите фары... Сверните на следующую проселочную до...

Тут Гутхейл замолк, сполз с сиденья и захрапел.

Я медленно двигался по проселку. Впереди в предрассветных сумерках замаячила темная масса. Машина! Рядом с ней виднелась знакомая фигура Шуберта в куцей шинелишке.

Вместе с Шубертом мы с трудом выволокли бесчувственного Гутхейла, стянули ему руки и ноги веревкой, затолкали в рот кляп и положили на снег, рядом со связанным уже Харитоновым.

В лесу, со всех сторон обступившем проселок, послышались шаги. Мы с Шубертом залегли за машиной, взяли автоматы на изготовку.

— Кто идет?— по-русски тихо окликнул я.— Три!

— Шесть!— донеслось в ответ.— Да я это, Глушев!

В сумме пароль составлял девять.

— Унзеринг! Наши!..— с облегчением вздохнул Шуберт, опуская автомат.

А на проселок уже высыпали партизаны. Вместе с ними был и Курт. Он шагал рядом с Глушевым, едва доставая ему до плеча своей пилоткой с опущенными ушками, и улыбался во весь рот.

— Принимай Удава!— сказал я Глушеву, с трудом сдерживая радость.— А заодно от имени начальника абвера возвращаем и Харитонова. Он более не потребуется!

Глушев остановился над пленными и тихонько присвистнул.

— Вот это птица! Да как же ты его взял?

Но рассказывать мне было некогда: время не ждало.

Я сунул Глушеву заранее составленную радиограмму.

— Тут все написано. Прочти, зашифруй и сегодня же передай. И Удава отправь первым же самолетом. Там тоже ему обрадуются!..

— Это уж будь уверен. Назад не отпустят!..

— Ну что ж... До свидания! Не забудь пострелять, как только мы отъедем. Для маскировки!

— Ладно, ладно!— усмехнулся Глушев, пожимая руки мне, Курту и Шуберту.— Концерт обеспечим по всем правилам!

К вечеру мы не спеша добрались до штаба абвера.

— Все выполнено в соответствии с приказом!— доложил я Мюллеру.— Вскоре после того, как двинулись назад, слышали перестрелку. Причина неизвестна.

Мюллер долго молчал, ероша седой бобрик на голове.

— Да, попался Гутхейл,—медленно проговорил он наконец.— Сегодня днем патруль обследовал район, в котором была перестрелка. Найден труп Харитонова. Гутхейл пропал без вести... Знаете, как его называли русские? Удав!.. Ах, Краух, это огромная потеря для армии фюрера!

«Что верно, то верно,— мысленно усмехнулся я, делая скорбное лицо.— Зато для нашей армии, для партизан немалый выигрыш!»

* * *

Добавить к этой истории остается немногое. В скором времени Удав-Гутхейл предстал в Москве перед судом военного трибунала. Он сознался, что под видом связного брестского подполья хотел пробраться в отряд Глушева, отстранить его от командования и стать во главе партизан. После этого ликвидация отряда не составляла особого труда: Удав имел немалый опыт в подобных делах. Для вящей достоверности Гутхейл организовал под Брестом подпольную группу, члены которой не подозревали, что их руководитель, называвший себя Стахом, на самом деле не кто иной, как знаменитый Удав...

Об этой группе Гутхейл не сообщал никому никаких сведений. Он опасался, как бы не в меру ретивые гестаповцы не нарушили его планов. Недоверчивость Удава спасла подпольщиков. Спустя некоторое время группа влилась в отряд Глушева. А конспиративная квартира в доме Петрушевича на окраине Бреста так и не была раскрыта до конца войны и сослужила нам добрую службу.

Впрочем, все это не обошлось без осложнений: на первых допросах, которые происходили еще в отряде Глушева, Гутхейл, желая хоть как-нибудь расплатиться за постигший его крах, ложно показал, что группа набрана из провокаторов, состоящих на службе в гестапо. И лишь спустя некоторое время клевета рассеялась...

Что касается Харитонова, то Гутхейл так долго допрашивал его для того, чтобы узнать мельчайшие подробности жизни и деятельности отряда Глушева, и в особенности самого командира. Это требовалось провокатору, чтобы лучше освоить роль.

Харитонову предстояло довести Гутхейла до лагеря партизан. А там Гутхейл собирался его прикончить. Он не любил оставлять свидетелей...

По приговору военного трибунала Гутхейла расстреляли. Таков был бесславный конец Удава...

Литературная запись В. Павлова.

НА ПОМОЩЬ «ЕНИСЕЮ»

Большой дизель-электроход «Енисей» терпел бедствие. Он сел на мель возле скалистого берега мыса Шмидта. Тщетно моряки заводили якоря, давали задний ход. Судно не трогалось с мели. Волны били его о грунт, а грунт — зыбучий песок и галька — перемещался вместе с волнами к берегу и тащил за собой судно.

— Первым на помощь пришел теплоход «Бекин»,— рассказывает начальник отдела морских ледовых операций Главного управления мореплавания Кирилл Николаевич Чубаков.— С «Бекина» подали буксир, но он лопнул, как нитка. А море бушевало все сильнее и сильнее. От ударов о грунт на «Енисее» поломался гребной винт и руль, в трюмах появилась вода.

К месту аварии подошел теплоход «Пугачев». Опасаясь сесть на мель, он не смог приблизиться к «Енисею», чтобы передать буксир. Для этого моряки воспользовались линеметательным аппаратом. Аппарат «выстрелил» на борт «Енисея» тонкий капроновый шнур, и с его помощью перетащили буксирный канат.

«Пугачев» хоть и не снял «Енисея» с мели, но задержал его опасное продвижение к скалам.

Для руководства спасательными работами к месту аварии из Владивостока прилетели опытные капитаны-наставники Николай Федорович Инюшкин и Леонид Геннадиевич Хрущев. Подходили и новые суда: ледоколы «Макаров» и «№ 4», дизель-электроход «Оленек». А потом сравнительно мелкосидящие теплоходы — «Малая Вишера» и «Поронайск». Они подошли к «Енисею» вплотную и стали его разгружать. Моряки со всех судов посменно работали несколько суток подряд и сняли с «Енисея» более трех тысяч тонн груза. Тогда с палубы «Оленька» поднялся вертолет и доставил на «Енисей» буксиры толщиной в 65 миллиметров.

— Одиннадцать суток продолжалась тяжелая борьба за жизнь дизель-электрохода,— говорит Кирилл Николаевич. — «Енисей» был снят с мели и отбуксирован в бухту, убежище, Провидения.

А. ГОЛИКОВ

Copyrighted material

ПОВЕСТЬ

ЧЕТВЕ НА ГОЛОМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Послушайте-ка, шеф, точно ли остров безводен? — спросил Станислав; он стоял лицом к морю, лицом к непостижимому обилию воды, вздымавшейся плотной, как студень, зыбью — сонно, неповоротливо и недобро.— Что там на сей счет сообщает в своем обзоре Корсунская?

— Она пишет, что воды здесь нет,— сказал шеф.— И боюсь, что она права. Впрочем, мы не в Сахаре, проживем и без воды. День, два... неделю...

— Вот уж истинно мы не в Сахаре,— согласился Станислав, покачиваясь на тонких, длинных, гибких ногах; угадывалось, что он великолепный ходок.

Их было четыре человека. На этом берегу они будто в капкан угодили: полсотни метров влево — обзор ограничивала скала, сотня метров вправо — и точно такой же непропуск[1], обрывающийся в море, пресекал всякую попытку пройти немного дальше. Оставалось только карабкаться в гору по осыпям и скалам, грозно нависающим над их биваком.

Что ж, они карабкались... Они проникали в глубь острова за эти дни не раз, изучая инъекции андезито-базальтов в полуобвалившемся, давно потухшем теле здешнего вулкана, пытаясь найти какие-либо признаки его современной деятельности... какие-нибудь минерализованные ручейки по его периферии.

Поиски не увенчались успехом, да шеф и не ожидал открытий или необычайной важности находок. Просто в плане работ по изучению гидротермальных источников Курильской гряды данный остров значился очередным.

Островок оказался — хуже не придумаешь: достаточно северный, достаточно каменистый, затерявшийся в стороне от основной цепочки, вот еще и безводный...

— А что пишет Сноу?

— Он пишет то же, что полвека спустя подтвердила Корсунская.

— А она была здесь?

— Скорее всего нет. Боюсь, что после Сноу, кроме геологов, на остров вряд ли кто высаживался.

Шеф скучающим шагом пошел прочь от палаток, под громоздящуюся в некотором удалении скалу. Он хотел побыть в одиночестве, постичь эту отдаленную землю, этот клочок тестообразно окаменевшей материи, лишь слегка задернованной, постичь ее философски, в связи с общим порядком вещей. Черт побери, хотя бы в связи с расположением светил в этой части земного шара и, если угодно, соотнеся ее с теми событиями и людьми, которые прямо или косвенно способствовали тому, что он, шеф, известный геолог, автор трудов, теорий и гипотез, на тридцать шестом году жизни оказался именно здесь, а не в другом месте.

Чайки мешали шефу сосредоточиться на очистительном раздумье.

Он взглянул вверх, туда, где стыло сочились, сползали хлопья тумана. Из гнезда в расщелине высовывалась голова встревоженного топорка с массивным горбатым клювом. Каменный зуб-останец, венчающий скалу, мог рассыпаться и рухнуть на палатки, и топорковый оранжевый клюв, как глазок светофора, тускло вспыхивал раз от разу, как бы предупреждая: опасно, опасно... берег закрыт... берег не принимает...

Шеф развел руками: что поделаешь, пришлось расположиться здесь биваком, уважаемый. Более подходящего места не нашли. Карта говорит: только тут возможна высадка в тихую погоду, только эти полтораста метров берега относительно приспособлены для жилья. В других местах, вероятно, хуже.

Спрыгнув со шлюпки неделю назад, его собрат по несчастью Станислав прошелся по запененным глыбам и сразу же облюбовал ровную площадку для палаток. Обаятельно улыбнувшись, сказал:

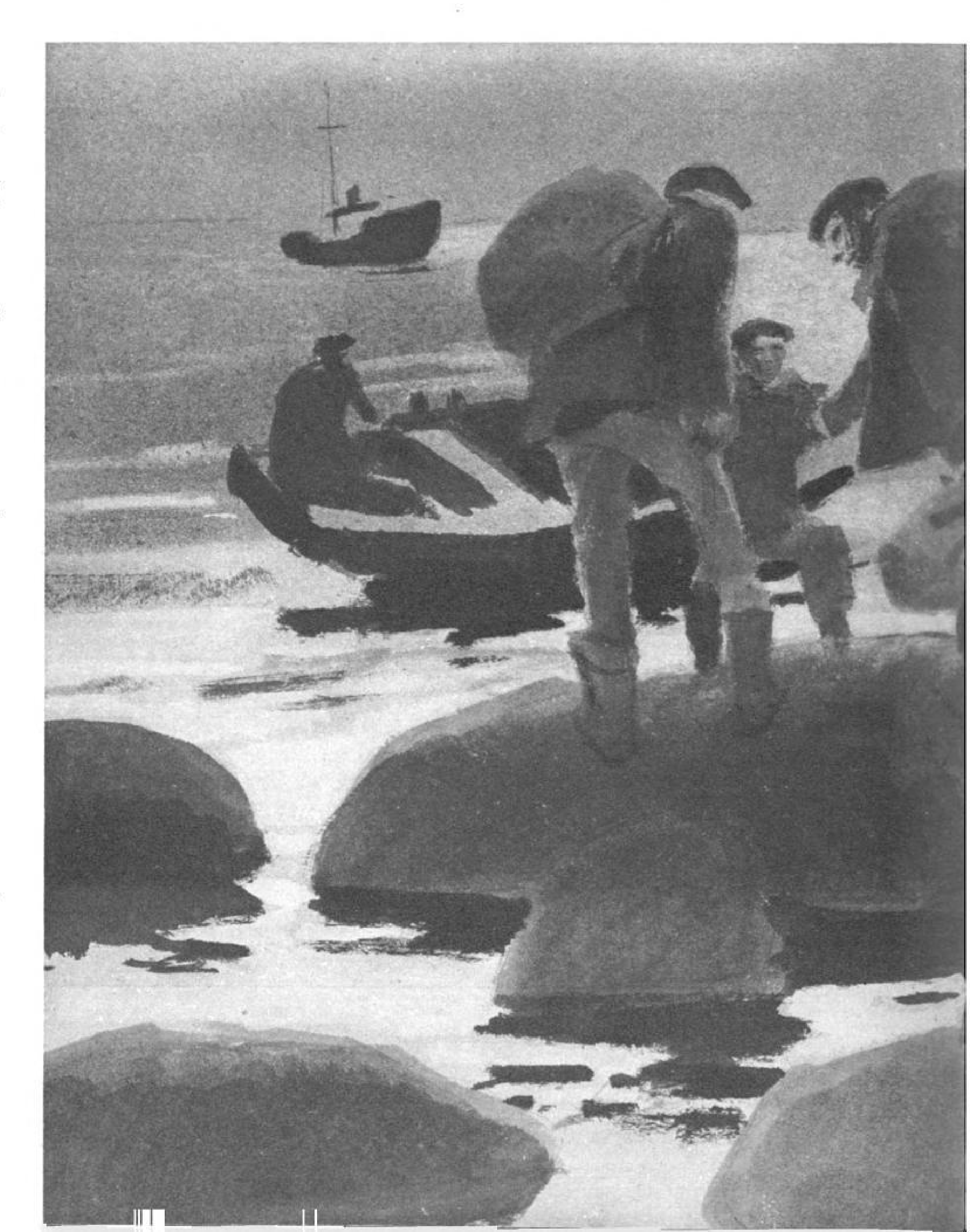
— Даже неплохо. Во всяком случае, два дня травить не буду.

Если не считать первых дней жизни на экспедиционной шхуне, когда бесчинствовал шторм и все, исключая разве команду, имели бледный, даже зеленый вид, Станислав переносил море лучше других, вскоре привык к непостоянству прогнозов, к неудобствам быта, превратился в бывалого морехода.

На шхуне он судил о земле с милой необязательностью человека, который ничем с ней не связан и никаким образом от нее не зависит, а на суше точно так же рассуждал о морских хлябях.

На суше он даже слегка удивлялся, что за блажная необходимость увлекает человека в стихию, столь откровенно коварную и сыроватую, как море.

«Все-таки уныло, когда такая растительность,— рассеянно подумал шеф.— Когда одна

[1] Непропуск — на Дальнем Востоке так называют скалу, обрывающуюся в море, которую нельзя обойти.

РО
ОСТРОВЕ

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

тощая трава. На худой конец даже плота не сообразишь».

Так и не сосредоточившись на отвлеченном, он возвратился в палатку, молча, не сняв резиновых сапог, лег на спальный мешок: все равно грязи на промытом дождями берегу не было.

— Вероятно, уже спешат к нам, волнуются,— сказал он, имея в виду шхуну.

— Как же, спешат! — ухмыльнулся Станислав.— Прошло шесть дней... да, уже седьмой, как она ушла. За это время можно было дойти до порта Хакодате в Японии и возвратиться назад.

Ни тот, ни другой не произнесли вслух страшного вопроса: «А может, она утонула?» В такое несчастье трудно было поверить, и пока не стоило распространяться на эту тему.

Высадив отряд на крошечный необитаемый остров, шхуна ушла отстаиваться к другим, более надежным берегам, где нашлась бы защита от ветра и укромные бухты. Прогноз не грозил бедою, и команда рассчитывала дня через два возвратиться. Продуктов было выделено отряду старшим помощником капитана ровно на три дня, но шеф собирался управиться с работой куда быстрее: то, что произошло на острове в стародавние времена, было слишком самоочевидно, динамическими процессами ныне он не характеризовался, и побывать на нем имело смысл лишь постольку поскольку — для констатации уже известного.

Однако пошел седьмой день, а шхуна не подавала признаков жизни.

Все знали, что в последнее время маломощный двигатель «Букау-Вольф» — «букашка» — работал с перебоями, а т d и в р а з н о с, так что корпус сотрясало крупной дрожью, расшатывавшей крепления. Известно было также, что питание восьмидесятиваттной судовой радиостанции «село». Радист не всегда мог связаться с диспетчерской службой порта приписки шхуны. Да и вся-то шхуна была с наперсток, за неимением каюты с лакированной дверью даже грозный капитан Зыбайло жил в общем кубрике. От духоты было не продохнуть. Геологическому отряду, правда, дышалось легче: он занимал трюм, переоборудованный под жилье.

Что же за беда стряслась на самом деле со шхуной?

Очередная разгульная ведьма сезона Н э н с и, вихляя обильными подолами дождей, не так давно свое отгуляла, тайфунов, по теории вероятности, ждать теперь не приходилось. Хотя — обычаю вопреки! — в этом году они шли чередой и, что называется, не было на них укорота.

Не лежалось. Медленно и беспросветно текут часы, когда нет бремени насущных забот и целиком зависишь от судьбы.

Снаружи уже моросило, влажная пыль тонко и холодно покрывала лицо, шею, руки. Шеф поежился, втянул голову в плечи.

Берегом к палаткам шел Миша Егорчик — его коллектор, длинный и унылый человек. В такт его шагам хрустели не то чаячьи гнезда с яйцами, не то голыши. Изредка он наклонялся, изучал, что там, в яйцах,— съедобны они или нет. Яйца были уже несъедобны, из них выклевывались взъерошенные, липкие и жалкие птенцы.

— Нужно ему мозги вправить, чтобы аккуратнее ходил,— ворчливо заметил Станислав.— Вот выпала планида — второй месяц любуюсь такой рожей!

— Для антуража годится,— нерешительно улыбнулся шеф.

— Для антуража можно бы кого и поумнее.

— Да нет же, в этих американских ботинках он весьма представителен,— настаивал, улыбаясь, шеф.

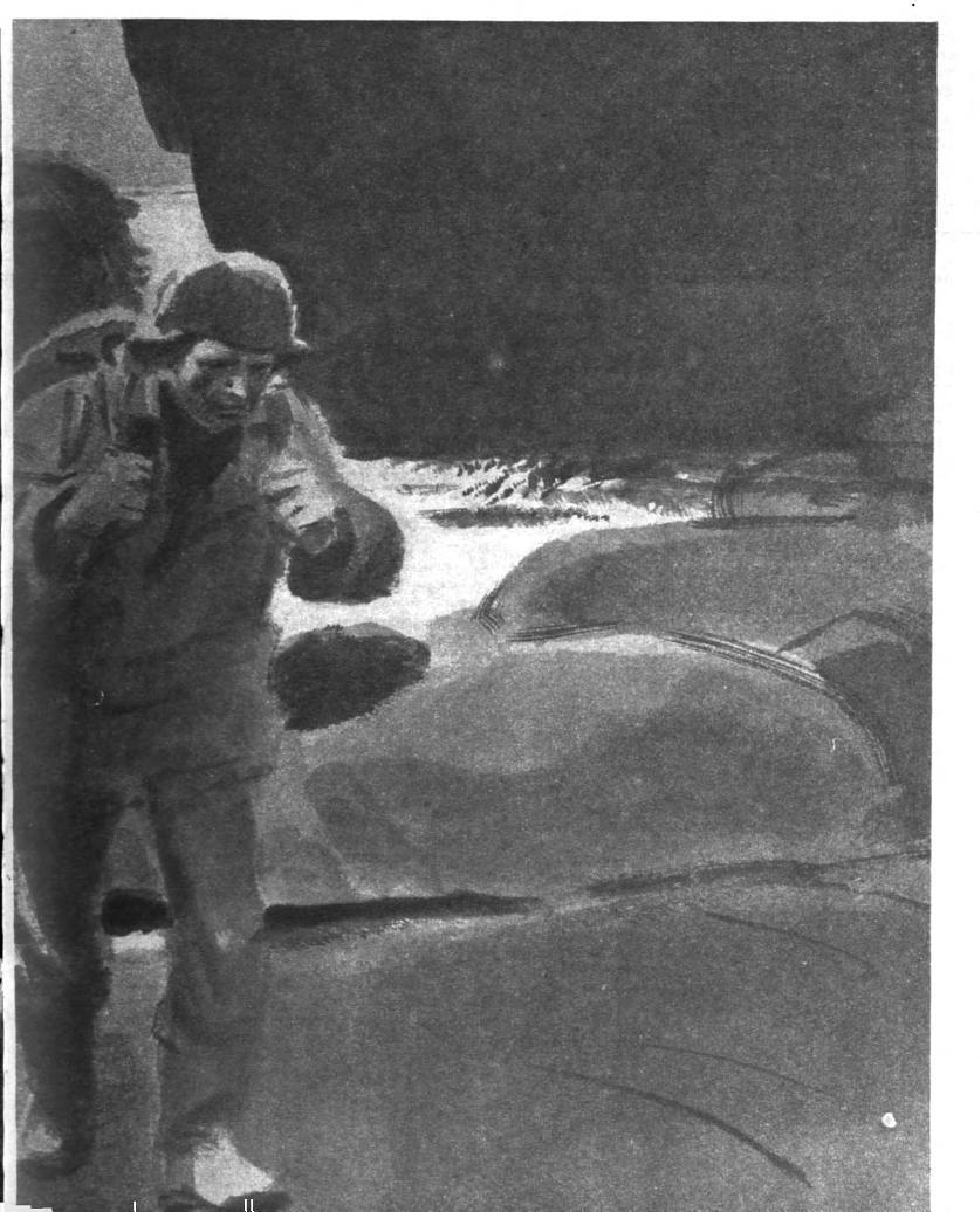
Без спору, вид Миша имел довольно занимательный: на его ногах красовались вполне новые, с блестящими скрепами еще фронтовых времен солдатские ботинки, баснословно уцененные за давностью лет: приобрел он их всего за рубль. Из этих уникумов американского сапожно-поточного производства лоскутами выпрастывались алые в голубой василек портянки.

Зато на невыразительно расплывчатом лице Егорчика ни одна черта не определилась резко, не заявила о характере, лишь н а м е к а я на нечто осмысленное; так выглядит комок глины, еще окончательно не проработанный скульптором, еще не заполучивший «душу живу».

Егорчик в былые дни отличался непомерным аппетитом, но тогда всем еды хватало с избытком. Нынче же сразу бросилась в глаза его способность без устали жевать что придется, чаще всего сухари. Как-то неудобно было сказать ему: угомонись, не жуй, оставь другим; да и ожидали, что вот-вот придет шхуна. А тем временем Егорчик расправился с сухарями в одиночку.

Шеф старался разговаривать с ним мягко: Егорчику и без того доставалось. Ему основательно попало от Станислава при высадке, когда обнаружилось, что бравый коллектор сбил мушку с единственного карабина.

Именно шефу пришла в голову нелепая идея свалить на Егорчика груз хозяйственных забот, связанных с подготовкой к экспедиции, в то время как сам он принял участие в симпозиуме геологов на Кавказе. С выданным под личную ответственность карабином Егорчик,

Copyrighted material

надо сказать, не расставался ни днем, ни ночью. Да что толку?..

Шеф заметил нерпу, высунувшую из воды потешную, как у собаки-боксера, морду.

— Далеко,— сказал он.— Музыку какую-нибудь для нее надо. Брамса бы, а?..

Проводив нерпу жадным взглядом, Станислав вздохнул:

— Да-а, не мешало бы ее шарахнуть!

А шхуны все не было.

И Егорчик поел все сухари.

Из продуктов по случайности наскреблось еще в бумажном мешке горстки две-три вермишели.

На десятый или одиннадцатый день Станислав хмуро спросил:

— Что будем делать, однако?

— Однако, пока поживем,— уклончиво ответил шеф, наблюдая за тем, как в дыму и копоти плохо разгорающегося костра Егорчик окуривает в грязной банке какое-то персональное, может быть, «диетическое» варево.

— Только не нужно так напропалую жечь дрова,— сказал, подходя, четвертый житель этого острова, совсем юный и по-юношески угловатый, даже, может быть, излишне худой: на шхуне его крепко донимала морская болезнь.— Дров всего несколько палок на этом берегу: вон, вон и еще там вон, за бугром. И все.

Шеф медленно к нему оборотился.

— Что же, Виктор... все это верно, конечно. Дрова нам сейчас важнее, чем даже какая-нибудь колбаса.

Шеф пока что мало общался с этим пареньком, которого Станислав в шутку кликал Масштабом. Виктор и Станислав вместе приехали из Москвы. Оба к геологии не имели никакого отношения.

Станислава шеф знал как будто неплохо. Потому-то и пригласил его принять участие в плавании по Курилам. Станислав давно об этом мечтал.

Он привез с собою Виктора. Виктора шеф не знал.

Весь предыдущий месяц работа на островах велась довольно интенсивно и не давала лишнего времени для усиленного общения, для сугубо личных разговоров.

Сейчас он смотрел на Виктора с внезапно пробудившимся интересом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Виктор на четвереньках выполз из палатки и потащил за собою тускло-серебристый плащ— изделие тяжелое, как рыцарские доспехи. Облачаться в него было жутко еще и потому, что, присыпанный скорее всего тальком, с исподу был он дегтярно черен, пропитан, для вящей непромокаемости, какой-то смолистой массой. При всем обилии смолы и талька плащ протекал по швам.

Виктор приобрел такую редкость в рыбкоопе Северо-Курильска: естественно, в основном предназначалась она для рыбаков. Выбора не было: свой столичный, «пижонский», по определению Станислава, плащ он потерял.

У самого Станислава экипировка отличалась аристократической добротностью и изяществом: ходил он в английской зеленой куртке, плотной, как валяная шерсть, от стужи его защищали чехословацкие, на пуху, стеганые костюмы и толсто вязанные свитера.

Уже который день лил все тот же до тошноты однообразный, мелкий дождь, и Виктор, душевно содрогаясь, сцепив зубы и смежив почти в неподдельном ужасе глаза, напялил плащ, зная, что вылезет из него черно-серебристый, сплошь в чешуе, как селедка.

Станислав варил кофе; был час завтрака; кофе и чай старпом отмерил им не на три дня, а щедро, не глядя, как продукт, во все времена ненормированный. Сейчас можно было только пожалеть, что, небрежно взяв без счету кофе и особенно чаю, они не стали обременять себя лишней солью. Соли оставалось в обрез.

Виктор сел на обкатанную глыбу. Сжав руками стеклянную банку, он блаженно грел ладони. Все было на нем и вокруг него сейчас ненатуральным, даже эта банка, на желто-синей этикетке которой пышно кучерявилась белокочанная капуста, снабженная для убедительности надписью: «Капуста маринованная с яблоками». Живительно, тепло, мутно колыхался в банке кофе. Не было никакой капусты и никаких яблок. Не было ничего, кроме этого кофе! И даже весь этот хаотически утвержденный среди воды остров был как дурная сказка, которой пока не видно конца, хотя уже невтерпеж ее слушать.

Витька пригорюнился. Ах ты, боже мой! Ему вспомнились светло и отрадно другие острова. Разве плохо было бы им на Парамушире, где такой замечательный вулкан Эбеко с горячим озером в кратере и с ручьями в окрестностях, насыщенными хлором, бирюзовым, драгоценным цветом, шипуче пузырящимися в скальных промоинах? Да, вот именно, почему бы им не забуксовать на Парамушире, где, если какая беда, всегда можно спуститься за полчаса вниз, в портовый городок, а если нет беды, то и жить себе наверху, работать у бухающих где-то подземно, как отдаленные колокола, источников, у кипящих серных котлов.

Вспомнил Витька и московскую квартирку Станислава, в которой каждый квадратный метр не только пола или стен, но и стола и всех других плоскостей использовался хозяином рационально. В этом маленьком вроде и цивилизованном жилище никто не заботился о стилевом единстве, о том, как будет выглядеть интерьер, а как все остальное. Где-то на подоконнике, как оплывшая гигантская свеча, мерцал сталактит. По шкафчикам были навалены без разбору книги, перемежаемые керамической посудой,— все по биологии, географии и еще больше по скульптуре и живописи. В самом почетном углу, как модернистская статуя, красовался ехидно-замысловатый лесной сук, бескорое естество которого для пущей сохранности было покрыто лаком. Комната Станислава представлялась ячейкой хаоса и анархии посреди стремящегося к простоте и практичности архитектурных линий гулкого города.

В молодости Станислав был известным прыгуном с трамплина, не раз завоевывал первенство страны, и хотя прыжки он сейчас забросил, лыжами увлекался по-прежнему, приучая к ним сына. Пока лежал в Подмосковье снег, не мог смотреть на него равнодушно, уходил куда-нибудь по Ярославской железной дороге в глушь, подальше от людей, ютился анахоретом в палатке посреди зимы и бронзовоствольных сосен. Виктор жил в одном с ним огромном доме на бурно застраивающейся окраине Москвы, и по воскресеньям они часто совершали вместе вылазки за город. Виктор вообще летом работал где придется, зимой отсиживался дома. читал книжки, мастерил радиоприемники. Собственно, после окончания школы и прошло-то всего одно лето и одна зима. В вуз он не поступил,— собирался в технический, но сорвалось... А почему в технический — и сам толком не знал. Вероятно, из-за увлечения радио. На постоянную работу не спешил устраиваться, хотел пойти куда-нибудь в экспедицию. Тут и подвернулся Станислав со своим предложением. Он даже в ресторан Витьку пригласил для обстоятельного разговора.

Витька очень гордился знакомством со Станиславом, особенно когда был поменьше. И хотя сейчас он относился к кумиру своего детства в общем ровно, приглашение в ресторан ему явно польстило. Он никогда не был в ресторане.

Пили кислое красное вино. Такое вино Витька пил тоже впервые. Дома его угощали по праздникам чем-то сладким, тягучим. Сам он, начав работать, в жаркие дни покупал себе пиво.

В огромном полупустом зале у помоста для музыкантов меланхолически двигались в танце пары. Затем оркестр небрежно исполнил модную песенку Армстронга «Мак по кличке Нож».

Станислав неторопливо, вполголоса рассказал Витьке об Армстронге, затем, без перехода, о театре Брехта. Он что-то еще говорил, и опять-таки Витьке было интересно его слушать. Вообще с ним скучать не приходилось. Да и не удивительно: Витьке еще не стукнуло восемнадцати, а Станиславу уже перевалило далеко за сорок. Правда, он сохранил сухое, поджарое тело спортсмена, глаза у него светились юным любопытством, зубы были белы и крепки, но все же, если присмотреться, он старел.

— Я могу взять тебя с собой,— сказал наконец Станислав.— Предстоит всерьез заняться и фотографией и кое-чем другим. Мне нужен — ну, спутник, что ли. Поездка будет занимательной: мне предложили по старому знакомству принять участие в плавании по Курилам. Шеф — личность довольно невыразительная, тюфяк, хотя, впрочем, я его мало знаю. Говорят, он толковый геолог. Шхуна — допотопной постройки, но это, по моим представлениям, должно тебе даже нравиться. По желанию можешь вообразить себя либо землепроходцем времен Семена Дежнева, либо сообщником королевского пирата Фрэнсиса Дрейка. Так или иначе, без приключений не обойдется. Что скажешь?

Виктор сидел красный от смущения, особенно когда Станислав повел речь о землепроходцах и пиратах.

— У... условия? — спросил он дрожащим от волнения голосом; предложение было столь же заманчивым, сколь и неожиданным — не мудрено растеряться.

— Условия? Никаких условий,— жестко ответил Станислав.— Я не контора по найму рабсилы и не солидная со счетом в банке организация. Оклада, естественно, у тебя не будет. Но прокормить я тебя кое-как прокормлю. И дорога за мой счет. Это тебя устраивает?

— Вы еще спрашиваете!

— Я, правда, не знаю, найдется ли на той бригантине свободное место, но где живут десять, там всегда приткнется одиннадцатый. Значит, решено?

— Решено!

Таким образом Витька благодаря невнушительному росту и еще каким-то для него не совсем ясным качествам стал спутником Станислава, пареньком «для масштаба».

Он мог быть доволен — и он был доволен! И вдруг этот остров... Ни кустика, ни деревца. Совершенно голо. Обглоданные прибоем валуны. Проклятое богом место. Смешно подумать — тоже материя! Смешно подумать, но, если присмотреться, материя не без переливов, не до конца обесцвеченная. Конечно, чтобы различить здесь какие-то оттенки бытия, нужно иметь очень хорошее, заинтересованное зрение. Наверное, такое, как у Станислава.

Сегодня опять он сидит на берегу, любуется нерпами, и Виктор рядом с ним... Ведь нерпы — они и впрямь такие смешные. Говорят, они реагируют на музыку, с удовольствием слушают патефон. Брамса бы им, как сказал шеф, то есть Юрий Викентьевич. Подумать, какие меломаны!..

Витька для пробы просвистел «Тореадора», но очередная нерпа равнодушно уплыла: либо у нее было неважно со слухом, либо сам Витька где-то сфальшивил.

Собственно, Витьке можно было жить без забот: он ни по ком не скучал, разве только немножко по матери. Он никому не обязан был помогать денежно, потому что пока не получал никакой зарплаты. Конечно, тут пустынно. Конечно, влияют на самочувствие сплошные туманы и дожди, нет никакой видимости. Конечно, туговато с едой... Зато потом будет что вспоминать, будет чем похвастать перед приятелями, перед Верой...

Перед Верой! Оказывается, он еще помнит ее. И, оказывается, чуть-чуть скучает. А кто такая ему Вера? Так, просто знакомая девушка. Правда, она ему очень нравится. Особенно в выходном платье с короткими рукавами, и когда ожерелье из янтаря на шее. Вера годом старше его, после окончания школы она поступила работать на швейную фабрику и заочно учится в текстильном техникуме. Вера коренастая, небольшого роста, волосы у нее когда-то были отпущены длинно и с одной стороны падали на щеку, так что всегда она смотрела исподлобья и сбоку, и вид у нее при этом был диковатый.

Однажды, это еще в школе, они поехали в колхоз на уборку капусты. Витьке дали в напарницы Веру, будто кто-то догадался, что именно к ней он неравнодушен. Только он не мог с ней разговаривать — и потому, что капуста отвлекала внимание, и потому, что не так просто было решиться.

Copyrighted material

Лишь когда устроились обедать на куче сухих бодылок, Вера храбро спросила:

— Ну, что там у тебя?

— Диетическая колбаса, огурцы малосольные... А у тебя?

— Пирожки с морковкой.

— Годятся.— Он хотел развязно добавить: «Мы едали штучки и похуже»,— но вовремя прикусил язык.

— Объединимся? — уже не так храбро предложила Вера.

— В смысле еды? Ну, конечно. Какой может быть разговор! — по-мальчишески возликовал Витька.— Держи бутерброд.

Потом они стали ходить вместе в кино, на каток, ездили за город.

У Веры была гибкая походка, она смешно повиливала задом, когда шла, и в талии колыхались складки просторного свитера. Ему нравилось смотреть издали, как она ходит, он любил этот ее свитер и еще волосы, вороньим крылом затеняющие диковатые глаза.

Но потом Вера поступила работать, а вечерами пропадала в техникуме, и они почти перестали встречаться. Она сразу за каких-нибудь несколько месяцев неузнаваемо изменилась, повзрослела. Волосы подстригла коротко, делала укладку. Ожерелье больше не надевала. Витька не знал, о чем с ней толковать. У нее появились какие-то заботы. У Витьки тоже были заботы, но не в этом дело. Что-то в их судьбах не совпадало, не притиралось, как сказал бы Витькин отец — слесарь автозавода имени Лихачева.

Странно, что он помнит Веру, ведь были же потом...

Юрий Викентьевич крикнул от палаток некстати:

— Ну-ка, друзья, предпримем вылазку, запасемся водой для чая!

Способов добычи воды на этом безводном острове было два: первый заключался в том, чтобы, вскарабкавшись по кручам, найти в здешней микротундре достаточно влажное углубление. В сыроватом перегное нужно было прободать каблуком ямку, и в ней как бы через силу проступала вода. Но такая добыча «не окупалась»: расходы превышали приход.

Гораздо проще было пройти в тундру всем вместе с котелками, кастрюлями и ведром и сбивать с растительности дождевые капли, росу, в общем, любую влагу, какая на стебельках смогла удержаться. Нет, вода не грозила стать здесь проблемой,— ведь дождей хватало с избытком.

Иногда Витька выбрасывал из своей кастрюли каких-то мошек, жучков, семя травы,— он был брезглив. Он поражался, что на такой бесплодной суше обитает хотя бы эта микроскопическая живность. Нет, нет, если присмотреться, остров вовсе не был однообразным и скучным.

В сущности, они знают только часть ограниченного непропусками берега, на котором расположились биваком, и вершину вулкана с полуобрушенным, довольно красочным на вид кратером,— в нем довелось побывать еще в первый день высадки в соответствии с планом работ Юрия Викентьевича.

Мокрый до пояса, с мокрыми руками возвращался Витька в лагерь, боясь выплеснуть хоть каплю влаги: в крутояре ничего не стоило поскользнуться и съехать на «пятой точке» до самого берега. Тут уж не о воде будешь думать, а как руки и ноги сохранить в целости.

У палаток Станислав кого-то уже звонко отчитывал, кажется, всех сразу:

— Сборище вонючек! Ничего решительно вы не умеете! Недалекие вы пигмеи! Нешто так разжигают? — Он любил простецкие словечки вроде «нешто», «хошь не хошь», «будь здоров», и они так же вопиюще не вязались с рассуждениями о какой-то там живописной технике «алла прима», которая будто бы всегда видна в живописи портретов Франса Гальса. Затем он набросился отдельно на Егорчика:

— Ты хотя бы что-нибудь по части пропитания и хозяйства сделал, пока мы там воду собирали! Хотя бы дровишек заготовил!..

— Нет уже здесь дровишек,— глухо сказал Егорчик: у него был хронический насморк.— Да и что я один...

— Единица — ноль,— согласился Станислав после того, как щепки взялись ровным, не придушенным дымом и копотью огнем.— Особливо ежели такая сопливая единица, как ты.

Егорчик безмолвствовал. Он не умел остроумно и быстро парировать такие нападки. Человеком острого ума ему не помогло стать даже высшее образование, полученное в московском вузе.

Витька отнюдь не питал к Егорчику симпатий. И хотя ему неприятно было слушать, как бесцеремонно, вплоть до оскорбительных намеков, разделывается с ним Станислав, он считал, что нельзя же быть и таким тюхой, как Егорчик.

В природе сквозило расположение к отвлеченной доброте. Солнце еще не показывалось, а все же в воздухе потеплело, там и сям заголубели в небе прогалины, все более увеличиваясь и проникновенно темнея.

Витька недавно читал в справочнике (у Юрия Викентьевича много специальных книг по Курильской островной дуге), что на таком же маленьком острове Райкоке однажды в 1778 году остановились переночевать казаки-мореходы из тех, что исследовали новые земли. Вот кому не повезло самым роковым образом! Именно в эту ночь вулкан Райкоке начал извергаться. Треснула его вершина и с великим шумом обрушилась, похоронив под пеплом и глыбами раскаленных камней казацкий бивак. Никто не ушел живым — ибо даже вода у берегов кипела, а привычные их очертания неузнаваемо изменились.

Что ж, от здешнего потухшего вулкана тоже можно ожидать чего угодно. Сегодня он спит, а завтра...

Витька встал и пошел влево к мысу — за ним просматривался еще один клочок берега. Там лежало несколько бревен.

Витька издали пересчитал их. Пересчитал и уселся тут же, посматривая на просветленно обрисовавшийся в чистом воздухе вулканический пик — такой можно увидеть разве что на картинах японцев. Они умеют писать свои пейзажи этак приподнято-заманчиво: вроде и сказка, а все же быль, никаких не заметно поблизости сказочных драконов. Условность — вот как это называется. У них был художник Хокусаи — великий мастер этого удивительного стиля — стиля, который только и мог родиться на обособленных, отгородившихся морями от всего света, сокрытых от чужих глаз островах.

Витька читал где-то о Хокусаи,— он всю жизнь писал гору Фудзияму, но так и умер, не посчитав, что достиг совершенства. Наверное, так каждый великий никогда не бывает доволен творением рук своих. Наверное, так каждый должен, если по-честному, без скидок к себе относиться.

Даже он, Витька. А какой он на самом деле? А никакой...

В институт и то вот не поступил, позорно срезался на математике, получил двойку. В школе одни пятерки по точным предметам — и вдруг эта двойка!

Может быть, математика вовсе не Витькина область. Не его, как говорится, конек. Может, его призвание — исследовать жизнь глубоководных впадин. Или ходить геологом. Или заниматься проблемами сохранения леса. Все это, если с толком разобраться, дико увлекательно. А жизнь будет — ну, вот такая, какою они живут сейчас.

Что, не нравится? Значит, слабый ты еще человек, Витька. Ненадежный. Ну, двусмысленный, что ли. Как чуть трудно — так и пасуешь, так тебе уже и неинтересно, а?..

Вон на том острове, где пик, похожий отсюда на Фудзияму с картины Хокусаи,— там люди. Совсем близко. Но и не совсем, потому что остров тянется на сто с лишним километров, и люди как раз живут далеко-далеко от пика. А близ пика—безлюдье, пустота, северные джунгли низкорастущего кедрача, в них запросто бродят еще не стрелянные медведи.

А зачем ему, Витьке, люди? Может, как исследователю белых пятен, ему чаще всего придется общаться с одним-двумя коллегами по работе. Не исключено? Нет, вовсе не исключено. Сейчас же он находится в коллективе таких значительных людей, как Юрий Викентьевич, кандидат наук... как Станислав... трудно сказать, правда, кто он такой. Он, может, в своем деле дважды кандидат наук. А какое у него дело? Много их у него, так что не разберешь. Он не то биолог, Станислав, не то художник-анималист, рисует всякое зверье. Но и это еще не все. Про все Витька не знает. Неудобно расспрашивать.

Ну, а Егорчик? О, Егорчик — т и п! Тот еще тип! В совершенно особом роде.

Коллектив, в общем, неплохой. Разве только скверно, что они все тут давно общаются между собою, давно более или менее знают друг друга, и нет новизны узнавания, которая окрасила бы их жизнь. В самом деле, высадились бы все разные, незнакомые, пока туда-сюда, пока принюхались бы, попривыкли, выполнили свою работу на острове — а тут и спасательный корабль, вот он!

Работа, полезные занятия. Они им здесь совершенно необходимы, чтобы не раскиснуть. Юрий Викентьевич говорит: «психологический момент». Если расшифровать, это значит, что отсутствие серьезного дела вредно воздействует на психику человека. Такой вот «момент»...

Ну, вот шеф и заставляет его в последнее время собирать образцы пород. Витька, разумеется, ему не подчинен. Но ведь хочется принести какую-то пользу. Вполне вероятно, что здесь можно открыть месторождение полезных ископаемых. Ничего не значит, что Юрий Викентьевич слазил в кратер и успокоился. Он изучал там свое, смотрел какие-то горизонты, соскребал в бумажки желтую пыль. Но у него не сто глаз. Он может чего-то и не заметить.

Правда, обидно, что ему принесешь камень, а он даже толком не посмотрит. Сам же просит — тащи, мол, если что найдешь.

Все-таки поразительно, до чего разные бывают люди даже с высшим образованием! Разные не по характерам, это понятно, а как специалисты. Юрий Викентьевич — крупный геолог, его имя известно, он работает над докторской диссертацией. И Миша Егорчик. Он ведь окончил тот же вуз, что и Юрий Викентьевич. Только он географ-экономист. Боже мой, что это за географ-экономист, который, начхав на свою профессию, идет коллектором в отряд геологов! Что же, он решил геологию постичь в один прием? Не постигнет, пожалуй. Для этого не такие нужны способности. А он и правда толстую какую-то книгу читает, называется «Петрография метаморфических пород». Юрий Викентьевич за него заступается, говорит, что Егорчику, мол, не нравится его профессия. Ну, хорошо, а на коллекторской работе он прямо так и горит, пылает к новому делу неземной страстью? Ерунда! Юрий Викентьевич говорит, что у Егорчика голова. Он, мол, вуз окончил недавно, а у него в каком-то географическом журнале уже работа опубликована о перспективах развития рыбного дела на Камчатке. Станислав спросил, какие же это перспективы. А Юрий Викентьевич говорит, что, по мнению Егорчика, добыча лососевых будет сокращаться и дальше, но есть возможность увеличивать общий план за счет расширения лова донных рыб, таких, как палтус, камбала, минтай... Станислав сказал, что он лично не географ-экономист, но пришел к такому выводу давным-давно без посторонней помощи, и пренебрежительно добавил, что Егорчик — тупица, каких поискать.

Вчера вечером было так тоскливо, разговор не клеился. Зарядил дождь; накат, подобно огромному вальку, с грохотом прохаживался по валунам, прямо в ушах ныло. Станислав пробормотал, что хотя бы летающее блюдце показалось, было бы из-за чего поволноваться.

А Егорчик спросил, как всегда, гундосо:

— С чем его едят, летающее блюдце?

Это он сострил. Он ни о чем другом и думать не может, как только о еде.

Витька не утерпел и съехидничал:

— Правду ли говорят, что кое-кому здесь будут давать надбавку к зарплате за тупость, за глупость, за отдаленность? Если правда, то Егорчик у нас верный претендент на увеличение оклада.

Егорчик, наверное, ему глаза бы выцарапал,

Ганс Гольбейн. 1497—1543.

ПОРТРЕТ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО.

1528—1530.

но побоялся Юрия Викентьевича. Вообще он их опасается, шефа и Станислава, а вот Витьке норовит хамить. У него, конечно, внушительный рост и длинные руки. Длинные руки — это, конечно, фактор, которым ни в коем случае нельзя пренебрегать, но, если Егорчик вынудит, Витька не замедлит противопоставить свои преимущества: быстроту и натиск.

Правда, Юрий Викентьевич неодобрительно к этому относится. Он помалкивает, но, может, лучше, если бы он что-нибудь определенное сказал.

Витька еще раз обозрел бревна за мысом — прикидывал, на сколько дней их может хватить для костра.

Нужна ли храбрость для того, чтобы полезть в воду, температура которой едва ли выше десяти градусов? Нет, храбрость — категория особая, что-то связанное с отчаянным риском, с удалью.

Был ли Витька храбрым? В детстве его побили пацаны — ни за что, за какую-то мелочь. Их было двое, били они его палками по ногам, методически и расчетливо. С каждым он запросто справился бы в одиночку, но против двоих, да еще вооруженных палками, оказался бессилен. Он мужественно терпел экзекуцию, а потом заплакал — и уже не столько от боли, сколько от обиды, что его так унизительно и бессмысленно истязают. Он и до сих пор не понимал, как можно бить человека, который заведомо слабее, бить, просто потешаясь?

Витька ненавидел силу, когда она грубый культ. Что-то такое от культа силы, от сознания своего превосходства над многими прочими проскальзывало иногда в поведении Станислава. Но при хорошем питании и благоприятствующей конъюнктуре он становился покладистым парнем (даже в его сорок пять лет о нем трудно сказать иначе — именно парнем), может, излишне резким на язык.

Витька с облегчением стянул резиновые сапоги: говорят, в них легко нажить ревматизм, резина не дает коже возможности дышать. Но, если в сапогах много воздуха, да еще пополам с водой, это ведь тоже ревматизм. Затем он снял телогрейку и остался только в штормовом костюме. Подумав, снял и костюм, и клетчатую рубашку, и брюки... У него было хорошее шерстяное белье, купить его посоветовал в Москве Станислав. Оно стоило около тридцати рублей. Пришлось продать фотоаппарат, и то денег не хватило. Немножко добавила мама. Она вообще-то была против его поездки куда-то к черту на рога. Шутка сказать — Курилы!

В светло-коричневом шерстяном белье вид у него был сейчас почти спортивный — как в тренировочном костюме.

Он поискал палку, достаточно длинную и прочную. Он, конечно, не собирался заниматься прыжками с шестом. Он всего-навсего хотел осуществить попытку перебраться за непропуск и пригнать оттуда бревно.

Лезть в воду он не рисковал, по крайней мере до поры, когда купания уже нельзя будет избежать. Вот если бы удалось найти на непропуске подходящую скальную полочку и, упираясь палкой в дно, проскочить дальше!

Полочка нашлась, замшелая, узкая и неровная. Дождавшись отлива, Витька с трудом, пыхтя и пачкая зеленью драгоценное белье, взобрался на нее. Но сохранять равновесие, когда ступни скользили, было почти невозможно. А сзади уже хищно выгибалась волна, пятнисто рябя сытой гладкой шкурой. Она лизнула пятки, подхлестнула под самый зад, легко оторвала от скалы, как Витька ни царапал ногтями зазубрины влажного камня, как ни упирался.

Свалившись, он окунулся с головой, но ему теперь было наплевать. Наконец ему удалось удержаться за риф, а волна тем временем схлынула. Но невдалеке уже вздымалась новая.

Правда, ей еще нужно добежать до рифа. Хлюпая враскорячку по мелководью — хорош видик! — Витька, разумеется, не стал ее ждать. Несколько прыжков — и он уже сидел на ближнем по ту сторону непропуска бревне, стуча зубами и радуясь, что дешево отделался.

(Продолжение следует.)

МИР ГОВОРИТ: «С

В эти волнующие дни редакция журнала «Огонек» обратилась по телефону с вопросом к советским журналистам, работающим в разных точках планеты: Как расценивается в странах, где вы живете, новый успех в космосе!

АЛЖИР. У телефона корреспондент Московского радио Виктор Цоппи:

ГЕРОИЧЕСКИЙ НАРОД АЛЖИРА ГОРЯЧО АПЛОДИРУЕТ ГЕРОЯМ «ВОСХОДА».

Президент Алжира Ахмед Бен Белла вместе с находившимся с дружеским визитом в Алжире президентом Республики Куба Освальдо Дортикосом сделали следующее совместное заявление: **«Это новое подтверждение выдающегося прогресса советской науки, новый шаг в развитии всего человечества. Мы горячо приветствуем этот большой успех и шлем наши поздравления советскому народу».**

Член политбюро партии Фронт национального освобождения Хосин Зауан заявил, что для всех алжирцев полет «Восхода» в космос — это потрясающее, фантастическое событие. «Мы очень рады,— сказал Хосин Зауан,— поздравить с этим замечательным достижением Коммунистическую партию Советского Союза, Советское правительство и весь трудовой народ Страны Советов, которые потрясли мир столь замечательным достижением, вписав замечательные страницы в историю мировой науки».

Председатель комиссии по иностранным делам алжирского парламента Мохаммед Язид сказал, что подвиг трех ученых-космонавтов — это новое яркое свидетельство гигантского прогресса социализма в области науки и техники. «Я разделяю, как и все алжирцы,— сказал Мохаммед Язид,— радость и гордость советского народа-друга и поздравляю советских братьев с этим новым выдающимся свершением. Я убежден, что оно будет способствовать укреплению сотрудничества народов, мирного сосуществования, мира на земле».

ТОКИО — город Олимпиады. У телефона специальный корреспондент журнала «Огонек» В. Викторов:

Японский народ, все участники и гости Олимпиады встретили сообщение из Москвы как огромное радостное событие всемирного значения.

Обычно в Токио никто не смотрит вечером в небо. Звезды над японской столицей невозможно разглядеть: они скрыты в пыльной дымке. Но 12 октября вечером толпы народа стояли на перекрестках, закинув головы, и всматривались в небесные просторы.

БОРИС — 2

РАССКАЗЫВАЕТ ОТЕЦ ВРАЧА-КОСМОНАВТА Б. Б. ЕГОРОВА

Мы сейчас видели Бориса! Правда, только краешек лица и руку, но видели, все-таки видели!..

Прошло четыре часа после старта первого в мире космического экипажа. Первые витки вокруг «шарика», первая телепередача из космоса, первые поздравления и звонки в квартире отца врача-космонавта Бориса Егорова. Теперь уже этот день — 12 октября — отдален от нас, новые события сменили часы начального восхищения полетом «Восхода», но мы хотим вернуться к разговору с Борисом Григорьевичем.

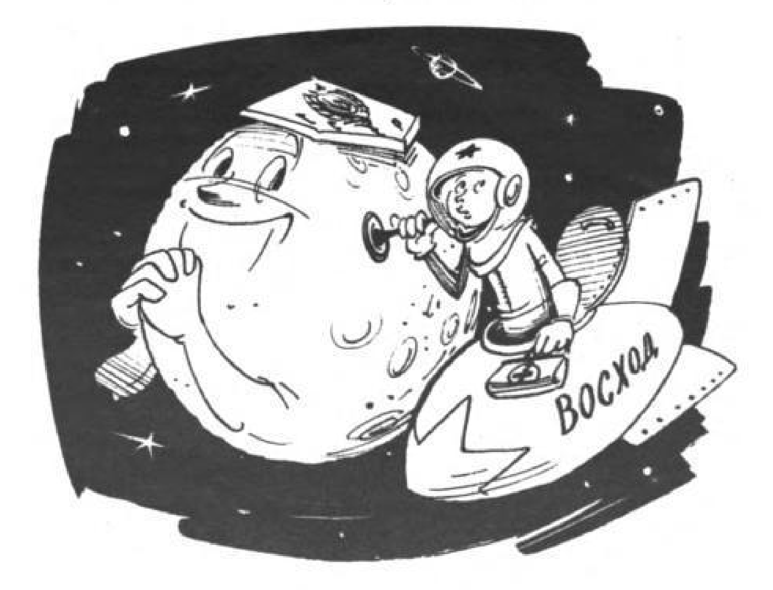
— Мы только что видели Бориса,— этими словами нас встретил отец самого молодого из экипажа корабля «Восход».

Борис Григорьевич — крупнейший советский ученый, действительный член Академии медицинских наук СССР, профессор, нейрохирург. Все в доме говорит о сыне. Семейный альбом, фотографии на стенах, стереоскопические диапозитивы, которые мастерски выполняет профессор... Борис купается, Борис с ландышами, Борис собирает грибы, Борис на трассе скоростного спуска... И, наконец, цветное фото: три поколения Егоровых в осеннем лесу.

Мы просили отца рассказать, как формировался характер первого в мире врача-космонавта, блистательно прошедшего за три года путь от студенческой скамьи до космической лаборатории корабля «Восход».

— Конечно, ничего случайного,— начал Борис Григорьевич.— Сын с детства очень целеустремлен. Не знаю, можно ли говорить о призвании. Дело в том, что Борис еще в школе страстно увле-

— Луна! Дышите глубже. Вы взволнованы.
Рисунок В. Черникова.

Copyrighted material

ЛАВА РУССКИМ БОГАТЫРЯМ!»

Весть о том, что Советский Союз запустил новый космический корабль «Восход», на борту которого находятся три человека, сразу же распространилась по Токио. Зазвонили телефоны у советских спортсменов в олимпийской деревне, примчались японские журналисты, радиорепортеры, телевизионные комментаторы. Через полчаса после этого на голубых экранах Токио уже шла передача, посвященная новой победе советской науки. Экстренные выпуски газет напечатали фотографии Комарова, Феоктистова, Егорова.

Одна из ведущих японских газет, «Асахи», пишет, что запуск космического корабля с тремя пассажирами на борту свидетельствует о том, что СССР может осуществить высадку на Луне уже в 1967 году. «Насколько мы знаем,— пишет газета,— американцы намеревались осуществить такой запуск только через три года. Разрыв между советской и американской космической наукой составляет два с лишним года».

«Джепэн-таймс» сообщает своим читателям: «Летчик, ученый и доктор с аппетитом позавтракали после облета Земли». И воспроизводит слова космонавтов в своей транскрипции: «Хоросо позавтракали».

Японские газеты не жалеют места, дают подробную информацию о ходе полета, но жители Токио, видимо, считают, что советские спортсмены знают больше газет. Они часто обращаются с вопросами и к ним и к нам, к советским журналистам. В эти дни мне лично приходилось беседовать с самыми различными людьми. Полицейский Кити Ногути сказал мне: «Ваш новый большой успех—красноречивое доказательство силы советской науки». По мнению студентки Токийского института иностранных языков Кикуко Кин, недалек день, когда советские граждане будут встречаться на других планетах.

ПРАГА. У телефона корреспондент «Правды» Василий Журавский:

Вацлавская площадь в Праге похожа на огромный двусторонний конвейер. Быстр шаг людей, спешащих по делу, высока скорость автомобилей, несущихся навстречу зеленому свету. Даже турист, попавший в этот людской водоворот, заражается бодрым деловым настроением.

И вдруг какая-то могучая сила останавливает казавшийся неудержимым людской поток. На минуту, на две... Площадь смолкает. Тишина заполняется торжественно звучным голосом диктора радио:

— ...Космический корабль «Восход» с тремя советскими гражданами на борту...

Вацлавская площадь забурлила, расцвела радостными улыбками, зазвенела восторгом и весельем. Народ ликовал. От этого прибоя людской радости красавица Злата Прага стала еще прекрасней.

У витрины книжного магазина человек с закинутыми назад седыми волосами и вдохновенным лицом художника. Вокруг него группа молодежи. Старик говорит:

— Трое русских — три советских богатыря — вышли на космическую дорогу. Вот она — русская чудо-тройка, которой «уступают дорогу другие народы и государства»!

Я спросил этого человека, кто он.

Он ответил:

— Я чех!

И мне сразу вспомнились слова другого чеха, сказанные семьдесят с лишним лет назад, слова писателя Йозефа Голечека: «Чех любит русского, он родился с этой любовью».

Нынче эта любовь горела во взоре каждого пражца. Прага ликовала. Прага славила трех советских богатырей, как своих национальных героев. Она встречала советского корреспондента, как земляка, как соотечественника трех новых героев космоса. И давала интервью только словами в превосходной степени.

— Это эпохальная победа советского народа в овладении космосом!— воскликнул заместитель председателя Чехословацкой Академии наук академик Ладислав Штолл.— Она еще и еще больше укрепляет нашу веру в окончательное торжество коммунизма и счастливое будущее всего человечества, ибо это победа сил добра, разума и мира!

— Советский Союз уверенно ведет эстафету овладения вселенной,— заявил мне заместитель министра здравоохранения республики, профессор Павел Мацоух.— Мы уверены, что ваши ученые и инженеры стоят на пороге нашей космической соседки — Луны. И мы, ученые-медики, особенно радуемся, что в шестой великий океан—во вселенную—проник наш коллега Борис Борисович Егоров. Его наблюдения, его медико-биологические исследования с помощью точнейшей современной аппаратуры являются огромным вкладом в науку.

С утра до поздней ночи лились по всей Чехословакии мелодии песен о советских космонавтах. Вся страна с большим волнением слушала очередные передачи советского радио о трех новых героях космоса. А потом с великой радостью узнала об успешном приземлении советских космонавтов, о блистательном выполнении ими задания Родины.

— Слава богатырям!— величает братский чехословацкий народ покорителей космоса.

кался радиотехникой. В старших классах средней школы он уже самостоятельно разбирал сложнейшие схемы, конструировал управляемые по радио модели. В доме постоянно пахло припоем и каннифолью; когда сын уходил из дома, он неизменно просил бабушку ничего не трогать в его комнате, вечно заваленной мотками проволоки, конденсаторами, лампами...

И все же Борис поступил в медицинский институт. Как это произошло?

— Когда Борис кончал школу, мы много говорили с ним о выборе профессии. Я убедил его в том, что современные науки и науки будущего развиваются в самых неожиданных направлениях, в том, что, будучи медиком, он при желании найдет применение своим знаниям по физике и радиотехнике.

Так и случилось. Борис, рано проявивший склонность к исследовательской работе, еще на последнем курсе мединститута был допущен к опытам в лаборатории одного из институтов. Потом работа пошла глубже, он сделал несколько ценных наблюдений, подошел вплотную к открытию нового в области изучения вестибулярного аппарата. Чуткие пальцы радиотехника помогают ему при изучении функции ядра нервной клетки — ведь для этого надо ввести в клетку электрод совсем незначительной толщины.

Понять характер Бориса-два помогает такой факт. У него уже было достаточно наблюдений для того, чтобы написать набело диссертацию. Но молодой ученый не спешил с защитой. Когда друзья торопили, он полушутя, полусерьезно отвечал: «Еще не написана последняя глава, для этого надо самому побывать там».

Борис побывал «там», в космосе. Есть последняя глава — начало большой научной работы!

— Борис—книгочий, он любит и умеет работать с книгой, с приборами, он всегда очень собран,— продолжал отец врача-космонавта.— Но я хочу сказать, что развивался он весьма разносторонне. Спорт, путешествия, дальние прогулки — это давнее увлечение всей семьи. Признаюсь, что я сам в 1909 году был чемпионом Москвы по теннису. Сын с малых лет принимал участие в моих поездках на Кавказ. Или вот музыка. Вначале Борис относился к ней сдержанно, а повзрослел — и понял ее. Теперь он возращается с концертов со своими суждениями о музыке.

Мы почувствовали в семье Егоровых эту добрую атмосферу высокой интеллектуальной жизни. В доме постоянно были и бывают люди самых разных профессий, люди большой культуры и широких интересов. Борис-два рос в очень здоровой обстановке. В том, что он стал таким, каким его сейчас знает весь мир, повинны, по словам отца, и друзья семьи Егоровых, среди которых известный океанолог академик Шулейкин, главный инженер одной из московских ТЭЦ Смирнов, двоюродный брат физик Николай и многие другие хорошие люди. Сами разговоры в доме, сначала пусть даже далекие от интересов мальчишки, поневоле заражали будущего ученого страстью к исследованиям, к познанию неведомого. Они же научили его распознавать людей. Борис отметал сверстников ленивого ума, людей никчемных и неинтересных, способных всю жизнь простоять в прокуренных подъездах...

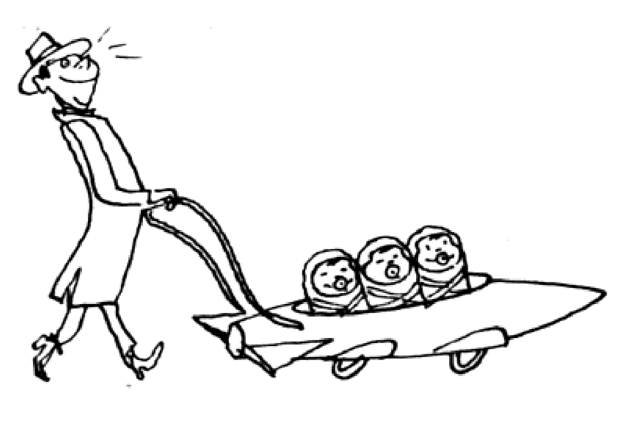
Советская земля, советские люди достойно встретили трех богатырей.

Н. БЫКОВ,
В. ПАВЛОВ

Последний медосмотр перед стартом.

Без слов.

— Папа, это про космонавтов!

Рисунки Ю. Черепанова.

Copyrighted material

ТАК СТУЧАТ СЕРДЦА

Есть аппараты, которые никакого отношения к медицине не имеют и тем не менее точно отражают биение человеческого сердца, да что там одного сердца — биения тысяч, миллионов сердец! Когда они взволнованны, радостны, то и аппараты стучат быстрей, быстрей, быстрей! Вот они в огромных залах-цехах Центрального телеграфа в Москве — телетайпы, фотопередающие и телеграфные аппараты. Здесь их многие десятки, если не сотни, и застучали они учащенней, взволнованней, как и наши сердца, с полудня двенадцатого октября, сразу же после того, как было передано по радио сообщение о запуске на орбиту спутника Земли космического корабля «Восход» с тремя советскими космонавтами на борту.

Вот хроника боевых минут на телеграфе: первыми подали свои телеграммы корреспонденты «Дейли уоркер» и «Ньюсуик». Потом помчались телеграммы в Дели, Токио, Сантьяго (Чили). Несколько телеграмм из-за границы: газеты, агентства, принявшие сообщение по радио, требуют от своих московских собкоров: «Подтвердите». Прошло полчаса, и уже никому не нужны подтверждения: весь мир знает, весь мир восхищен. Поэтому на лентах короткое: «Подробности! Снимки! Немедленно!»

Они первыми увидели портреты космонавтов. И первыми передали их в Лондон.

Фото А. Бочинина.

И идут, идут, как половодье, поздравления. Это из Кубы, то из Бамако, из Мельбурна, от коллектива мельбурнского хора. На другом бланке стихи:

Восхищены, гордимся, рады
За этот новый шаг вперед.
Народу лучшая награда —
Ваш замечательный полет.

Подпись: студенты и преподаватели физико-математического факультета Калужского государственного педагогического института имени К. Э. Циолковского.

Воронеж: «Милый, дорогой Константин Петрович, вместе с миллионами советских людей бесконечно счастлив, горжусь вами. Ваш подвиг в трудные военные годы под Воронежем и беспримерный подвиг во имя мира в наши дни — такой вы, наш советский человечище. Благополучно вернуться вам, герои. В. Юров».

Родители космонавта Валерия Быковского шлют телеграммы родителям трех новых героев. Плывущий вдоль Азорских островов теплоход «Куба» приветствует новых космонавтов.

И еще одно сообщение: «Гордимся вашим подвигом, клянемся не пропустить ни одного вражеского лазутчика через государственную границу. Пограничники».

А дети! Сколько восторга скрывается за этим текстом: «Поздравляем славных соотечественников. Пионеры отряда 7-го «Г» имени космонавтов Комарова, Егорова, Феоктистова».

Заглянем еще на один участок Центрального телеграфа: фотоцех. Здесь тоже быстро заявили о себе иностранные корреспонденты: один за другим стали приносить портреты космонавтов для передачи в свои зарубежные редакции. Девушки-фотооператоры стайкой сбежались к первым снимкам: всем хочется увидеть героев. Снимки быстро зарегистрированы, внизу написаны латинскими буквами фамилии космонавтов. Теперь дело за передающим аппаратом «Нева». На блестящем горизонтальном валике снимок укреплен зажимами. Аппарат включен, валик медленно завертелся, передача началась. В Лондон, в Дели, в Копенгаген... У одного из аппаратов хлопочут старший электромеханик Нина Романова и фотооператор Галина Иванова. Они готовят передачу снимков для Токио. «Здравствуйте, я — Москва, телефото». Из Токио раздается по-английски: «Здравствуйте, я — Токио». И вдруг оттуда, из-за тридевяти земель, доносится не предусмотренное служебными инструкциями русское слово: «Коросьо!» Так японская девушка-фотооператор выразила свои чувства.

В. РУДИМ

Победители соревнований штангистов в легчайшем весе (слева направо): И. Фельди (Венгрия)— 2-е место, А. Вахонин (СССР)— чемпион Олимпийских игр, Исиносеки (Япония) — 3-е место.

Фото АП — ТАСС.

НА СЕРЕДИНЕ ДИСТАНЦИИ

В. ВИКТОРОВ, М. ЕФИМОВ, специальные корреспонденты «Огонька»

Телевизор побеждает

Олимпиада впервые шагнула на азиатский материк. Популярность ее огромна. Для того, чтобы раздобыть билеты на состязания сильнейших атлетов мира, токийская молодежь в свое время разбивала бивуаки на асфальтированных тротуарах у стадионных касс.

Да, с билетами на Олимпиаду плохо. Так плохо, что и аккредитованные журналисты не могут попасть на все интересующие их соревнования. Их коллективные усилия увеличить количество мест для прессы закончились, в общем, ничем. И это несмотря на

Советские пловчихи Галина Прозуменщикова и Светлана Бабанина (справа) на пресс-конференции.

Фото А. Каткова (ТАСС).

Copyrighted material

то, что французы и англичане грозились вернуть свои корреспондентские карточки и покинуть Токио.

Мы даже подумали о том, что столь суровые ограничения для прессы являются своего рода рекламным трюком фирм, выпускающих телевизоры. «Зачем вам, господа, тратить время на переезды по городу, метаться с одной спортивной арены на другую, когда к вашим услугам голубые экраны «Мицубиси» и «Сони»? Сидите в мягких креслах пресс-хауза, пейте пиво и смотрите телевизоры».

И кто знает, насколько далеки мы были от истины! Радиопромышленность Японии развивается бурно. Транзисторные приемники, магнитофоны, сделанные в стране восходящего солнца, известны всему миру. Но здесь, в Токио, мы увидели последнюю новинку — портативные переносные телевизоры. Когда в день открытия Олимпиады представители прессы заняли свои места на стадионе, перед ними на пюпитрах голубели бесчисленные ряды уже включенных телевизоров. На трех журналистов приходится один телевизор, который в отличие от нас видит не только то, что происходит в данный момент на данном стадионе, но и неимоверно расширяет его границы. Пока трибуны и ложи распухали людьми, пока стадион ждал появления факелоносца, мы, сидя на трибуне, уже видели, как четверо юношей под эскортом полицейских-мотоциклистов бежали по улицам Токио. Они держали в руках факелы с олимпийским огнем. А потом, когда началась торжественная церемония, два телевизионных канала слились в один, помогая нам различать мелкие детали феерического зрелища, происходившего на зеленом поле.

Подвиг Геркулеса

Надо сказать, что японская промышленность захватила на Олимпиаде почти все ключевые позиции. Секундомеры и другие измерительные приборы, радио- и фотоаппаратуру, электронику — все поставили местные фирмы. Только оборудование счетного центра и пишущие машинки привезены из Европы.

Когда мы вошли в огромный рабочий зал пресс-центра, нам показалось, что это снова Рим: то же оформление, ультрасовременные линии, фотокопии древнеримских фресок. Те же ряды бесшумных машинок «Оливетти»...

Но это все же не Рим, а Токио. И президент Международного олимпийского комитета Эвери Брэндедж зубрил не итальянскую, а японскую фразу, которую он должен был произнести, предоставляя слово императору Японии. Теперь эта короткая фраза произнесена и прозвучало долгожданное: «Ёи дон — внимание, старт!» Гигантское колесо Олимпиады пришло в движение, неудержимо устремилось вперед. И туго приходится журналистам. Мелькают перед глазами отдельные эпизоды, словно кадры на экранах японских телевизоров. Попробуй отбери из них главные.

Старт Олимпийских игр не дешево обошелся японцам. 9 октября на улицах Токио было насмерть задавлено 6 человек и 161 ранен. А на следующий день число автомобильных жертв возросло: еще 8 трупов и свыше двухсот раненых. С этой скорбной статистикой можно знакомиться каждый день: она вывешивается на всех полицейских постах.

В первый же день Олимпиады появились жертвы не только бешеного уличного движения, но и напряженной спортивной борьбы. И тут уж ничего не поделаешь, такова природа спорта: кто-то должен проигрывать. И вот прославленная баскетбольная команда Бразилии терпит поражение от перуанцев.

Ускользает из рук хозяев Олимпиады первая золотая медаль из числа тех 15, которые они намерены удержать у себя. Разыгрывалась она на тяжелоатлетическом помосте в самый первый день игр. Мы понимаем, что к тому дню, когда эти строки дойдут до читателя, Олимпиада окажется уже на середине дистанции и множество интереснейших событий заслонит тот поединок штангистов. Но то, что мы увидели тогда в зале Сибуйя, никогда не изгладится из памяти. Встреча атлетов легчайшего веса по накалу борьбы, по достигнутым результатам, по своей психологической подоплеке наверняка будет записана на скрижали мирового спорта.

Для победы Алексею Вахонину необходимо было вытолкнуть 142,5 килограмма. Не меньше! А ведь это новый мировой рекорд! Возможно ли это? Кто может ответить утвердительно на такой вопрос...

Когда наш маленький Геркулес чуть вразвалку, поводя могучими плечами, вышел на помост и встал около штанги, все мы перестали дышать. Очень уж нам хотелось, чтобы Лешенька отлично выступил в третьем движении! А еще через мгновение Вахонин поднял штангу над ярко освещенным помостом. И вот его уже на руках уносят из зала. А тяжелый спортивный снаряд целой толпой волокут на весы.

С новым мировым рекордом в сумме трех движений победил Алексей Вахонин.

Опасность совершенства

Так часто бывает в спорте: легче выиграть, когда от тебя не ждут победы, но зато какой невиданной силы пресс давит на спортсмена, когда ему заранее пророчат золотую медаль! Эта проверенная на практике философия спортивной борьбы именуется «философией темной лошадки». И действительно, вспомним, как тяжело пришлось в Инсбруке нашему конькобежцу Евгению Гришину, которому еще до старта были отданы чемпионские лавры. Теперь в таком же положении оказались Валерий Брумель, Юрий Власов и многие другие спортсмены.

Поэтому выдержать психологическую атаку, предшествующую самим соревнованиям, не «перегореть» до старта — это первая задача, которую предстояло решить многим советским олимпийцам.

Наши легкоатлеты появились в олимпийской деревне только к открытию игр. Они провели акклиматизацию и последние тренировки вдалеке от токийской суеты, в курортном городке Никко. Правда, японцы говорят: «Кто не видел Никко, тот не знает прекрасного». Может быть, поэтому многочисленные иностранные корреспонденты ринулись в этот курортный городок? Но почему же тогда они интересовались не чудесной природой и древним синтоиским храмом, а все время проводили на стадионе, изучая наших легкоатлетов и атакуя вопросами их тренеров? Но наши парни и девчата, видимо, успели побывать в храме, где навеки застыли изваяния трех обезьян. На них вырезано следующее изречение: «Не вижу, не слышу, не говорю».

Конечно, советские легкоатлеты и тренеры не следовали слепо этому изречению: они приветливо беседовали с гостями. Но прогнозов и оценок избегали. И все же журналисты не остались в накладе. «Таинственное» уединение на загородном стадионе — разве это плохой материал? Они даже попробовали сделать из этого сенсацию. Но ведь таинственно уединились не только наши легкоатлеты. Укрылись от посторонних взглядов и японские гимнасты.

Две кульминации

Так полностью повторился римский сюжет: в то время как советские гимнасты и гимнастки дважды в день проводят тренировки в том же самом зале, где им предстоит подойти к снарядам 18 октября, их главные соперники готовятся к соревнованиям в каком-то укромном уголке, высылая на тренировки наших спортсменов своих «лазутчиков». Это не помешало, правда, токийской спортивной газете «Хоти» заявить: «Советские гимнастки упражняются открыто, зато мужчины проводят свои занятия при закрытых дверях». Мы решили проверить это утверждение и в тот же день отправились в спортивный зал. Он был заполнен зрителями и фотокорреспондентами, среди которых были, вероятно, и представители «Хоти». Ведь не случайно на следующий день мы прочитали в этой газете, что Цапенко и Диомидов, судя по всему, владеют элементами «ультра-си» не хуже японцев, что Шахлин не имеет шансов на победу и Титов тоже. «Конечно, Титов и сейчас еще продолжает стремиться к победе в многоборье,— писала газета,— но есть все основания предполагать, что Эндо будет первым. Когда мы, беседуя с Титовым, сказали ему об этом, он только улыбнулся, но ничего не ответил». А вот что заявил сам Эндо корреспонденту газеты «Хоти»: «Для меня не составляет сомнения, что японские гимнасты в командном и личном первенстве должны добиться успеха».

Ну что ж, о значении, которое придают японцы психологической подготовке, мы уже писали в первом репортаже. Но такую развернутую атаку никто, конечно, увидеть не предполагал. И, перелистывая страницы газеты «Хоти», мы подумали, что если главной кульминацией Римской олимпиады явилась легкая атлетика, то программа Токийских игр составлена по принципу двух кульминаций: легкая атлетика и гимнастика.

Пока что всеобщее внимание по-прежнему приковано к тяжелоатлетическому помосту и водным дорожкам — первым тактам олимпийской партитуры. Но 12 октября в Токио появилось еще одно не запланированное Олимпиадой зрелище — небо. Весть о полете космического «Восхода» мгновенно прокатилась по городу. Все спортсмены с гордостью повторяли слова приветствия, с которыми к ним обратилось славное космическое трио.

Галя Прозуменщикова, 15-летняя севастопольская пловчиха, принесшая нашей команде вторую золотую медаль, рассказала нам, как весть о новом полете в космос вдохновила ее к борьбе. А когда Япония ликовала по случаю победы своего штангиста Иосинобу Миякэ, установившего новый мировой рекорд в легчайшем весе и обогнавшего американца Бергера, к новому олимпийскому чемпиону тут же, в зале, подошел Юрий Власов и вручил Миякэ золотую медаль за выдающиеся спортивные достижения. Вручил и при этом заявил:

— Эта первая советская медаль, которую получает иностранный спортсмен, должна быть вам вдвойне памятна. Ведь сегодня стартовал ввысь сразу целый экипаж советских космонавтов.

Журналисты окружили советского богатыря, и в очередном номере крупнейшей японской газеты «Асахи» появилось заявление Юрия Власова о полете корабля «Восход»: «От всей души поздравляю наших космонавтов. Я не знаю их лично, но уверен, что они такие же чудесные люди, как мой дорогой друг Юрий Гагарин. Они принесли моей Родине золотые медали в освоении космоса. Я, в свою очередь, приложу все усилия, чтобы порадовать советский народ золотой олимпийской медалью».

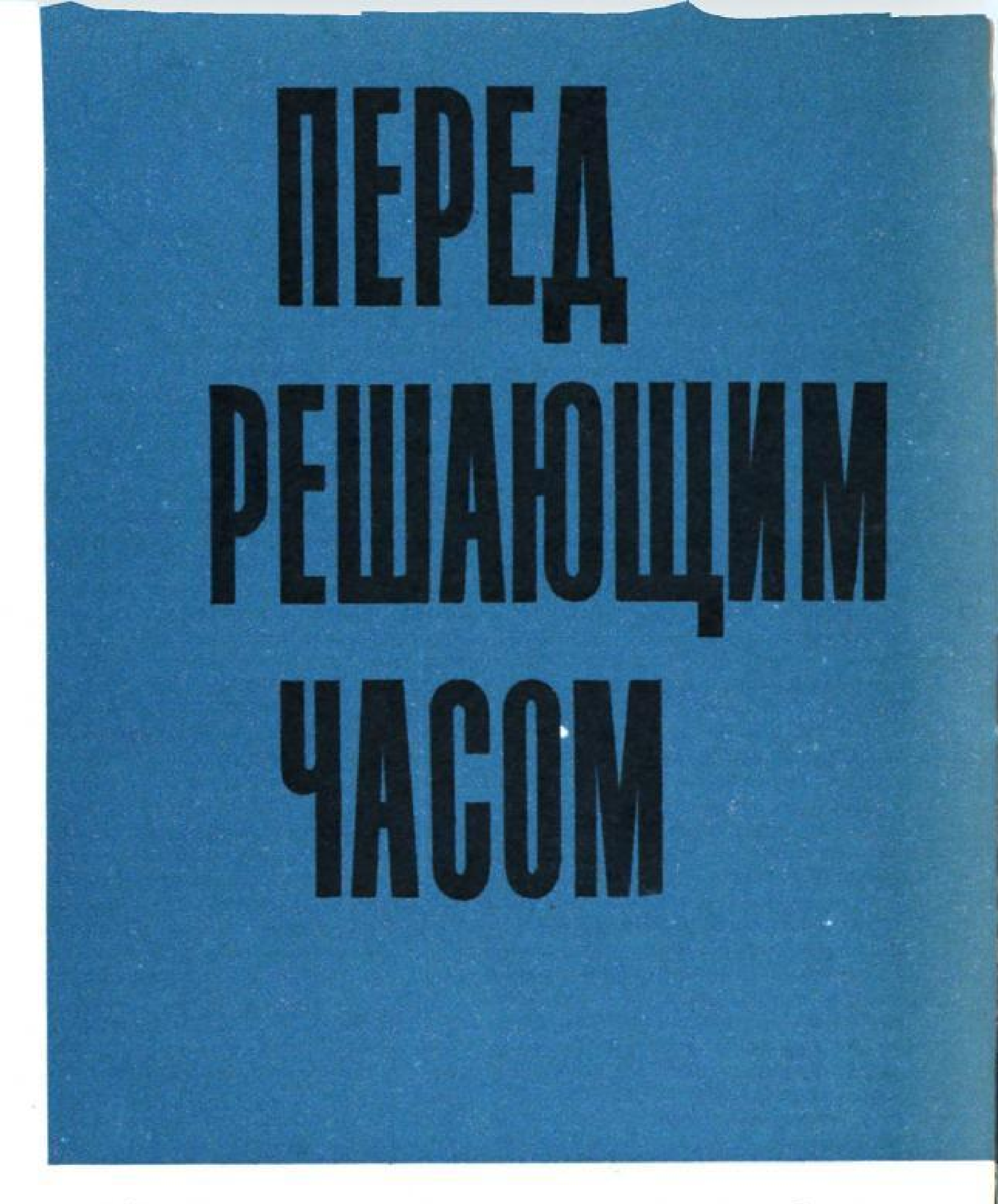
Токио.

Американская спортсменка Пейшенс Шерман и советский ватерполист Эдуард Егоров.
Фото ЮПИ.

Copyrighted material

Леонид ВЕЛИЧАНСКИЙ (Репортаж из Нью-Йорка)

ЭКВИЛИБРИСТИКА ГОЛДУОТЕРА

В начале избирательной кампании кандидат республиканской партии в президенты сенатор Барри Голдуотер сказал, что он не оставит без внимания ни одной части страны, но в основном «будет стрелять уток там, где они водятся». По мнению его штаба, их больше всего на расистском Юге. Туда сенатор и направился в свою первую длительную поездку. Там ему действительно была подготовлена пышная встреча. В Алабаме целый стадион в один голос отвечал Голдуотеру криком «бу-у» всякий раз, когда он называл имя своего противника — президента Джонсона или его предшественника Кеннеди. Расисты не могли простить Джону Кеннеди законопроект о гражданских правах негров. Но Кеннеди был бостонцем — одним из тех северных янки, которые не могут понять «духовных ценностей» белого Юга. Техасец Джонсон, при котором ненавистный законопроект стал законом, для них — перебежчик и предатель.

В Шривпорте в Луизиане, где, как утверждают, на квадратную милю приходится больше расовой ненависти, чем в любой другой части Соединенных Штатов, толпа выла от удовольствия, когда Голдуотер поносил Верховный суд США. «Линчевать Уоррена!» — это старый лозунг на Юге. Он звучит с тех пор, как в 1954 году Верховный суд под председательством Уоррена сделал первую уступку поднимающейся борьбе негров — признал расовую сегрегацию в школах противозаконной.

Если бы в толпе журналистов, сопровождавших сенатора в поездке по Югу, оказался несведущий иностранец, он подумал бы, что все негры покинули южные штаты. Их не было на митингах. Они обходили стороной улицы, по которым проезжал Голдуотер, чтобы кто-нибудь не подумал, что они вышли его приветствовать. Это была молчаливая, но самая мощная демонстрация за всю поездку сенатора по южным штатам. Весь «черный Юг» продемонстрировал свое презрение к кандидату республиканской партии.

Несведущий человек мог подумать также, что на Юге нет никакой расовой проблемы. Сенатор за всю поездку ни разу не произнес слова «негр». Он не упоминал о расовой проблеме. Вернее, не упоминал о ней открыто. По сути же, это была главная тема его речей. Но весь разговор шел на условном языке, который прекрасно понимали его слушатели. Он говорил о «преступниках и мародерах», и всем было ясно, что сенатор имеет в виду участников негритянских демонстраций. Он говорил о священном праве собственности, и все понимали, что речь идет о праве белых не пускать «черномазых» в **свои** рестораны и отели, в **свои** кварталы города. Понимали и бешено аплодировали. Это был их кандидат. Он завоевал симпатии не сейчас, а еще в тот день, когда голосовал в сенате против закона о гражданских правах.

Как-то еще до поездки Голдуотера на Юг одного белого южанина спросили, за кого он будет голосовать.

— Конечно, за этого... как его... который голосовал против негров,— ответил тот.

Возвращаясь с глубокого Юга, Голдуотер сделал остановку в Чарлстоне, в Западной Вирджинии. Там он выступил с речью, в которой доказывал, что так называемая «война против нищеты» является «предвыборным трюком» демократов. Эта «война», объявленная президентом Джонсоном незадолго перед избирательной кампанией, действительно, никакой конкретной программы пока не имеет, а первые ассигнования на «войну» с нищетой мизерны.

Но Голдуотер говорил совсем не об этом. Он заявил, что «война с нищетой» является обманом потому, что... никакой нищеты в Соединенных Штатах нет. «Бедность,— развивал он свою мысль,— трюк статистиков». Мысль эта для Голдуотера была не нова. Всех удивило только то, что он выступил с изложением таких взглядов в самом центре Аппалачей — огромного района хронической безработицы, который и при республиканском правительстве официально считался зоной бедственного экономического положения.

Но сенатор пошел дальше. Отступив от подготовленного текста, он высказал действительно весьма оригинальный взгляд на историю человечества и происхождение частной собственности. Марксистский лозунг «каждому по потребностям», заявил сенатор, впервые был изобретен... обезьянами! Обезьяны, должно быть, собирали и складывали в кучи кокосовые орехи, откуда каждая брала, сколько ей нужно. Но затем одна обезьяна «стала хитрее и положила начало свободному предпринимательству». По-видимому, Голдуотер хотел польстить капиталистам тем, что они произошли не от обычной, а от хитрой обезьяны.

«ЗДЕСЬ НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ»

Республиканский кандидат летал на Юг на специально оборудованном реактивном «Боинге». В этом самолете есть миниатюрная телестудия, радиотелефон, телетайпы и прочие чудеса. На таком самолете кандидат может в один день побывать в пяти-шести штатах.

Но подобная предвыборная техника имеет и свои недостатки. Кандидат может выступать только там, где есть аэродромы, пригодные для посадки большого реактивного самолета. Аэродромы, где в таких случаях организуются митинги, расположены вдали от городов.

Поэтому в штаты Огайо, Индиана и Иллинойс, которые республиканские стратеги считают решающими для исхода выборов, Голдуотер отправился на специальном поезде. Раньше поездки на таких агитпоездах были основным методом предвыборной кампании. Назывались они «Уисл-стоп» (остановки по свистку). При таком способе передвижения митинги проходят в черте города близ железнодорожных станций.

В 18 вагонах поезда «Голдуотер спешиел» разместился штаб кандидата, сопровождающие его журналисты, местные политики, которые по мере передвижения поезда из одного избирательного округа в другой сменяют друг друга. Несколько купе занимали «призраки». Это вполне реальные существа, сочиняющие речи для кандидата. Они же писали речи для «охотника за ведьмами» сенатора Маккарти.

Кандидат всегда едет в заднем вагоне. Этот вагон имеет большой открытый тамбур, который превращается в трибуну.

Штаты среднего запада, куда направился Голдуотер, считаются традиционной территорией республиканцев. Однако толпы, встречавшие здесь Голдуотера, были пожиже, чем на Юге, в них наряду с его сторонниками и просто зеваками были и противники. На первой же остановке в Огайо, в маленьком городке Мариетт, где 12 лет не останавливались пассажирские поезда, жители встретили Голдуотера не только с его собственными портретами, но и с лозунгами: «Барри влюблен в бомбы», «Я слишком молод, чтобы умирать»...

В Афинах, где находится университет штата Огайо, в толпе, встречавшей Голдуотера, было много студентов. На плакате, который украшал тамбур — трибуну подъехавшего поезда, был самый ходовой лозунг республиканцев: «В душе вы чувствуете, что он прав». А на плакате, который держали студенты, были слова: «Зато умом вы понимаете, что он неправ». На другом плакате было написано: «Не допустим третьей мировой войны». Сенатор обратился непосредственно к шумевшим студентам: «Исправьте ваш лозунг. Третья война уже идет. Мы стоим на пороге четвертой». Ему ответили криками.

— Если бы не забота о вас, о молодежи,— увещевал их Голдуотер,— я бы давно бросил политику.

— И хорошо бы сделал! — кричали ему в ответ.

В десятом избирательном округе, где находятся восемь графств, входящих в зону экономического упадка, поезд Голдуотера встретили несколько человек с плакатом: «Здесь не останавливайтесь. Мы и так бедны».

ЗАБАВНЫЕ ФОКУСЫ И МРАЧНЫЕ АНЕКДОТЫ

Не успел поезд «Голдуотер спешиел» тронуться с Вашингтонского вокзала, как все пассажиры обнаружили в своих купе бюллетенчик «Уисл-стоп», в котором высмеивалась политика Голдуотера. В конце была приписка: «Следующий номер прочтете за завтраком».

Помощники Голдуотера поднялись в 5 утра, чтобы изловить таинственного лазутчика противника. Но под дверями всех купе уже лежал свежий номер. В нем было описание «Голдуотеровской утренней зарядки»: после стойки «смирно» нужно закрыть глаза и шагать вперед затылком. «Однако осторожно, господа,— предостерегал неведомый автор,— не шагните в пропасть».

Когда представители печати отправились в вагон-ресторан завтракать, их багаж был обыскан. «Лазутчиком» оказалась хорошенькая девушка по имени Оконнор из добровольцев национального комитета демократической партии. Ее высадили на первом же полустанке в За-

Copyrighted material

падной Вирджинии. Секретарь Голдуотера по печати Вик Голд, размахивая бюллетенем, кричал с подножки: «Это ваше последнее издание!» Но он ошибся.

Через день на большой остановке, где Голдуотер выступал на митинге, Оконнор раздавала пассажирам агитпоезда и публике очередной номер «Уисл-стоп». Вместе с нею был организатор этого трюка демократ из Калифорнии Пренкстер Такк, которого хорошо знают по прежним избирательным кампаниям. В 1960 году он испортил немало крови кандидату республиканцев Никсону.

В избирательных кампаниях широко используются все достижения рекламной техники. Это придает выборам шумный, даже балаганный характер. Можно видеть, например, красоток, у которых пониже спины большими буквами написано «Голдуотер». И не подумайте, что это противники сенатора. Напротив! Красотки уверены, что так имя кандидата привлечет больше внимания и это обеспечит ему еще несколько голосов. Другие щеголяют в подвязках с жетоном Голдуотера; платья настолько короткие, что эти подвязки видны каждому.

Но, в общем, на этот раз это не веселая кампания. Прежние выборы не затрагивали в такой мере жизненных вопросов. Многие американцы к поражению своего кандидата относились скорее по-спортивному. Сейчас другое. В кампании за Голдуотера наиболее активную роль играют члены крайне правых организаций. Это злобные фанатики, за которых думают другие. Кроме того, юмор вообще всегда был чужд фашизму.

Уверенные в победе демократы острят, но их юмор тоже довольно мрачен. Вот молодые люди приколотили к палке щиток, какие вешают на мачты высоковольтных передач,— череп, кости и надпись: «Осторожно, смертельно!» На черепе намалеваны очки, как у Голдуотера. Остроумно, но не весело.

В этом же духе выдержано и большинство голдуотеровских анекдотов, которые сейчас в большом ходу.

— Какая, по-твоему, будет жизнь, если победит Барри?

— Короткая!

Раньше, сидя у телевизоров, американцы смотрели, как на негров спускают полицейских собак, видели дымящиеся развалины негритянских церквей, только что взорванных расистами. Они слышали о травле коммунистов. Они слушали по радио бред берчистов о крестовом походе против социалистических стран. Во всем этом они улавливали сходство с нравами третьего рейха, но отмахивались:

— «Кукс»! «Натс»! (спятившие, чокнутые). Это не может случиться в Америке!

А теперь, когда кандидат всех этих «кукс» оказался у порога Белого дома и претендует на кресло Линкольна и Франклина Рузвельта, они озадачены: Голдуотер может случиться... Если сами они не помешают этому. И им не весело. Американцы, участвовавшие в избирательных кампаниях на протяжении трех десятилетий, свидетельствуют, что ни в одной из них оба лагеря не были охвачены такой мрачной решимостью.

ИНТЕРВЬЮ ГОСПОДИНА ХАНТА

Сколько раз приходилось читать (да и писать) фразу: «Воинственные круги США стремятся к мировому господству». И вот, пожалуйста. Почтенный старец с бледным, одутловатым лицом говорит с экрана телевизора: «Америка должна господствовать над миром». И повторяет эту фразу несколько раз, меняя отдельные слова: «распоряжаться», «управлять», «командовать».

Он говорит спокойно, тоном проповедника, без всяких жестов, и только пальцы его непрерывно движутся, словно он быстро перебирает невидимые четки. Это нефтяной король Гаролдсон Хант. Многие считают его самым богатым человеком в мире. Но выглядит он самым несчастным человеком. Среди белого дня его мучают кошмары. Ему всюду мерещатся коммунистические заговорщики — в правлениях могущественных банков Нью-Йорка, в правительстве и даже в Белом доме.

Каждую неделю его состояние увеличивается на миллион. Но и это не приносит ему радости, так как его политическое влияние не растет пропорционально богатству. И вот он бросает деньги на крестовые походы против коммунизма, на оплату антикоммунистической программы, которая транслируется сотнями местных радиостанций, на поддержку ультраправых организаций и на избирательную кампанию Голдуотера. Наконец, он сам берется за перо и пишет роман об идеальном государстве, где есть справедливость: голоса на выборах там распределяются в строгом соответствии с богатством.

Вопросы Ханту задает профессор Принстонского университета Эрик Голдман. Он пытается найти логику в обвинениях, которые выдвигаются в финансируемой Хантом радиопрограмме по адресу не только демократических, но и республиканских государственных деятелей. На каком основании Эйзенхауэр причислен к «сознательным агентам международного коммунистического заговора»?

— Пусть не сознательный — результат все равно один,— делает уступку Хант.

В чем же состав преступления, в котором американские ультра обвиняют самых верных служителей капитала?

Все, оказывается, очень просто: Америка должна и может господствовать над миром. А Вашингтон отступает перед коммунизмом по всему фронту, ведет какие-то переговоры и даже заключает соглашения с безбожной Москвой, вроде договора о частичном запрещении ядерных испытаний. Это ли не измена?

Хант не одинок. Он лишь наиболее колоритная фигура в целом сонме щедрых «благодетелей», набивающих карманы ультра зелеными бумажками. А помимо них, есть еще целые крупные корпорации, финансирующие правые организации из-под полы.

Именно ханты и финансируемые ими организации сделали из серенького аризонского сенатора фигуру национального масштаба. Это их кандидат.

Решение о выдвижении Голдуотера кандидатом в президенты США от республиканской партии было принято в чикагском отеле «Эвенью мотел» 8 октября 1961 года на совещании двадцати двух представителей крайне правых организаций. Тогдашнее руководство республиканской партии узнало об этом значительно позднее.

Теперь эти «первоначальные» голдуотеровцы оттирают в сторону прежних политиков республиканской партии, примкнувших к Голдуотеру позднее. Они рвутся к власти. Но и поражение на выборах их не обескуражит. Они уже добились важной победы, захватив в свои руки партийную машину республиканской партии в центре и во многих штатах. Теперь они превращают республиканские комитеты на местах в координационные центры ультраправых организаций. Избирательный бюллетень не единственное их оружие.

Недавно на сборище ку-клукс-клана в Стоун Маунтен, в Джорджии, оратор в зеленом балахоне, какие носят местные клановцы, говорил о том, как много может достигнуть решительно настроенное меньшинство.

— Даже один человек может сделать многое. Помните, что сделал один человек в Техасе?

Балахоны зааплодировали. Они помнили выстрелы в Далласе...

ПРЕДВЫБОРНЫЕ ЗИГЗАГИ

В последние недели обнаружилось, что даже значительная часть республиканцев намерена голосовать против Голдуотера из-за боязни, что его политика может привести к ядерной войне.

Тогда был сделан первый поворот. Совещание в «шоколадной столице» Хёрши должно было создать видимость примирения с либеральным крылом партии и подсластить голдуотеровскую пилюлю.

В пропаганде был сделан главный упор на то, чтобы рассеять мнение о кандидате республиканцев, который «говорит, не думая, и стреляет, не целясь». Телезрителей угощали такими пасторалями: на фоне идиллического пейзажа, облокотясь на изгородь, за которой овечки мирно пощипывали травку, два человека — Барри Голдуотер и Айк — вели тихую беседу.

— Все эти разговоры о твоей безответственности — чепуха. Человек, который видел войну, не может хотеть войны. А ведь ты, Барри, был на войне,— говорил старый генерал более молодому.

Одновременно Голдуотер и республиканский кандидат в вице-президенты Миллер предприняли отчаянную атаку против демократов по многим направлениям. Они объявили поход за моральное возрождение, обвиняя правительство в коррупции. Но обнаружилось, что и у самих у них рыльце в пуху.

Республиканские кандидаты обвинили правительство в попустительстве преступности. Но это противоречило основной позиции Голдуотера, который выступает в защиту прав штатов от вмешательства центральной власти. А борьба с преступностью находится в ведении штатов. К тому же многие рассуждали подобно комику Грегори: "Люди с голдуотеровскими жетонами нас тревожат больше, чем подростки, которые ходят с ножами».

Кандидаты республиканской партии обвинили демократов в том, что их партия — партия большого бизнеса. Это уж совсем смешно, поскольку одновременно они обвиняют правительство Джонсона в том, что оно «толкает страну к социализму». Даже самым невежественным избирателям трудно поверить в то, что большой бизнес Америки рвется к социализму.

Наконец, республиканские кандидаты предприняли попытку использовать так называемый «белый бумеранг» — раздражение отсталой части белого населения борьбой негров за расовое равноправие.

Это доставило демократам немало тревог. В Америке знают, что расовые, национальные и религиозные предрассудки опасны, как клубок спящих кобр. Но, как показало развитие предвыборной кампании, теперь эта игра на предрассудках имела ограниченный успех и то главным образом на Юге.

После месячной предвыборной кампании Голдуотер оказался в лучшем случае в том же положении, в каком он ее начал. Опросы избирателей (в том числе проведенные самими республиканцами) показывают, что соотношение сил — два к одному в пользу Джонсона — сохранилось. На митинги, где выступает президент Джонсон, собирается вдвое, а то и втрое больше народа, чем на митинги республиканского кандидата в президенты.

И вот речью в Цинциннати Голдуотер совершил новый поворот. Он отбросил маскировку и поставил главную ставку на разжигание антикоммунистической истерии. Обозреватели расценили этот поворот как верный признак паники.

* * *

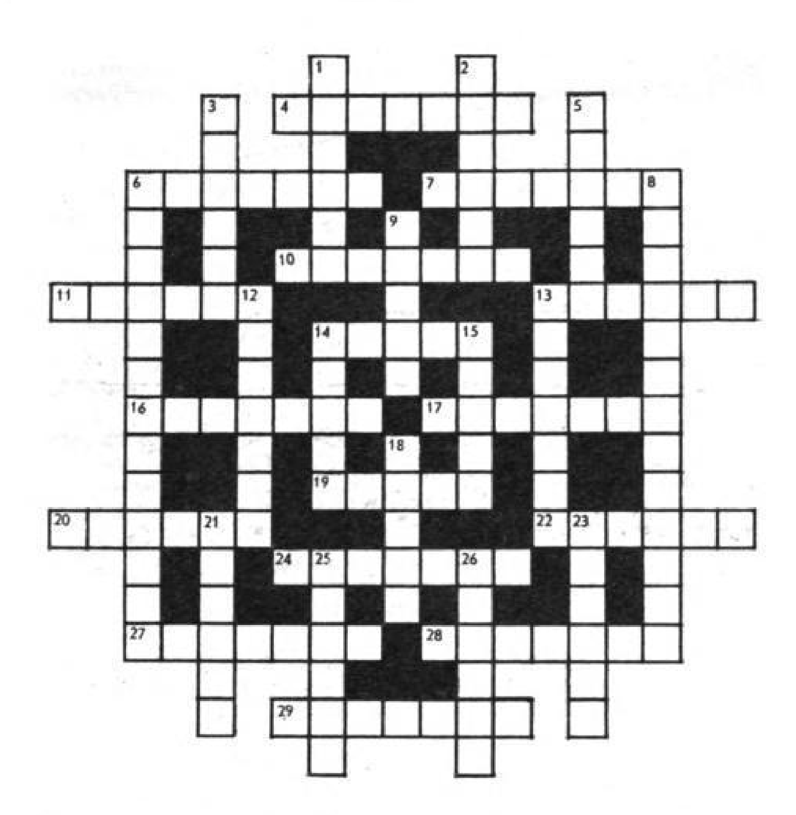
Демократы сделали главным вопросом своей предвыборной стратегии самого Голдуотера, то есть поставили вопрос: **можно ли такому человеку доверить кресло президента и кнопку ядерной войны!** По словам обозревателей, «Голдуотер удавится на веревке, свитой из его собственных противоречивых заявлений». Поэтому Джонсон если и отвечал своим противникам, то только косвенно, ни в одной из своих речей он пока не назвал имени Голдуотера.

Но по мере приближения даты выборов демократы тоже усиливают свою кампанию. Последнее время президент иногда выступает по десять раз в день. Весь упор сейчас делается на то, чтобы сторонники демократов в день выборов не остались дома, полагая, что «Джонсон и без нас победит». В одной из своих последних речей Джонсон предсказал своей партии победу, но тут же оговорился:

— Отбросьте наши розовые предсказания и наше хвастовство и принимайтесь за работу... чтобы в день выборов все явились к урнам и не забыли, за кого надо голосовать!

Copyrighted material

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». 6. Русская народная сказка. 7. Небесное тело. 10. Походный инвентарь. 11. Песчаный холм. 13. Столярный инструмент. 14. Рассказ И. С. Тургенева. 16. Русский живописец XIX века. 17. Лиственный лес. 19. Устройство в печах или котлах. 20. Овощ. 22. Повесть Л. Н. Толстого. 24. Материал для мозаики. 27. Столица союзной республики. 28. Сельскохозяйственная машина. 29. Французский композитор.

По вертикали:

1. Река в СССР. 2. Пушной зверек. 3. Осетровая рыба. 5. Предмет мебели. 6. Сотрудник газеты, журнала. 8. Музыкант. 9. Остров в Тирренском море. 12. Приманка для рыбы. 13. Автор оперы «Русалка». 14. Областной центр в БССР. 15. Крутой спуск. 18. Опора рельсов. 21. Советский физик, академик. 23. Минерал. 25. Квалифицированный рабочий. 26. Путешественник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

4. Спартакиада. 6. Пейзаж. 7. Отвага. 9. Анды. 10. Растрелли. 11. Майн. 15. Шезлонг. 18. Лимузин. 19. Домкрат. 20. Магистраль. 21. Дебаркадер. 24. Анероид. 26. Арбенин. 27. Фолиант. 30. Явор. 31. «Подросток». 32. Гауя. 35. Анилин. 36. Салака. 37. Амортизатор.

По вертикали:

1. Сарафан. 2. Маргаритка. 3. Вартоло. 4. Сейф. 5. Адан. 6. Пудель. 8. Абажур. 9. Александрия. 12. «Неизвестная». 13. Аннотация. 14. Зимородок. 16. Готланд. 17. Бакелит. 22. Григорович. 23. Верона. 25. Гитара. 28. Собинов. 29. Лопасть. 33. Лира. 34. Кадр.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-10; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00771. Подписано к печати 16/X 1964 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 906 500. Изд. № 1739. Заказ № 2678.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Курс — космос!

Рисунки К. Невлера и М. Ушаца.

Кандидат технических наук К. П. Феоктистов:

— А теперь, друзья, посмотрим, как устроена эта самая «небесная механика».

Еще одна ступенька...

Рисунки В. Черникова.

Пентагон в рассТРОЕнных чувствах.

Copyrighted material

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

15 ОКТЯБРЯ ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1965 ГОД

«Огонек» в каждом номере публикует повести и рассказы. Лучшие писатели пяти континентов — постоянные авторы журнала. В «Огоньке» публикуются стихи советских и зарубежных поэтов. В портфеле журнала — романы и повести об интересных судьбах людей, об их жизни и борьбе.

Очеркисты «Огонька» расскажут о людях переднего края семилетки, совершат с вами путешествия в малоизвестные уголки нашей Родины, поведают о странах — далеких и близких, героях гражданской и Великой Отечественной войн.

Проблемы быта, морали, взаимоотношения человека и общества, семьи и школы — темы выступлений на страницах журнала известных журналистов и публицистов.

С трибуны клуба «Здоровья» с вами будут беседовать виднейшие деятели медицинской науки. Вы прочтете в журнале статьи и очерки о выдающихся ученых и деятелях культуры.

На цветных вкладках найдете репродукции картин из собраний крупнейших галерей мира.

Любители спорта смогут прочесть в «Огоньке» о футболе, хоккее, шахматах и многих других видах спорта и его лучших представителях.

Специальные корреспонденты «Огонька» продолжат свой рассказ о самом интересном в сегодняшнем мире.

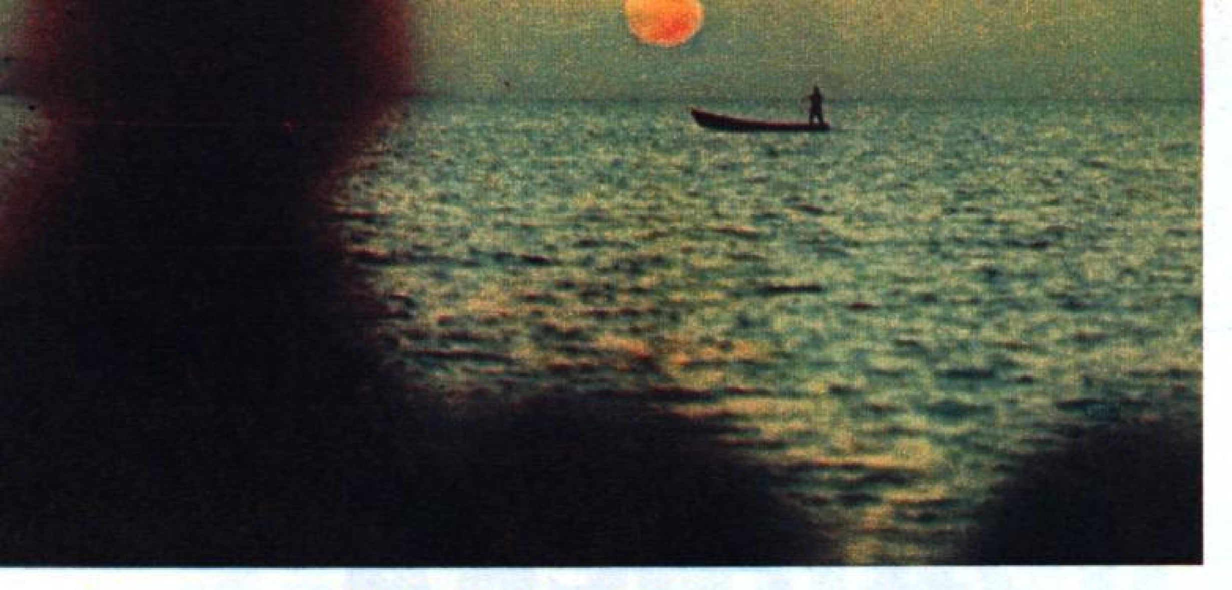
Вниманию своих подписчиков «Огонек» предлагает собрания сочинений Синклера Льюиса, А. Грина, А. Малышкина, А. Доде. Как и в прошлые годы, «Огонек» выпускает свою «Библиотеку»— 52 книжки в год.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

В ОТДЕЛАХ И АГЕНТСТВАХ «СОЮЗПЕЧАТИ», ОТДЕЛЕНИЯМИ СВЯЗИ, А ТАКЖЕ ОБЩЕСТВЕННЫМИ РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ ПО МЕСТУ РАБОТЫ.

1965

Copyrighted material

Первыми встречают солнце кайраккумские рыбаки.

Оператор Абдулла Ташев удостоен за свою работу диплома на Всесоюзном кинофестивале.

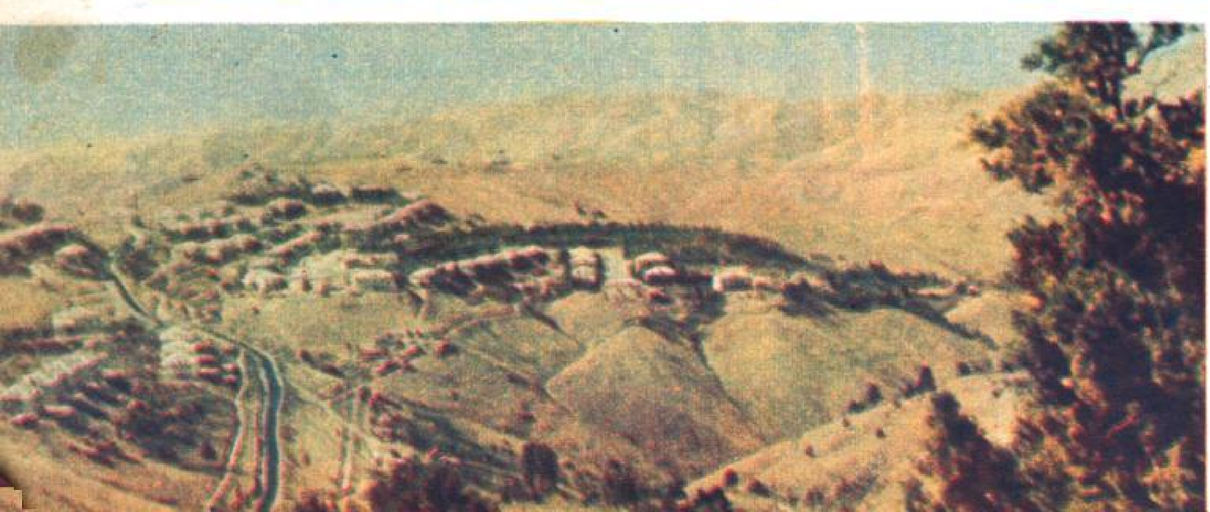
И в Кайраккуме появились свои ихтиандры...

Алтын-Топкан — одна из кладовых таджикского «Урала».

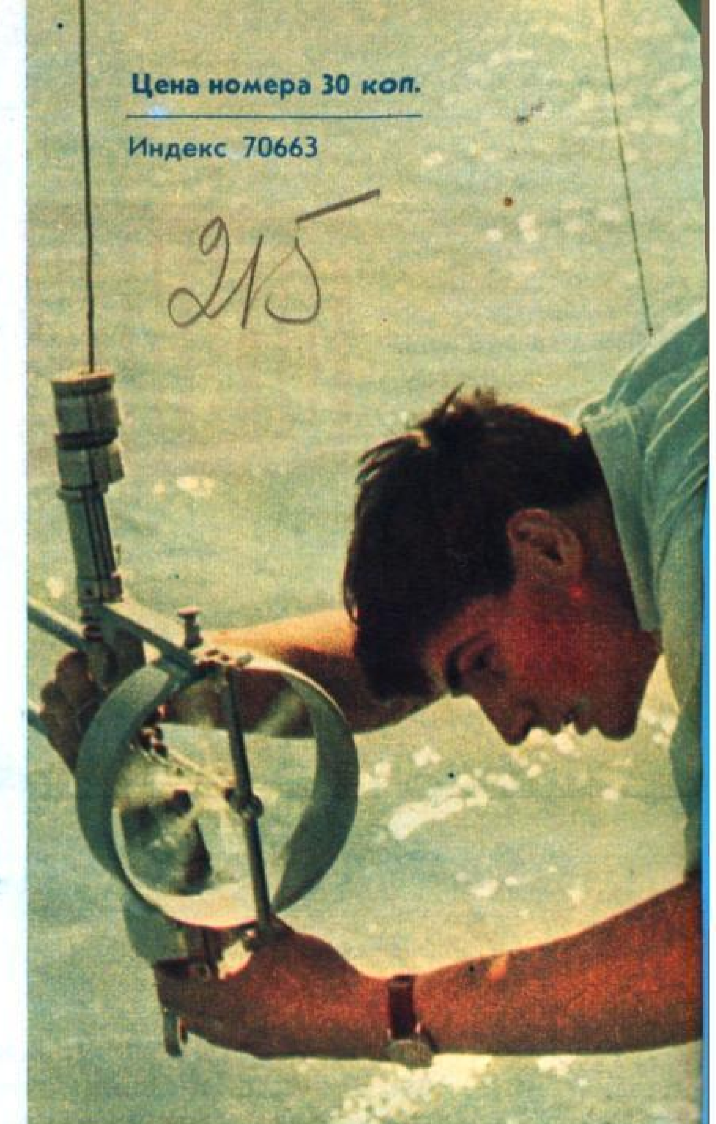
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Цена номера 30 коп.

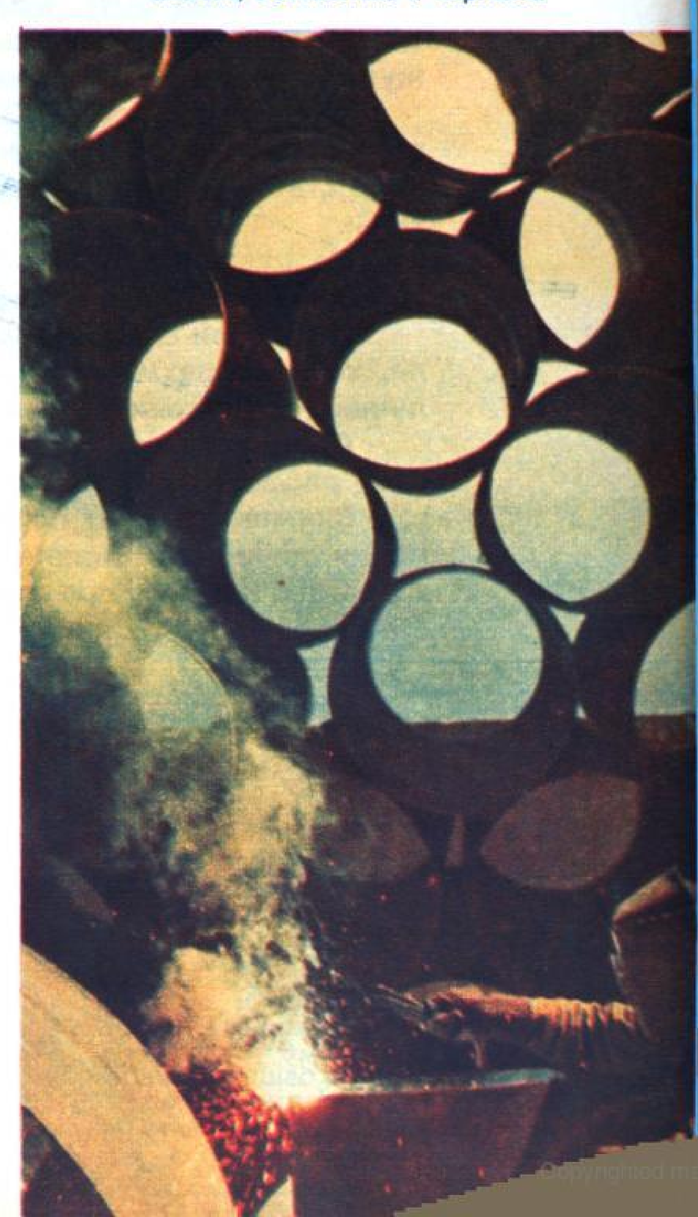
Индекс 70663

215

Таджикское море — объект неустанных исследований. Будущий гидролог Игорь Прошляков проходит здесь практику.

По этим трубам пойдет живительная влага из Кайраккумского водохранилища на орошаемые земли Таджикистана, Узбекистана и Киргизии.

Copyrighted material